

Материалы международной конференции
«Маргиналии-2019: границы культуры и
текста», Осташков (Тверская обл.)
30 августа - 1 сентября 2019

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

Общая информация о конференции

Тезисы докладов

1. Наталия Азарова (Москва). Язык поэзии испанских мистиков (Сан Хуан де ла Крус)
2. Валентина Апресян (Москва), Михаил Гронас (США). Что такое метактант и с чем он нас ест?
3. А. В. Архангельская (Москва). Шут как маргинал в русских стихотворных фацециях XVIII века
4. Д. Е. Афиногенов (Москва). Поэт с сомнительной репутацией – образец для христиан? Сотад и Сотат в Византии
5. О. Н. Афиногенова (Москва). Таинственная история в греческой агиографии конца XIX в.
6. М. В. Ахметова (Москва). Названия жителей в советских газетах: от маргиналии к мейнстриму
7. Е. Э. Бабаева (Москва). К становлению «наивной антропологии»: *недоросток VS. подросток*
8. А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (Москва). Об одном подходе к лингвистическому определению индивидуального стиля писателя (на примере Достоевского и его современников)
9. Б. И. Беленкин (Москва). Проигранная жизнь Гавриила Мясникова: цареубийца в жизни, в мемуарах и на страницах романа Владимира Шарова
10. А. Ю. Белькинд, А. Л. Лифшиц (Москва). Московитский балет XVII века, или Что случилось с ослицей мельника
11. Ф. Н. Блюхер, С. Л. Гурко (Москва). Об уточнении одного значения слова «современный»
12. А. А. Бобрихин (Екатеринбург). Наивное повествование на границах вербального и визуального
13. А. В. Богатырёв (Тольятти). На периферии «дел государевых»:
14. «личный» аспект в письмах В.М. Тяпкина к А.С. Матвееву
15. Т. А. Богумил (Барнаул). Путь В.М. Шукшина от культурной периферии к центру как смена объектов самоидентификации
16. Н. Г. Брагина (Москва). Между авторской поэзией и сетевым фольклором: сообщество «Вижу рифмы»
17. Евгений Брейдо (Нью-Йорк). Строфика Владимира Гандельсмана
18. М. А. Бурганова (Москва). О некоторых региональных особенностях изображения страдающего Христа
19. М. М. Вознесенская, Е. Я. Шмелева (Москва). Единицы тематической группы ПРИВЕТСТВИЯ в «Интертекстуальном тезаурусе русского языка»
20. О. А. Волошина (Москва). О путешествии Герасима Лебедева в Индию (по архивным материалам РГАЛИ)
21. А. П. Гаврилова (Москва). Разгром «Нового мира» в дневниках и воспоминаниях А.С. Берзер
22. И. В. Галактионова (Москва). Книгоноша Иван Голубев: путешествие на Амур

23. М. В. Головизнин (Москва). 1. Образ шамана в стихах и прозе Варлама Шаламова как инструмент познания творческого процесса
24. М. В. Головизнин (Москва). Самиздат текстов Шаламова и КГБ
25. С. Л. Гонобоблева (Санкт-Петербург). Дневник учителя истории из города Владимира
26. М. А. Графова (Москва). «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»: как и почему у одного ребенка в СССР до 1926 года могло быть несколько пап
27. А. А. Гусева (Москва). Черноризец Храбр как «негрекофильский» историк
28. С. Г. Дюкин (Пермь). Дисфункционализация рок-культуры в воспоминаниях очевидцев: воспоминания периферийных музыкантов о советском роке рубежа 80-90-х гг.
29. С. М. Евграфова (Москва). Ментальное и чувственное в тексте
30. В. А. Ермакова, И. Ю. Смирнова (Москва). О новых находках из частного архива Дроздовых: к истории родственных связей Филарета, митрополита Московского
31. И. В. Ерохина (Тула). «А ведь сон – это тоже вещичка»: об одной строфе «Поэмы без героя» Анны Ахматовой
32. М. В. Живова (Рим). Фигуры Кирилла и Мефодия и национально-конфессиональная идентичность карпатских русинов во второй пол. XIX – первой трети XX в. на материале «Месяцесловов для русинов крайны угорской»
33. Н. И. Завгородняя (Барнаул). Алтай как маргинальное пространство в текстах А.В.Коробейщикова: концептосфера «граница-проводник»
34. Е. Н. Зарецкая (Москва). Эстетические и этические особенности ироничной речи
35. Ю.П. Зарецкий (Москва). «Введение краткое во всякую историю» для славянороссийского народа: Первый учебник всемирной истории и его читатели
36. Т. С. Зевахина (Москва). Сюжет с медведем в «Блокнотах» и в повести «Север» Евгения Замятина
37. Д. И. Зубарев (Москва). Три урода (беспартийные евреи в руководстве ОГПУ-НКВД-МВД)
38. М. Ю. Игнатъева (Оганисьян) (Барселона-Москва). «Записки по истории испанской поэзии и испанских поэтов» Мартина Сармьенто: первый черновик Истории испанской литературы
39. В. Л. Каганский (Москва). Провинция и периферия в культурном пространстве.
40. Ю. В. Кагарлицкий (Москва). Мемуары Н.Б. Долгорукой как литературное произведение.
41. Ю. В. Карпич (Москва). Локальные субкультуры: маркеры «защиты» времени и территории
42. А. В. Карпова (Москва). Роман Вирджинии Вулф «Орландо»: на стыке художественного и биографического
43. А. Л. Касаткина (Москва). Что Джон Фишер читал в тюрьме или ещё один пример пользы интернета
44. И. Б. Качинская (Москва). Женщина легкого поведения: номинация и мотивация (по материалам архангельских говоров)
45. К. Л. Киселева (Москва). Он сам не свой или не в себе? Пограничные состояния в идиоматике Достоевского
46. Е. И. Кислова (Москва). Старейший гимн городу Осташкову из собрания РГБ
47. А. Д. Козеренко (Москва). *Уронить слезу в бокал*: нестандартные проявления эмоций в идиоматике Достоевского
48. А. Г. Кравецкий (Москва). Маргинал, придумавший кухню российского среднего класса
49. Т. Ю. Кравченко (Москва). Концепция советского «журнала для народа»: «Огонек» и «Прожектор» в 1920-е годы

50. С. И. Крук (Рига). Неопределенность формальных процедур как фактор отношений между центром и периферией
51. И. А. Крылова, Н. А. Тулякова (Санкт-Петербург). *Предание, сказание, легенда: периферийные жанры русской литературы XIX века в поисках жанрового статуса*
52. М. Ю. Кукин (Москва). «Архитектурное» прочтение текста Канона ко святому причащению
53. А. И. Куляпин (Барнаул). Центр и периферия в художественном пространстве рассказа Ивана Катаева «Под чистыми звездами»
54. Е. Е. Левкиевская (Москва). Об одной глоссе на полях чешской рукописи 1366 г. в связи с сюжетом сказки «Двенадцать месяцев»
55. И. Б. Левонтина (Москва). Об одном маргинальном употреблении союза *да*
56. В. И. Легких (Вена). Святые покровители: современный взгляд
57. Н. В. Ликвинцева (Москва). Дневник как свидетель событий: похищение генерала Кутепова на страницах эмигрантских дневников П.Е. Ковалевского
58. П. В. Лукин (Москва). Гостомысл как маргинальный персонаж древнерусской книжности
59. М. Л. Лурье (Санкт-Петербург). Уличные песни эпохи НЭПа: фольклор, наивная поэзия, массовая литература?
60. Г. В. Лютикова (Москва). О пометках Б. Л. Пастернака: семиотический статус (по материалам помет Б.Л. Пастернака в томике писем Р.М. Рильке)
61. Е. Н. Марасинова (Москва). Судебные практики в условиях гуманизации уголовного права второй половины XVIII века (по новым архивным документам)
62. А. А. Мельникова (Санкт-Петербург). Язык как текст культуры
63. П. Л. Микурова (Москва). Тема семьи и родственных связей в переписке Б.Л. Пастернака и О.М. Фрейденберг 1940–50-х годов
64. М. Ю. Михеев (Москва). Можно ли по диалектам различить двух Донских авторов, происходящих из мест, отстоящих друг от друга на сотню километров?
65. А. Б. Мороз (Москва). «Наша местная Грабарка...»
66. Н. Ю. Пахмутова (Москва). Гендерная тематика в произведениях М. А. Шолохова и Ф. Д. Крюкова: некоторые соображения к вопросу об авторстве «Тихого Дона»
67. Е. С. Островская (Москва). «Антология новой английской поэзии»: текст и паратекст
68. Т. В. Пентковская (Москва). Предисловие к читателю в первом русском печатном переводе Корана
69. А. А. Плетнева (Москва). Архаизмы и библеизмы в политическом языке начала XX века
70. С. В. Подрезова (Санкт-Петербург). Из истории одной мелодии городской песни
71. Д. К. Поляков (Москва). Центральная Европа как маргинальный локус: на полях одной дискуссии
72. Е. А. Потехина (Ольштын). Старообрядцы в Польше: история исследований
73. А. В. Птенцова (Москва). Книга, найденная в чулане: календарь деревенского коммуниста на 1926
74. Е. Э. Разлогова (Москва). Об этноцентризме в переводах на французский язык: нарушения нарративного изоморфизма
75. А. И. Резниченко (Москва). П.А. Флоренский как «маргинал»: трансцендентное, трансцендентальное, кругом, возможно, Бог
76. О.Г. Ровнова (Москва). «Погреть по силуару»: современные средства связи в быту и языке старообрядцев Южной Америки
77. М. И. Рухмаков (Москва). Эпистолярная полемика «путейцев» (С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, М. К. Морозова) вокруг предисловия к сборнику памяти Владимира Соловьева

78. Л. Н. Рягузова (Краснодар). «Слово» в эпистолярном дискурсе В. Набокова: функционально-семантический аспект («Письма к Вере»)
79. Ирина Савкина (Тампере). «Своя среди чужих, чужая среди своих»: мемуары Айно Куусинен «Господь низвергает своих ангелов»
80. С. Ю. Семенова (Москва). О некоторых стандартных и маргинальных моментах, связанных со словом *логика*
81. А. А. Сенькина (Санкт-Петербург). Педагоги как писатели, писатели как педагоги: литературные карьеры в школьных книгах для чтения 1860-х — 1910-х гг.
82. Е. Г. Серебрякова (Воронеж). Становление идентичности «диссидент» в ходе петиционных кампаний 1960-70-х годов
83. С. Е. Сидорова (Москва). «Невидимые» и «неслышимые»: слуги в англо-индийских дневниках и травелогах XIX в.
84. И. С. Слепцова (Кызласова) (Москва). Научные знания в повседневной жизни ярославского крестьянина
85. Н. В. Соболева (Москва). Художественное и документальное в «человеческом документе»: роман М.Юрсенар «Мемуары Адриана» (1951)
86. Е. Г. Соколова (Москва). Сравнение и Контраст: о разметке дискурсивных отношений в тексте
87. О. В. Соколова (Москва). Роман-дневник «Башня» В. Сосноры: язык свидетельства и свидетельство языка
88. С. М. Соловьёв (Москва). Переписка Варлама Шаламова и Надежды Мандельштам: диалог равных
89. М. В. Станюкович (Санкт-Петербург). Передача и комментирование филиппинских реалий в испаноязычных романах Хосе Рисаля и их русских переводах
90. Е. В. Степанян-Румянцева (Москва). Портрет на грани исчезновения. К вопросу о портретных изображениях у Достоевского
91. И. З. Сурат (Москва). Стихотворение О.Мандельштама «Цыганка»: сюжет и смысл
92. Светлана Тамбовцева (Санкт-Петербург). Воображаемый алфавит ВсеЯСветной Грамоты: эзотерическое учение и телесные практики
93. А. В. Уржа (Москва)
94. Судьба переводческих сносок к русским изданиям «Приключений Тома Сойера»
95. Е. В. Фейгина (Москва). Автокоммуникация в работе У. Эко «Поэтики Джойса»
96. О. Е. Фролова (Москва). Минимальный текст и его функционирование
97. Е. А. Худенко (Барнаул). Биспациальность «алтайского» поэтического текста второй половины XX века
98. Л. С. Чаковская (Москва). Открытие иконы в советской живописи 1960-70х: хронология очевидного
99. С. Ф. Членова (Москва). Н. А. Дмитриева о методах в искусствоведении
100. И. А. Шаронов (Москва). Динамика эмотивных проявлений в русском этикете
101. Я. Г. Шемякин (Москва). О возможности возникновения цивилизационной альтернативы на периферии социокультурной системы России: еще раз о староверах-странниках
102. О. Д. Шемякина (Москва). История любви московской обывательницы. Дневники Марии Николаевны Шустовой
103. Г. Г. Шеянов (Москва). Вечнодвижущаяся машина. Два казуса духовного делопроизводства в Российской Империи
104. А. Д. Шмелев (Москва). Паремии, используемые в прозе Солженицына, и проблемы их перевода
105. А. П. Шустова (Москва). Письма Г. Ф. Лавкрафта как объект междисциплинарных исследований

Anna A. Hlaváčová (Bratislava-Florence). Two pro-Muscovite redactions in the manuscript tradition of the travelogue *A Journey to Florence*

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Гуманитарное знание предлагает традиционное членение предметных сфер, которыми занимаются специалисты, работающие в конкретных областях. При этом целые пласты явлений оказываются *маргинальны*, попадая на «ничейную» территорию, находясь между – лингвистикой и психологией, философией и историей, искусствоведением, культурологией и т. д. Анализ конкретных проблем внутри подобных явлений с обращением к еще не охваченному традиционными дисциплинами материалу кажется наиболее эффективным способом развития методологии гуманитарного знания. Именно таким «пограничным» областям знаний посвящена данная конференция.

МЕСТО И ИСТОРИЯ ПРОВЕДЕНИЯ

Наши конференции традиционно проводятся в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры. Это уже седьмая подобная конференция.

Первая проходила в 2008 году – в *Юрьеве-Польском*, городе Владимиро-Суздальской Руси, создавшем архитектуру мирового значения, но всегда остававшимся окраиной.

Вторая, в 2010 году – на севере, в *Каргополе* – на водоразделе Беломорского и Балтийского бассейнов.

Третья, в 2012 году, в *Касимове* – городе, через всю историю которого проходила идея границы.

Четвертая, в 2014 году, в *Ельце* – одном из самых древних пограничных городов России, возникшем на Юго-восточной окраине Киевской Руси еще в XI веке.

Пятая, в 2015 году, – в *Полоцке*, самом древнем городе Беларуси, долгое время стоявшем на пересечении с культурными традициями Западной Европы.

Шестая, в 2017 году, – в *Торжке*, старшем ровеснике Москвы, пограничном форпосте Новгородской республики.

Нынешнюю седьмую конференцию в 2019 г. мы проводим в *Осташкове*. На этот раз местом проведения стал город, определивший облик русского уездного города. В XVIII веке застройка Осташкова была признана образцовой и ее воспроизводили при реконструкции всех уездных городов Российской империи. Город стоит на границе стихий. Его пространство сформировано границей земли и воды. Городские улицы упираются в воду, а дальше начинается уже совершенно иной мир озера – с заливами, деревнями на берегах и монастырями на островах.

В этом году у нас 107 участников, около 2/3 из которых это москвичи, а 1/3 - из других городов России (из Барнаула, Воронежа, Екатеринбурга, Краснодара, Перми, Санкт-Петербурга, Тольятти, Тулы), а также ближнего и дальнего зарубежья – из Барселоны, Вены, Дартмута (США), Нью-Йорка,

Ольштына, Тампере, Риги и Рима. Более 80% участников – это ученые со степенью (31 кандидата и 55 доктора наук), остальные же – преподаватели, студенты, аспиранты, творческие работники и свободные исследователи.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Научно-исследовательский вычислительный центр Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Институт философии РАН (Москва)

Федеральный Исследовательский Центр «Информатика и Управление» РАН (Москва)

Saitama University (Университет города Саитама, Япония).

Осташковский краеведческий музей (Филиал Тверского государственного объединённого музея)

ТЕМАТИКА КОНФЕРЕНЦИИ

- 1) «От окраины к центру»: проблемы изучения периферии русского культурного пространства.
- 2) Текст на границах художественного – как объект исследования разных гуманитарных дисциплин.
- 3) Дневниковый и биографический текст: дневники, записные книжки, письма, мемуары, маргиналии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

междисциплинарные исследования, центр и периферия, границы культур, маргинальное в тексте, говорящий, пишущий, повествователь, рассказчик, адресат, дневниковый текст, эго-текст, автокоммуникация, автобиография, агиография, мемуары, «наивные» тексты, «свое» и чужое слово, подтекст, несобственно-прямая речь, проблемы подлинности текста

ОРГКОМИТЕТ

М.Ю. Михеев, доктор филологических наук, в.н.с. лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ (председатель оргкомитета и программного комитета)

А.Г. Кравецкий, кандидат филологических наук, в.н.с. ин-та русского языка РАН (зам. председателя оргкомитета)

Е.Б. Козеренко, кандидат филологических наук, заведующая лабораторией Компьютерной лингвистики и когнитивных технологий обработки текстов ФИЦ ИУ РАН

Ф.Н. Блюхер, кандидат философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Ноака Сусуму, профессор Саитамакского ун-та, Япония

Н.М.Бодрова, заведующая Осташковским филиалом Тверского государственного объединенного музея.

Тезисы докладчиков

Наталья Азарова (Москва)

Язык поэзии испанских мистиков (Сан Хуан де ла Крус)^[1]

Сан Хуан де ла Крус (1542-1591) – поэт первого ряда, считающийся покровителем всех поэтов, пишущих на испанском языке. Такое звание присвоил ему 1998 году папа Иоанн Павел II, а 21 марта 1952 он был удостоен звания покровителя всех испанских поэтов. Несмотря на небольшое количество написанных текстов и хотя Сан Хуан де ла Крус не считал поэзию делом своей жизни, как поэта его нельзя назвать маргинальным автором, и в то же время его жизнь и отношение к поэзии провоцирует нас на новое понимание маргинальности.

Для Сан Хуана де ла Круса писание стихов было лишь одним из способов мистической практики, который заведомо не имел преимуществ над любыми другими, прежде всего созерцания.

Маргинальность такой поэзии не в том, что она оказывается на задворках или на периферии либо личной, либо общественной жизни, а именно в ее равноположенности другим видам человеческой деятельности, в том числе обыденным делам, вплоть до приготовления пищи. В таком понимании поэзии идея гениальности / гения исключается.

Важный аспект маргинальности текстов многих испаноязычных мистиков (Сан Хуана де ла Круса, святой Терезы, Луиса де Леона) – это их принадлежность к выходцам из «новых христиан», то есть крещеных евреев, и их сомнительное происхождение предопределяет их маргинальность по отношению к христианскому монашескому истеблишменту. Сан Хуан де ла Крус не стыдился своего происхождения и заявлял, что он сын простого торговца тканями или простой ткачихи. Это была очень отважная фраза в Испании второй половины XVI века – отнесение себя к людям, которые занимаются ручным трудом, то есть «новым христианам» еврейского или мусульманского происхождения, в обществе, где все стремились выглядеть как «старые христиане».

Новую маргинальность можно рассматривать и как позицию Ордена босых кармелиток, который был основан Терезой и который отрицал отшельнически покаянный уклад монастырей в пользу созерцательных духовных практик. Прежде всего отрицалось умерщвление плоти и суровые наказания. Но Сан Хуан де ла Крус маргинализируется по отношению к обычным мистическим практикам, даже по отношению к Терезе. Он не приемлет практики экстаза и экстатического визионерства, считая их духовной роскошью, удовольствием, которые попадают в группу удовольствий вообще.

Жизнь Сан Хуана де ла Круса – это скорее отдаление от всех благ, включая духовные, и в этом смысле владение поэтическим даром – это благо, которым мистик не имеет право наслаждаться. Еще один путь маргинализации – это отказ признать те дополнительные возможности, которые дает институциональная образованность. Сан Хуан де ла Крус, прекрасно образованный и знающий латынь, древнегреческий и, возможно, арабский, писал все же по-испански.

Для мистика универсальность и маргинальность не являются противоположностями. Более того, крайний универсалист обречен на маргинальность.

Билингвизм «новых христиан», с одной стороны, предопределяет некую маргинальность, с другой, способствует мышлению надъязыком, соотносясь с языком мистики. Мистик исследует все возможные способы теоретической и практической коммуникации, разрушая традиционное средневековое представление между наукой и опытом, и в этом смысле язык стремится к универсальности. Мистик-универсалист часто склоняется к местоименному письму. Одна из главных задач языка мистика – это невыделение главного и второстепенного, намеренное непонимание их порядка.

В поэзии Сан Хуана де ла Круса изобилуют непривычные сочетания, слова, которые не должны стоять рядом, возникает соблазн характеризовать их как оксюморон или парадокс с точки зрения обычной логики. Было бы правильнее характеризовать эту особенность языка мистики как неявную неологию или неявную фразеологию. В то же время сочетания слов не являются произвольными, не рассматриваются как свобода творчества. Они как бы манифестируют верность сознанию тайны.

Сведения об авторе:

Наталья Азарова
Институт языкознания РАН

Валентина Апресян (Москва), Михаил Гронас (США)

Что такое метактант и с чем он нас ест?

В мировой поэзии, особенно в европейской поэзии XX века, широко распространен троп, представленный в следующих примерах: Я и садовник, я же и цветок (Мандельштам); Кто был охотник? — Кто — добыча? / Все дьявольски-наоборот! (Цветаева); O body swayed to music, O brightening glance, / How can we know **the dancer from the dance**? (Yeats); And then the gradual and dual blue / As night unites **the viewer and the view** (Nabokov), Je suis la **plaie** et le **couteau**! / Je suis le **soufflet** et la **joue**! / Je suis les **membres** et la **roue**, /Et la **victime** et le **bourreau**! (Baudelaire), Ist dir **Trinken** bitter, werde **Wein** (Rilke).

Цель нашего доклада - прояснить лингвистические и когнитивные механизмы этого тропа. С одной стороны, он напоминает метафору, поскольку основывается на сближении объектов разных когнитивных доменов (*палач* и *жертва*, *садовник* и *цветок*). С другой стороны, в нем имеется метонимический компонент, потому что сближаемые понятия являются в каком-то смысле смежными; как правило это актанты при одном, обычно не называемом, предикате (*Палач казнит жертву*, *Садовник выращивает цветы*). Мы предлагаем называть этот троп метактантом.

Природа смежности в метактанте отличается от распространенных в языке метонимических сдвигов у существительных - таких, как ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, КОНТЕЙНЕР-СОДЕРЖИМОЕ, АВТОР-ПРОИЗВЕДЕНИЕ. В языке метонимические переносы в полисемии существительных обычно происходят следующим образом: наименование актантного существительного используется применительно к актанту этого существительного (ср. *чайник* как наименование контейнера и его содержимого). В метактанте перенос происходит между актантами предиката, причем семантические роли отождествляемых актантов являются в некотором смысле противоположными - например, агенс (*палач*) и пациенс (*жертва*) при имплицитном предикате *казнить* (в примере Бодлера), экспериенцер (*viewer*) и стимул (*view*) при имплицитном предикате *смотреть*.

Для языковой метонимии не характерен перенос между актантами предиката: например, за немногими исключениями (АВТОР-ПРОИЗВЕДЕНИЕ) для объектных и субъектных ролей обычно не используются одинаковые номинации. Субъектно-объектная метонимия представлена в некоторых языках в системе глагола (ср. так называемые лабильные глаголы), когда один и тот же глагол используется для обозначения целенаправленных контролируемых действий агентов (*I broke a cup*) и событий, происходящих с объектами (*The cup broke*). Однако для существительных она не характерна, поскольку когнитивная дистанция между субъектами и объектами, по-видимому, слишком велика.

Совмещение метафоры и традиционной языковой метонимии в поэзии маловероятно именно в силу того, что метафора предполагает сходство между когнитивно удаленными объектами, а языковая метонимия - смежность между близкими объектами. Например, тропы вида *Я и баран, я и баранина, Я и чашка, я и чай* звучат комично, в отличие от метактанта *Я и охотник, я и добыча*, где отождествляются далекие семантические роли. При этом когнитивная "эффективность" метактанта связана как раз с отождествлением того, что одновременно и близко, и далеко: близко потому, что входит в одну ситуацию и в связанный с ней привычный актантный набор, и далеко, потому что роли этих актантов антитетичны (ср. *палач и жертва*).

Метактант - безусловно, маргинальный троп. Насколько нам известно, он не встречается в естественном языке, а в поэзии распространен неизмеримо реже, чем метафора и метонимия, с которыми он граничит. Однако в некоторых культурных и философских контекстах метактант актуализируется - например, при выражении скепсиса по отношению к классической субъектно-объектной дуальности в поэзии европейского модернизма или в религиозной и философской риторике в связи с оппозицией Творца и твари.

Сведения об авторах:

Валентина Апресян (ВШЭ)
Михаил Гронас (Dartmouth College)

А. В. Архангельская (Москва)

Шут как маргинал в русских стихотворных фацециях XVIII века

В русских стихотворных фацециях XVIII века существенное место занимают новеллы, главным героем которых является шут. По мнению А. В. Кокорева, одним из источников стихотворной редакции фацеций был неизвестный сборник о похождениях шута^[2]; при этом среди ученых бытуют разные мнения касательно того, являются ли все эти проделки фрагментами жизнеописания одного и того же героя или речь идет о разных шутах^[3]. В качестве основного качества шута всегда называется «увеселительность» и «куриозность»: он дурачит глупцов и обманывает обманщиков, выводит на чистую воду лгунов и хвастунов, наставляет рога доверчивым мужьям и ставит на место спесивцев; в фацециях с ним довольно часто оказываются связаны натуралистически сниженные детали. При том, что шут выходит победителем из достаточно сложных коллизий не только бытового, но и социального плана (несколько новелл рассказывают о придворной службе шута и, в частности, о том, как он становится не только инициатором, но и жертвой придворных интриг), его образ оказывается несколько более сложным, чем традиционный для фацеций образ удачливого ловкача, не задумывающегося над моральными вопросами.

Особенно показательна с этой точки зрения новелла «О том же шуте»^[4], в которой объединены два вроде бы не связанных друг с другом самостоятельных сюжета: 1) о ссоре шута с королем, изгнании шута и хитроумном способе его возвращения и 2) о мнимой смерти шута. Основная канва типична для новелл о королевском шуте: придворные, ненавидя шута за его «посмеяательства», приносят королю жалобы, но в конечном счете король, любящий шута, прощает все его выходки. Важно, что «куриозность», «увеселительность» трактуются как природные, данные от рождения свойства шута, повлиять на которые и тем более изменить которые он не в силах. Главная же его вина заключается в том, что он «не так стал жить»^[5] и насмеялся над королевой.

Смелость и решительность заставляют шута постоянно ходить по лезвию ножа, балансировать между любовью и ненавистью, между милостью и изгнанием. Двухчастная композиция новеллы (соблюдаемая далеко не всеми рукописными сборниками), возможно, не так уж случайна: однажды изгнанный и с большим трудом вернувшийся шут не может изменить образа жизни, хотя уже на собственном горьком опыте знает, чем это ему грозит.

Не менее сложны и взаимоотношения шута с королем: не только шут не может жить ни в каком другом месте, но и король ощущает пустоту, когда рядом с ним нет шута. И хотя новелла заканчивается благополучно: шут навсегда остался при королевском дворе – все же общее впечатление далеко не оптимистичное. Способствует этому и насыщенность второй части новеллы образами печали, скорби и смерти.

Таким образом, в этой новелле мы имеем весьма слабые отзвуки того образа шута, о котором на материале западноевропейской средневековой литературы писал М.М.Бахтин: «Шут – один из древнейших образов литературы, и шутовская речь, определяемая специфической социальной установкой шута (привилегиями шута), — одна из древнейших форм человеческого слова в искусстве. <...> ...шут – это имеющий право говорить на непризнанных языках и злостно исказить языки признанные»^[6].

Сведения об авторе:

Архангельская Анна Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Д. Е. Афиногенов (Москва)

Поэт с сомнительной репутацией – образец для христиан? Сотад и Сотат в Византии

В первоначальном тексте хроники Георгия Монаха, написанном в 846/847 г. и сохранившемся в одной-единственной рукописи Coislinianus 305, среди многочисленных прочих фрагментов, исключенных позднейшими редакторами, имеется и такой (f. 274–275). Хронист комментирует историю с императором Феодосием II, который, возвращаясь с охоты, заехал к некоему отшельнику. Тот угостил его своей простой пищей, от которой уставший и проголодавшийся император пришел в восторг. Он приказал прибывшим приближенным получить от старца молитвенное напутствие, но потом отшельник, подозревая, что император захочет забрать его во дворец, бежал в Египет. Далее следует длинное нравоучительное отступление о том, что следует не гнаться за славой от людей, но уповать на посмертное воздаяние от Бога. Как ни странно, примеры приводятся из античной философии, разумеется, в ее анекдотической части. Упоминаются Сократ, Диоген, Антисфен, Платон и Фокион. Вывод следует такой: τοίνυν τοὺς Ἑλλήνων σοφοὺς οὔτε θάνατος, οὔτε δουλεία, οὔτε πένια παντελῶς ἐθουρήθησεν, ἀλλὰ καὶ

ἐνεκαλλωπίζοντο (итак, еллинских мудрецов совершенно не волновали ни смерть, ни рабство, ни бедность, но они еще и гордились [этим]).

Сократ упомянут в этом дискурсе дважды, причем первое упоминание выглядит весьма странно: «Подобно же и когда царь Птолемей, увидев откуда-то сверху Сократа философа обирающим вшей на солнце, спустился взять его во дворец, тот убежал, спрятавшись под куском пифоса». Никакой из царей Птолемеев, конечно же, не был современником Сократа. Разгадка обнаруживается в церковнославянском переводе этой версии хроники, известном под названием *Лѣтовникъ*. Вместо Σωκράτην там читается Сωтата. Такое написание имени позволяет с помощью корпуса текстов Thesaurus Linguae Graecae немедленно отождествить источник Георгия Монаха: это комментарий на речи Григория Богослова так называемого Псевдо-Нонна, или Аввы Нонна, автора VI в. (Pseudo-Nonniani in IV orationes Gregorii Nazianzeni commentarii / ed. J. Nimmo Smith. Corpus Christianorum. Series Graeca 27. Turnhout, 1992. Scholia mythologica. Oratio 4, historia 26, 9–13). Кто же такой этот Сотат философ? Упоминание царя Птолемея указывает не на кого иного, как на знаменитого Сотата Маронейского (или Критского), автора порнографических поэм о любви к мальчикам, а также непристойного сочинения, высмеивавшего царя Египта Птолемея II Филадельфа за женитьбу на сестре Арсиное. По имени поэта был даже назван особый ионийский стихотворный размер, в использовании которого свт. Афанасий Александрийский впоследствии обвинял Ария. Конец Сотата был печален: по одним сведениям, он умер в тюрьме, по другим, его запаляли в свинцовый ящик и бросили в море. Другого прототипа для Сотата Псевдо-Нонна не просматривается.

Византийцы, разумеется, знали о репутации Сотата. Достаточно сказать, что существенную часть сведений о нем мы черпаем из словаря «Суда» (X в.). Тем не менее, это не помешало Псевдо-Нонну использовать один из анекдотов об этом человеке в качестве душеполезного нарратива. Возможно, небольшая модификация имени как раз и была несколько неуклюжей попыткой диссоциировать героя рассказа от стихотворца со столь скандальной славой. Но тот же комментатор приводит стих, будто бы сочиненный о Сотате Птолемеем:

Θέλω τύχης σταλαγμὸν ἢ φρενῶν πίθον.
Удачи лучше капля, чем ума ведро.

Сведения об авторе:

Дмитрий Евгеньевич Афиногенов
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН

О. Н. Афиногенова (Москва)

Таинственная история в греческой агиографии конца XIX в.

В современных греческих календарях и синаксарях (не во всех) под 14 ноября есть короткое упоминание памяти новомученика Пантелеимона Критского († 1848). Мученичества или каких-то других биографических сведений не приводится, хотя в 1892 г. в Афинах монахом Иаковом Неаскитиотом было опубликовано Мученичество и служба Пантелеимону. Согласно этой публикации, он происходил с острова Спеце, был единственным ребенком в благочестивой семье. Переехал с матерью на остров Крит, где женщина поступила в монастырь, а Пантелеимон стал учиться. Однажды на него обратили внимание турки и стали склонять способного юношу к принятию ислама. Пантелеимон отказался, был посажен в тюрьму, а после казнен. Останки мученика мать перевезла на его родину.

Однако еще в 1865 г. митр. Афинский Феофил (Влахопападопулос; 1862–1871) распространил окружное послание, в котором сообщалось о некоей семье с острова Спеце

по неизвестной причине перебравшейся в 1821 г. на Крит. Член этой семьи, женщина по имени Анна, стала вести распутную жизнь и сожительствовать с турком, от которого родила сына Пантелеимона. Мальчик умер в 12-летнем возрасте по неизвестной причине. Через некоторое время мать изъехала из погребения его кости и стала путешествовать с ними по Греции, выдавая их за чудотворные мощи до тех пор, пока митрополит Феофил не забрал у нее останки ребенка и не провел расследование относительно ее биографии. Окружное послание митр. Феофила поддержал и Константинопольский Патриархат, однако, видимо, какое-то почитание Пантелеимона все же сохранилось (*Sophronios (Eustratiadis)*. *Hagiologion*. Athens, 1995. P. 373 [in Greek])

Сведения об авторе:

Афиногенова Ольга Николаевна
кандидат исторических наук, заведующая редакцией Агиографии ЦНЦ «Православная энциклопедия»
доцент кафедры Истории и теории церковного искусства Московской духовной академии

М. В. Ахметова (Москва)

Названия жителей в советских газетах: от маргиналии к мейнстриму

В литературе по восточнославянской ономастике зачастую высказывается мнение о том, что число оттопонимных дериватов (в том числе названий жителей) увеличилось в советский период по сравнению с досоветским, в частности, под влиянием развития местной печати. В докладе предпринимается попытка показать, что рост употребимости этих номинаций в советских газетах происходил неравномерно.

Было произведено статистическое обследование областных газет Петрограда/Ленинграда, Твери/Калинина и Тамбова за 1918—1955 гг., а также за 1960 и 1965 гг. (сплошной поиск номинаций в избранных выпусках: первый и последние выпуски года, а также номера, приуроченные к 23 февраля, 8 марта, 1 мая, 9 мая и 7 ноября).

Выявлено, что в 1920-е — первой половине 1930-х годов в газетах названия жителей места издания газеты были фактически единичны. Рост их числа отмечается во второй половине 1930-х; в 1940-е годы их число достигает пика и далее остается стабильно высоким. Например, в номерах газеты «Петроградская/Ленинградская правда», приуроченных к 1 мая и 7 ноября (два номера, обычно за 1 и 4 мая, 7 и 10 ноября), название *питерцы* (*питерец*) / *ленинградцы* (*ленинградец*, *ленинградка*) за 1921—1935 гг. встретилось всего 6 раз, в 1936—1940 гг. — 7 раз, в 1941—1945 гг. — 163 раза, в 1946—1950 гг. — 59 раз.

Как представляется, эти тенденции обусловлены не в последнюю очередь изменением общественно-политического дискурса. В рамках говорения о родине в конце 1920-х годов «на полном ходу еще работала риторическая машина интернациональной солидарности»; с середины 1930-х «реабилитировалась и риторика (русской, а не “пролетарско-интернационалистической”) Родины. Кульминация этого процесса — конец войны и послевоенные годы»; хрущевские же времена «ознаменовались появлением риторики малой родины, что сигнализировало вступление на идеологическую арену локализма...» [Сандомирская 2001: 20—21].

Малое число названий жителей города — места издания газеты в раннесоветский период связано, вероятно, с малой актуальностью территориальной идентификации в сравнении с вышедшей на первый план идентификацией классовой. Наиболее предпочтительными для именованя жителей в первые десятилетия советской власти были описательные модели, содержащие указание, с одной стороны, на территориальную, а с другой — на классовую/профессиональную принадлежность (*пролетарии города Ленина*; *ленинградские рабочие*; *рабочие*, *крестьяне*, *красноармейцы* и *все честные*

труженики Тамбовской губернии; тверские рабочие, работницы, красноармейцы и граждане и др.).

Во второй половине 1930-х годов происходит поворот от пролетарского интернационализма к патриотизму; усиление патриотических тенденций в особенности связано с периодом Великой Отечественной войны. В газетах появляются обращения не только и не столько к «трудящимся», сколько к называемым «по имени» горожанам; растет число материалов о земляках, что предполагает использование соответствующих номинаций (мобилизационная функция таких текстов очевидна). В текстах такого рода следует отметить риторику гордости: с одной стороны, жители города «вместе со всей страной» гордятся земляками, которые самоотверженно трудятся, воюют на фронте и т. д., с другой, конструируется локальная идентичность: принадлежность к локальному сообществу позиционируется как повод для гордости жителей и диктует необходимость соответствовать определенным требованиям, т. е. быть сильным и отважным патриотом (ср.: «Ленинградцы — люди крепкой породы, и согнуть их нелегко, пусть не мечтает об этом немец!» — Ленинградская правда, 23.02.1944). Указанные тенденции продолжают и в послевоенные годы.

Литература

Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. (Wiener slawistischer Almanach; 50).

Сведения об авторе:

Ахметова Мария Вячеславовна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Е. Э. Бабаева (Москва)

К становлению «наивной антропологии»: *недоросток* VS *подросток*

Хорошо известно, что типологически определение возраста по годам — явление довольно позднее. Изначально представление о возрасте связывалось со словами, исконое значение которых — ‘рост’ или ‘сила’, иначе говоря, возраст воспринимался как определенный уровень размера или силы.

Само слово *возраст* изначально указывало именно на рост человека и только затем начинает указывать на количество прожитых лет. Точно также и слово *взрослый*, известное с 18 века, характеризовало человека как *рослого*. Это значение представлено еще в Словаре русского языка, составленном имп. Академии наук, который вышел в 1895 г. под редакцией Я. Грота: «Достигший полного роста; вышедший из отроческого возраста».

Можно предположить, что физиологическое осмысление процесса взросления достаточно поздно отступает в пользу социального, и *воспитание* отделяется от *вскармливания*.

Согласно первым двум изданиям Словаря Академии Российской (1793; 1822), существительное *подросток* входило в ряд *недорослый, недоросток, недоросль* и обозначало человека, который «приближается, достигает совершенного роста». Однако в 1847 году в Словаре церковно-славянского и русского языка слово *подросток* осмысляется не в связи с ростом, а в связи с возрастом — приближающийся к «надлежащему» возрасту.

Первые примеры употребления слова *подросток* относятся к 30-м годам 19 века. Согласно НКРЯ, постепенно количество употреблений слова возрастает: 1840-1850 —

10 ; 1850-1860 – 8 ; 1860-1870 – 36 ; 1870-1880 : 200 вхождений. Всего - с 1860 по 1900 уже более 400 против 20, которые находятся в НКРЯ для первой половины XIXв.

Мотором внедрения слова *подросток* в словарь возраста послужили, по всей видимости, бытоописательные тексты. Прежде всего, это очерки И.Т. Кокорева. Выделение особой возрастной группы – подростков – связано с социологическими наблюдениями: это дети, которые поступают работать на фабрики или в трактиры (ср. *фабричный подросток*) и начинают перенимать манеры и поведение взрослых. В том же русле, что и Кокорев, описывает подростков Ф. М. Решетников.

С другой стороны, это слово облюбовали авторы, которые описывали патриархальный быт русской семьи. Так, в произведениях М.Е.Салтыкова-Щедрина это слово встречается 44 раза, а П.И. Мельникова-Печерского – 38. Несомненно, ключевым произведением, обеспечившим взрыв употреблений, стал роман Ф.М. Достоевского «Подросток», вышедший в 1875 году. Однако Достоевский использовал это слово и раньше, например, в «Идиоте» (ср. *Алеша был в то время статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Представляется, что интерес Достоевского к этой возрастной группе сформировался под влиянием сочинений Ф.Ф. Эрисмана (Фридриха Гульдрейха), врача-гигиениста, поселившегося в России на исходе 1860-х годов. В работах «Пищевая гигиена» и «Профессиональная гигиена», относящихся к 70-м годам XIXв., он описывал положение работающих подростков, их физиологию и состояние здоровья. Еще в Гейдельберге, до приезда в Россию, Эрисман женился на враче Н.П. Сусловой, сестре А.П. Сусловой. Достоевский познакомился с Н.П. Сусловой в начале 60-х годов.

Можно сказать, что *подросток* – изначально понятие из области физиологии, перешедшее затем в область бытоописательства (старшие дети в семье) и социологии (работающие дети). Вместе с тем, именно Достоевский перевел обсуждение проблематики, связанной с *подростковостью*, в область психологии.

Сведения об авторе:

Бабаева Елизавета Эдаурдовна
кандидат филологических наук
доцент Кафедры французского языкознания Филологического факультета МГУ

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (Москва)

Об одном подходе к лингвистическому определению индивидуального стиля писателя (на примере Достоевского и его современников)

Проблема художественного стиля с неизбежностью возникает в автороведческих исследованиях и в широкой области работ по изучению языка писателя. Не рассматривая подробно имеющихся здесь теорий, обратимся к одному из методов, связанных с выявлением *differentia specifica* авторского стиля, который основан на изучении частоты употребления служебных, дискурсивных и т.п. слов. Ср. [Фоменко В., Фоменко Т. 1983 Баранов 2001: 42-51; Михеев, Эрлих 2018].

В предлагаемой нами модели художественного стиля автора мы исходим из следующих эвристик и постулатов.

Эвристика о неоднозначных словах. Авторский стиль проявляется на уровне слов в использовании неоднозначной лексики, причем эта характеристика является более устойчивой, чем статистические закономерности появления однозначных слов, поскольку однозначные слова в значительной степени зависят от предметной области, описываемой в пропозициональной (явленной) структуре текста. Неоднозначная лексика

в этом смысле оказывается более устойчивой, воспроизводясь со сравнительно постоянной частотой в текстах с различной семантикой. Эту эвристику разделяет большинство исследователей, использующих формализованные методы определения стиля и установления авторства.

Постулат индивидуальности. Художественный стиль автора – в том числе простого носителя языка – индифферентен к объективной уникальности частотных характеристик используемой лексики. Иными словами, если автор использует те или иные слова с частотой, не отличающейся существенно от средней частоты по текстам рассматриваемого периода, это не означает, что он лишен индивидуального стиля, хотя его стиль нельзя назвать оригинальным, творческим и т.п. Данный постулат разделяется не всеми исследователями.

Отметим, что для установления авторства данный постулат не играет существенной роли, однако он важен для характеристики индивидуального стиля говорящего и создания соответствующей лингвистической модели. Даже если говорящий не отличается существенно от усредненного большинства носителей языка, это не значит, что у него нет своего стиля.

Постулат воспроизводимости. Предполагается, что индивидуальный стиль, отраженный в неполнозначной лексике, регулярно воспроизводится в речевых образцах носителя языка, последовательно видоизменяясь от жанру к жанру, от одной прагматической ситуации к другой.

Постулат системного выбора. Частота употребления неполнозначного слова существенна не сама по себе – не как часть некоего списка наиболее частотных лексем рассматриваемого типа, – а в сопоставлении с другими словами, сходными по семантике и дискурсивной функции. Тем самым, само предпочтение в выборе и resp. невыборе слова из семантического поля является диагностической характеристикой стиля и, соответственно, авторства.

Следствие постулата о системном выборе. Исследование художественного стиля предполагает сравнение групп слов из одного семантического поля, а не изолированных лексем и их произвольных множеств.

Рассмотрим сказанное на двух небольших примерах.

ПРИМЕР 1. ТОЛЬКО VS. ЛИШЬ

Таблица 1. Частотное распределение частиц *только* и *лишь* в произведениях писателей второй половины XIX в.

Писатель	<i>только</i> / коэффициент <i>только</i>	<i>лишь</i> / коэффициент <i>лишь</i>
Достоевский	7486 / 80 %	1761 / 20 %
Голстой	8980 / 99,6 %	34 / 0,4 %
Салтыков-Щедрин	11024 / 91 %	1130 / 9 %
Гончаров	3314 / 94,6 %	186 / 5,4 %
Тургенев	2260 / 95 %	102 / 5 %

Из приведенной таблицы хорошо видно, что пара *только* – *лишь* заметно выделяет Достоевского на фоне других писателей-современников: если у Достоевского 20 % употреблений в данной паре приходится на *лишь*, то у остальных авторов – от 9 % до 0,4 %.

ПРИМЕР 2. ЕДВА VS. ЕЛЕ VS. ЧУТЬ

Таблица 2. Частотное распределение наречий *едва*, *еле* и *чуть* в произведениях писателей второй половины XIX в.

Писатель	<i>едва</i> / коэффициент <i>едва</i>	<i>еле</i> / коэффициент <i>еле</i>	<i>чуть</i> / коэффициент <i>чуть</i>
Достоевский	311 / 25,8 %	14 / 1,2 %	882 / 73 %

Толстой	204 / 45,9 %	3 / 1,1 %	237 / 53 %
Салтыков-Щедрин	721 / 60,9 %	22 / 2,1 %	441 / 37 %
Гончаров	418 / 59,9 %	5 / 1,1 %	275 / 39 %
Тургенев	289 / 50,2 %	4 / 0,8 %	283 / 49 %

В данной тройке наречие *еле* оказывается наименее специфичным, употребляясь в диапазоне от 2,1 % до 0,8 %. В то же время *чуть* противопоставляет Достоевского всем остальным авторам. По соотношению частоты данной тройки наречий, Толстой и Тургенев примерно с одинаковой частотой употребляют *едва* и *чуть*, а Салтыков-Щедрин и Гончаров предпочитают *едва*.

Таким образом, для характеристики стиля необходимо учитывать не отдельные слова, а группы квазисинонимов, поскольку специфика стиля речи проявляется именно в синтагматическом выборе из имеющихся парадигматических возможностей.

Литература

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2001.

Михеев М.Ю., Эрлих Л.И. Идиостилевой профиль и определение авторства текста по частотам служебных слов // Научно-техническая информация. Серия 2. 2018, № 2 – С. 25-34.

Фоменко В.П., Фоменко Т.Г. Авторский инвариант русских литературных текстов. Приложение: Кто был автором «Тихого Дона»? // Сб. «Методы количественного анализа текстов нарративных источников». – М.: АН СССР, Ин-т Истории СССР, 1983. – С. 86-109.

Сведения об авторах:

Баранов Анатолий Николаевич
доктор. филол. наук, профессор, ИРЯ РАН, зав. отделом,

Добровольский Дмитрий Олегович
доктор. филол. наук, профессор, ИРЯ РАН, г.н.с.

Б. И. Беленкин (Москва)

Проигранная жизнь Гавриила Мясникова: цареубийца в жизни, в мемуарах и на страницах романа Владимира Шарова

Мясников (1889–1946) как патологический исторический и литературный персонаж: трудности фиксации перехода из одного состояния в другое. Цареубийца в пограничном состоянии: между идейным борцом с тоталитарным большевизмом (заманен в 1945 году из Франции в СССР и расстрелян в 1946) и мелким бесом, вписавшим себя в Историю. Библейские персонажи в мемуарах Мясникова «Философия убийства, или Как и почему я убил Михаила Романова»: преискурант героев и антигероев – ценностные предпочтения в миропорядке трикстера. Смерть Романова в описании организатора его убийства и в прочтении автора «Царства Агамемнона». Читатель мясниковских мемуаров Шаров-историк и Шаров-беллетрист. Феномен рождения мифа и появления самозванца в новейшей истории.

Сведения об авторе:

Беленкин Борис Исаевич
заведующий библиотекой Международного мемориала*
*(Организация признана иностранным агентом)

Московитский балет XVII века, или Что случилось с ослицей мельника

1. Европейские источники, повествующие о Руси-России XVII века, постоянно находятся в фокусе внимания исследователей, однако гигантская номенклатура европейских печатных изданий всё ещё оставляет возможность обнаружения нового текста, как случилось с диссертацией ревельского пастора Иоганна Швабе «Цурковь Московский», издававшейся трижды (в 1665, 1710 и 1720 гг.) и все равно не учтенной в существующих перечнях.
2. Компилятивность, вторичность источника, тем не менее, не повод пренебрегать им, поскольку самый тавтологический текст является свидетельством того, какая информация была востребована, воспринималась как актуальная, формировала мнение и расхожие заблуждения тех, кому сведения о восточном соседе могли быть интересны.
3. Очевидно, однако, что обычный житель Европы вполне довольствовался информацией о Руси заведомо не полной, и, не будучи вовлечен, например, в торговлю пенькой или мехами, если уж и имел охоту читать что-либо о Московии, да и об иных частях суши, то предпочитал необременительные рассказы каким-нибудь политэкономическим трактатам.
4. Но беллетристика, содержащая «русские» сюжеты, обычно оставляет равнодушными историков, поскольку сообщаемые факты не отличаются достоверностью. И, конечно же, расхожие мнения, безосновательные суждения и просто невежественные инсинуации, вроде той, о которой пойдет речь, в большей степени говорят о специальной «оптике» европейца, разглядывающего соседа, чем о самих московитах.
5. Совершенно неясно, до какой степени был знаком с подданными Московского царя композитор и писатель Георг Даниэль Шпеер (Georg Daniel Speer; 1636-1707), музыкальный критик и теоретик, писатель, выпустивший роман «Ungarischer oder Dacianischer Simplificissimus» (1683), и композитор.
6. В 1688 году Шпеер выпускает сборник вокальных произведений *Musikalisch-Türckischer Eulen-Spiegel*. Ulm, 1688. Существуют отдельные записи этих сочинений, сделанные современными исполнителями. Среди вошедших в сборник произведений – «удивительная история о московском патриархе», восплававшем страстью к прекрасной мельничихе.
7. Пикантная ситуация, в которую попадает духовное лицо, да и само оно не имеют никаких отличительных признаков того, где происходит действие. Рассказанный анекдот о том, как на ложе духовного лица, вместо мельничихи, оказалась ослица, в равной степени мог быть приложим к какому-нибудь немецкому епископу – подобные фавбу не редкость. В этом смысле Московия предстает не экзотической страной, а пространством привычного курьеза.
8. Собственно вокальная часть истории о московском патриархе сопровождается музыкальным номером, который озаглавлен «moscowitische Ballet», и эта приятная барочная музыка должна, по мысли автора, напоминать мелодию «московитских» танцев конца XVII столетия, о которых нам, кажется, ничего не известно.
9. Можно было бы счесть, что музыка Шпеера столь же приблизительно соответствует российской действительности, как и рассказ о московском патриархе. Но в сборнике содержатся произведения, которые отражают несомненное знакомство автора с музыкальным фольклором иных народов. Так, «козацкий» или «валашский» танцы звучат весьма узнаваемо. Вполне вероятно, что и "московитский балет" не является беспочвенной фантазией сочинителя.

Ф. Н. Блюхер, С. Л. Гурко (Москва)

Об уточнении одного значения слова «современный»

Я пришел на работу в Институт философии в 1984 году и в ходе дискуссий столкнулся с одним понятием, которое казалось мне очевидным по смыслу, но не совсем проясненным в рамках этих дискуссий. Обычно оно произносилось во фразе «Современный взгляд на этот вопрос такой-то...». Речь идет о прилагательном «современный». За 35 лет работы я не получил квантифицированного ответа, что оно означает. И в 1984 мне говорили о «современном», и в 1990, и в 2000, а в мае 2019 был доклад, который начался с попытки объяснить мне, в чем суть современного понимания философии. Естественно, у меня возник вопрос: а то значение 1984 года, оно еще современно или уже нет? Ведь если вдуматься в буквальное значение этого понятия, то современность должна наступать каждый день и всякий прошедший день должен быть уже не современным. Поиски в синонимии показали, что его значения можно свести: 1) к временным параметрам (сегодняшний, своевременный, теперешний), 2) к описанию состояния (острый, актуальный, жгучий), 3) к обозначению временного момента качественного изменения (новый, новейший, актуальный). Первое и третье можно было описать через парадокс времени, означенный выше. Оставалось второе значение, которое требовало уточнения объекта, находящегося в данном состоянии. Понятно, что в употреблении прилагательного «современный» в словосочетаниях «современная экономика», «современная наука», «современное право», «современная жизнь» указывался не временной, а пространственный адресат, речь велась об эквиваленте слова «западный». Так как это замещение значений произошло еще в СССР, при идеологическом контроле, его можно было бы признать правомочным. Но поиск по статистике базы национального корпуса русского языка показывает, что после 10-летнего снижения в 90 годы, начиная с 2000 по сегодняшний день употребление этого прилагательного выросло от стандартного значения почти в 2 раза.

Мы не имеем оснований утверждать, что этот рост связан именно с обозначенным выше значением слова «современный», однако относительное отставание России от передовых стран мира является непреложным фактом. Тем не менее, относительный характер этого отставания (при отставании от передовых экономик мира, РФ в группе стран с развивающейся экономикой находится на вполне достойных позициях), придает своеобразное звучание слову «современный» в рамках идеологического дискурса. Это происходит в силу того, что само значение понятия «западный» собирательное. Оно воспринимается прежде всего как «не российский». В реальности, и «западная экономика», и «западная наука», и «западное право», и «западная жизнь» могут быть очень разные и построены они иногда на противоположных основаниях. Так, например, профессор из США, приезжая в Россию может сказать, что «он специалист по континентальной философии», имея в виду, что он преподает не англо-американскую аналитическую, а немецкую и французскую философию. Однако эти дистинкции для российских специалистов по «современной» философии неразличимы.

Приведенные примеры позволяют нам предположить, что применение слова «современный» в идеологизированном контексте становится мифологическим маркером. Его использование позволяет переводить предметный разговор в идеологическую форму распознавания собеседника по системе «свой / чужой». Это связано со следующими характерными чертами мифа.

1. Понимание в мифологии связано «с узнаванием, отождествлением» [7].

2. Мир в мифологическом сознании состоит из объектов одноранговых, но иерархичных в семантически-ценностном плане; нерасчлененных на признаки, но расчлененных на части; однократных, но одновременно рассматриваемых в связи с другими предметами как один предмет.[\[8\]](#)

3. Любая часть в мифологическом мире не характеризует целое, а отождествляется с ним.[\[9\]](#)

Возможно, имеющее широкое распространение в советскую эпоху мифологическое мышление, характерное как для «советского», так и для «антисоветского» дискурса, нашло новую форму своего выражения в «патриотической» и «современной», или «европейской» упаковке.

Блюхер Федор Николаевич
к.ф.н., с.н.с. Института философии РАН,

Гурко Сергей Львович
н.с. Института философии РАН

А. А. Бобрихин (Екатеринбург)

Наивное повествование на границах вербального и визуального

Нарративный поворот в гуманитарных исследованиях породил новые перспективы в исследованиях и картины мира советского человека, разнообразие объектов изучения увеличивается благодаря обращению к наивному письму, наивной словесности и литературе, и размещению объектов рассмотрения на дисциплинарных границах. Среди многочисленных произведений наивной литературы тексты, написанные наивными художниками, составляют особую, перспективную для исследования область, однако изучение вербального и визуального творчества наивных художников до сих пор не производилось в комплексе. Актуальным и многообещающим становится применение нарративных подходов к анализу художественного метода наивного изобразительного искусства, его фабул, прецедентных сюжетов, композиции и пространства повествования. Наивные художники творят картины, будучи погружены в поток существующих в культуре речевых и письменных форм, в которых манифестируется их творческая и социальная идентичности. Часто создание вербальных текстов происходит попутно, носит вспомогательный характер и в силу этого имеет своеобразную и часто неожиданную форму. «Наивное высказывание» рождается сродни детскому произведению (рисунку или тексту), сопровождаемое внутренней речью и не вполне свободное от ее следов, движимое «гулом» и «игрой» языка.

Практически каждое наивное произведение является визуализацией какого-то большего повествования «о времени и о себе», многие из них рождались одновременно с созданием литературного комментария или венчали таковой. Мы предлагаем рассматривать произведения художников-любителей, их разного рода повествования в качестве особого рода источников, *вербально-визуальных нарративов*. Полагаем, что причиной рождения произведения самодеятельного художника в качестве вербально-визуального нарратива является фокусирование переживания личного опыта автора как части коллективной истории, поскольку именно коллективная память лежит в основе идентичности как общества в целом, так и отдельных его групп. Взаимосвязь личной и коллективной памяти имеет свои особенности. Коллективная память – внешняя по отношению к индивиду, ему неподвластны её основания. Субъективно окрашенное и

ценностное отношение индивида к прошлому позволяет включать или исключать из него те или иные реальности, трансформируя индивидуальную память с помощью воображения, задействуя ее способность избирательности.

Мы предлагаем подходы к исследованию наивного дискурса, реализованного в визуальных и вербальных произведениях наивных авторов, результатом которого будет систематизация и анализ текстов наивных художников, расширение горизонта понимания их художественного метода и творческого самоопределения, имеющих иное институциональное происхождение, нежели у профессиональных художников. Дополнение анализа стилистики и композиции художественного произведения изучением сопровождающих его текстов приведёт к пониманию просветительской позиции художника, уточнению его идентичности, формирующей наивное высказывание, также позволит проверить гипотезу о наивном искусстве как об индивидуальном прочтении метанарратива массовой культуры.

Бобрихин Андрей Анатольевич
кандидат философских наук, заведующий сектором наивного искусства
Екатеринбургского музея изобразительных искусств

А. В. Богатырёв (Тольятти)

На периферии «дел государевых»: «личный» аспект в письмах В.М. Тяпкина к А.С. Матвееву

От дипломатов, как государственных мужей, во все времена на первое место требовали ставить интересы государства, точное и, по возможности, быстрое выполнение инструкций. Фактор личный в подобных обстоятельствах отходил на «вторые позиции», сдвигаясь на задворки «дел государевых». Но, бывало, данная составляющая все же проявляла себя, что явственно видим в случае с первым русским резидентом в Речи Посполитой Василием Михайловичем Тяпкиным (1674–1677 гг.).

Кроме чисто деловых отчетов в письмах, которые он посылал в Москву, дипломат находил место для частных, почти интимных моментов, обращенных к начальнику Артамону Сергеевичу Матвееву, главе Посольского приказа. Сюжет отеснили «на задворки» науки исторической – актуальными в большинстве своем казались только «жалобные» донесения Тяпкина о сложностях жизни за пределами России (см., например: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1995. Кн. VI. Т. 11–12. С. 500 и пр.; Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев... СПб., 1906. С. 136).

Общие интересы «военных» людей, Матвеева и Тяпкина, другие причины, которые не станем сейчас рассматривать, сблизили начальника и подчиненного, пользовавшегося возможностью для выражения чувств. Оно обретало формы витиеватые и, отчасти, подобоострастные. «Подай Господь Бог тебе... многолетное здравие и благополучное пребывание...» (Российский государственный архив древних актов – РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Д. 163. Л. 22), – вычитываем в письме дипломата. В другом он желает: «Государь мой благодетель Артемон Сергеевич Матвеев, Благодать Божия и здравие долголетное... с тобою во веки да пребывает...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 65). Тяпкин, можно сказать, изливал душу «вышестоящему», обращался с просьбами о помощи, «упадаючи до ножек...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 154об.). «Милосердному моему государю и благодетелю Артемону Сергеевичу...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 125об.), – подписал почтовый конверт резидент.

Дипломат, во многом зависевший от милостей Матвеева, пытался всячески показать покровителю свою преданность. «Ведомостей здешних доношу тебе, государю моему... पहले всех...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 65), – подчеркивал Тяпкин. Давая понять Матвееву, что находится в курсе его свершений, резидент направил ему письмо с поздравлением в «войсковом поведении» (связанном с русско-турецкой войной 1672/73–1681 гг.) «на врагов Святого и Животворящего Креста Христова победу...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 58, 58об.). Документ особенно интересен с точки зрения того, о чем «источники сообщают... довольно мало сведений...» (Романова О.А. Частная жизнь ближнего боярина А.С. Матвеева // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 122) – как воспринимался современниками Артамон Сергеевич.

Письмо, на наш взгляд, является очевидной попыткой выслужиться перед начальником, имевшим довольно опосредованное отношение к одному из эпизодов русско-турецкого противостояния, на который намекал Тяпкин – взятие царскими войсками (совместно с силами гетмана И.С. Самойловича) Черкас и Канева в 1674 г. было победой не Матвеева, а скорее, руководившего операцией Г.Г. Ромодановского (Соловьев С.М. История России... Кн. VI. Т. 11–12. С. 106). Представляя все как великое деяние, Тяпкин, вероятно, не знал, что блистательная «виктория» явила себя при не столь значительном отпоре со стороны противника (Костомаров Н.И. Руина. Мазепа. Мазепинцы. М., 1995. С. 270, 271, 272). Резидент не скупился на комплименты, припоминая «предобрые славы храбрости и премудрых в воинстве поступков...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 58) Матвеева.

Артамон Сергеевич видится дипломату в зените славы. «Присно в лучах сияюще пребываешь...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 58), – убежден Тяпкин. В данном случае он прибег к популярному среди приказных «поэтов» приему: уподоблению («славы сияющим лучам») (Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 52). Панегирическое «славословие» резидента воскрешает в памяти идею сравнения важных деятелей с лучезарным солнцем, которая отразилась в древнерусской литературе (Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 26). Солнечный свет, сияние соотносились с образами государя, правителя, победителя. Заканчивается письмо почти мольбой к патрону – рассказать подробнее о «триумфе» и «тем писанием посетити и обрадовати...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 58об.).

Нам неизвестно, сказалось ли «поздравление» на карьере резидента и что ответил Матвеев. Спустя некоторое время в том числе в связи со смертью благоволившего Артамону Сергеевичу царя Алексея Михайловича (1676 г.) и придворной борьбой, он быстро теряет былое влияние. Тяпкину пришлось налаживать контакты с новым главой Посольского приказа Л.И. Ивановым, с которым, впрочем, у него не сложилось столь «личных» отношений.

Сведения об авторе:

Богатырёв Арсений Владимирович
к. и. н., Поволжский православный институт, доцент, г. Тольятти

Т. А. Богумил (Барнаул)

Путь В.М. Шукшина от культурной периферии к центру как смена объектов самоидентификации^[10]

Методология настоящего исследования базируется на синтезе тезаурусного (Вл. Луков) и кластерного подходов (А.К. Жолковский). Под тезаурусом понимается

«структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект». Неполнота и избирательность тезауруса по отношению ко всей культуре обусловлена личностными «мембранами», фильтрующими информацию и ценностно упорядочивающими ее (диалектика своего – чужого). Тезаурус «работает не только через концепты (эмоционально окрашенные понятия) и константы (наиболее устойчивые концепты), но и через целые комплексы, некие сгустки (например, мифы и мифологемы)». Тезаурус обуславливает поведенческую стратегию субъекта. Ценностный центр тезауруса – самосознание человека. Самоидентификация субъекта как писателя связана с подражанием плодотворной «персональной модели» другого писателя или персонажа произведения. Жизненная стратегия «сильного» автора/героя, становится своего рода прецедентным текстом, «кластером», т.е. «пучком тематических и формальных характеристик, обладающих мощной способностью к самовоспроизводству во множестве более поздних текстов».

История вхождения В.М. Шукшина в культуру советской эпохи может быть описана как смена культурных тезаурусов, поведенческих ориентиров: Ломоносов/Мартин Иден – Гамлет – Степан Разин.

Начальная стадия жизнестроительного пути Шукшина следует алгоритму, незатейливо сформулированному народным присловьем: «из грязи в князи». В России наиболее ярко эту модель воплотил М.В. Ломоносов, на века задав вектор движения юным дарованиям разночинного происхождения. В русле этого «кластера» строится судьба С.А. Есенина, М. Горького и других писателей, чей опыт оказался востребованным В.М. Шукшиным в качестве объекта подражания. Впрочем, более близким Шукшину в хронологическом и поведенческом отношении оказался американский аналог подобного пути – «персональная модель» Мартина Идена, авторизированного героя одноименного романа Дж. Лондона. Доминантой первого этапа жизненного пути является «вписывание» в советскую культуру, отстаивание своего права быть «своим» в мире «чужих» (москвичей, интеллектуальной элиты, культурного бомонда и пр.).

В 1954 году, после реабилитации репрессированного отца, в силу вступил «гамлетовский комплекс» (В.Н. Турбин, А.Н. Варламов). Духовное влечение к невинно убитому отцу, чувство вины и раскаяния привело к отталкиванию от тоталитарной советской культуры. Ведущей становится стратегия утаивания подлинных мыслей под маской простеца, «дурачка», в текстах появляется образ «чудика». Совершается переход от произведений, написанных в соцреалистической манере к более оригинальным.

Поздний Шукшин, отстаивающий право на собственное видение Степана Разина, очищенное от лакировки советской пропаганды, пишет прозу и драматургию более свободного характера, в том числе, свободного от своих народолюбивых иллюзий. Личность предводителя народного восстания занимала В.М. Шукшина на протяжении всей сознательной жизни, общим местом является самоидентификация Шукшина с Разиным. Однако именно на этом этапе жизни протест против системы, против культурных стереотипов приобретает открытый характер.

Трагический финал всех важных для Шукшина поведенческих моделей (суицид, убийство, казнь) предопределил раннюю смерть писателя и порождение мифов о насильственности его ухода.

Будучи фигурой одновременно неординарной и типичной, сам Шукшин стал «персональной моделью» для последующих писателей, выходцев из сельской глубинки.

Сведения об авторе:

Богумил Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ)

Н. Г. Брагина (Москва)

Между авторской поэзией и сетевым фольклором: сообщество «Вижу рифмы»

Сообщество «Вижу рифмы» возникло 8 февраля, 2018 года, во «ВКонтакте». Его автор – Алексей Дубанин, графический дизайнер из Воронежа. «Вижу рифмы» – это несколько авторских стихотворных строчек, а последняя строка представлена фотографией с какой-либо случайной надписью на стене дома; на заборе; на столбе; на асфальте; на рекламном щите. Также это может быть табличка с названием чего-л.; этикетка; одежда; упаковка с названием товара; титульный лист книги; бумага с напечатанным текстом; скриншот чьего-л. поста, какой-л. новости, чьей-л. переписки и др. Эта надпись / фраза и является последней строкой стихотворения. Она обязательно рифмуется (обычно с предпоследней строкой, но возможны варианты). Размер, которым написано стихотворение, общее количество строк может быть разным.

Сообщество набирает популярность, становясь заметным явлением. В настоящее время у него более 350 тысяч подписчиков, а также многочисленные клоны.

Паблик «Вижу рифмы» осваивает идеи и идеологии «новой искренности», сформировавшиеся в авторской поэзии: «лирическое задание восстанавливается на антилирическом материале – отбросах идеологической кухни, блуждающих разговорных клише, элементах иностранной лексики...» (М. Эпштейн).

В докладе предполагается обсудить вопросы, связанные с появлением и развитием новых поэтических интернет-жанров, а также с новым типом отношений, который выстраивается между авторской поэзией и произведениями, относящимися к сетевому фольклору. Также будут затронуты темы технологии монтажа, применяемого при формировании новых жанров; способа создания комического эффекта: визуальный образ (исходно неигровой) включен с помощью текста в игровое пространство.

Брагина Наталья Георгиевна
д.ф.н., профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина
профессор кафедры русского языка Института лингвистики, РГГУ

Евгений Брейдо (Нью-Йорк)

Строфика Владимира Гандельсмана

Греческая поэзия начиналась со строфы. Пока стихи пели, она не была приемом – текст просто вставлялся в музыкальную рамку. У каждого великого греческого поэта строфа была своя, иногда не одна. Из римлян строфами пользовался в основном Гораций, но своих не выдумывал – использовал греческие. Для него строфа была уже художественным приемом, поскольку петь стихи перестали, однако приемом особым, доступным только настоящему мастеру, и кроме того, это был знак принадлежности к поэтам самого первого ряда.

В докладе я хочу остановиться на строфике В. Гандельсмана – очень своеобразной части его поэтического языка. В науке о стихе лучше всего изучены метрика и ритмика, похуже рифма, а строфика меньше всего. Правда, после того, как на смену строфе в качестве единицы стихотворной структуры пришел метр, поэты за редким исключением перестали выдумывать собственные строфы. Гандельсман – именно такое исключение, он изобрел свою строфу.

Основная функция строфы – служить как бы организатором стихотворения, поддерживая его вертикальную структуру. В рифмованном стихе это происходит в тесном сотрудничестве с рифмой. Посмотрим, что из себя представляет и как работает Гандельсманова строфа. Я собрал для этого небольшой корпус текстов. Это стихотворение «В полях инстинкта, искренних как щит...» из книги «Тихое пальто», стихи из книги «Новые рифмы «Гольдберг. Вариации» и «Илиада. Двойной сон», книга, она же поэма «Видение», а также стихотворение «Одна жизнь» из книги «В чуть видимом прочесть».

«Видение» состоит из 3-х частей по 12-ти восьмистишных строф в каждой. Рифмовка идет через 3, 4 и даже 5 строк и во всех строфах строго одинаковая.

Строфа написана разностопным хореем с многочисленными пропусками метрического ударения, в том числе на последней стопе, т.е. такой очень рассеянной силлабо-тоникой, а с другой стороны – это полностью силлабическая строфа. Но основана она не на традиционной метрике, например, постоянном 11-ти или, скажем, 12-ти сложнике (последний звучал бы, правда, 6-тистопным ямбом), нет, здесь мы имеем дело с художественно переработанной силлабикой – в каждой строке определенное число слогов, схема по строкам 7-10-8-7-7-8-7-6, и она точно выдерживается во всех строфах. Т.е. силлабическое стихосложение используется просто как художественный прием.

Гандельсман изобрел небывалую и невиданную строфу, одновременно силлабическую и силлабо-тоническую, причем именно силлабика является здесь основной несущей конструкцией.

Другой прием – удаленная рифмовка, создающая ожидание созвучия. Она тоже точно повторяется в каждой строфе.

Третий – имитация фольклорной интонации с помощью постоянной инверсии и сверхдлинных клаузул.

В стихах из рассматриваемого корпуса Гандельсман использует почти все силлабо-тонические размеры, переходит на несиллабо-тоническую метрику, однако сама структура строфы остается неизменной. Безукоризненное владение формой – безусловно, одна из форм высшей поэтической свободы. Свободы говорить обо всем с любой, какой требует замысел, интонацией, выразить любое чувство. В поэзии свобода выражения всегда должна быть подтверждена художественно и в этом смысле неотделима от приема.

Накопленный ремесленный инструментарий русской поэзии двадцатого века таков, что человек, просто овладевший им, при наличии таланта может стать хорошим поэтом. Зато трудность совершенно невероятная, неслыханная, приняв это наследство, сделать следующий шаг. Тут творческое усилие граничит с подвигом. Могу сказать только одно: Гандельсману удалось.

Евгений Брейдо
BE-Tech., Inc. Founder

М. А. Бурганова (Москва)

О некоторых региональных особенностях изображения страдающего Христа

«Пыточные» сандалии не входят в канонический список *Arma Christi*. Термин этот условный и предложен для обозначения *spijkerblok* (перев. с нидерл. *блок с гвоздями*). Изображение этого предмета в страстных сюжетах получило локальное распространение во фламандском искусстве в первой четверти XVI вв. В этот период в композициях, изображающих сцену «Несение креста» и сцену «Христос на холодном камне», появляется особый предмет – *spijkerblok* – доски, в длину соответствующие стопе

человека, утыканные шипами или гвоздями и предназначенные ранить ноги Христа во время ходьбы или падения, тем самым умножая его страдания.

Источником этого изображения предположительно является «Fasciculus mirre» - трактат о страданиях Христа, особенно распространенный в Нидерландах в первой половине шестнадцатого века и переиздававшийся в Дельфте, Антверпене, Лейдене и других городах около тридцати раз. Книга имела карманный формат, удобный в личном пользовании. Самая ранняя известная печатная версия «Fasciculus mirre», датированная 1500 годом, была издана в Делфте.

Тексты «Fasciculus mirre» в определенном смысле стали руководством для нидерландских художников, создававших евангельские образы и сцены в актуальной интерпретации. Так Иероним Босх создает в на рубеже XV-XVI вв. две композиции «Несение Креста» - в 1498 г. (Королевский дворец, Мадрид) и в 1500 г. (Художественно-исторический музей, Вена). Христос, несущий крест, изображен в полный рост. На его ногах необычные предметы – *spijkerbloks* – «пыточные сандалии». На левую он наступает обнаженной стопой, правая, отскочившая от стопы во время движения, бьет по голени Христа.

Определенно эта небольшая деталь в сцене «Несение креста», имеющая столь эмоциональную окраску, стала на некоторое время необходимым атрибутом иконографического извода, распространенного в Нидерландах.

В скульптуре Нидерландов «пыточные сандалии» получили даже более широкое распространение, чем в живописи. В небольшой экспозиции искусства XVI века в M-Museum (Leuven) изображение *spijkerbloks* присутствует в трех композициях «Несение креста», в том числе в одном из рельефов ретабля 1500-1525 гг., и в трех скульптурах, изображающих Христа, ожидающего распятия, на холодном камне. Все композиции имеют практически не встречающуюся в других регионах деталь – небольшой прямоугольник с круглыми выступами (шипами) и с одним или двумя отверстиями, через которые продета веревка. Все статуи различны по художественному почерку и не могут принадлежать одному мастеру.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в целом ряде памятников скульптуры и живописи в композициях, являющих образ Христа перед крестной казнью, в качестве *Arma Christi*, кроме тернового венца, изображены – веревка и окровавленные «пыточные сандалии» - атрибуты, не входящие в канонический список. Это явное представление о страданиях Христа, отразившее экзальтацию и эмоциональные настроения фламандцев первой четверти XVI века.

Введение термина «пыточные сандалии» и рассмотрение их в качестве *Arma Christi* в скульптуре и живописи важно, так как в российском искусствознании этот атрибут практически не обозначен и не изучался. Учитывая, что эта деталь проявлена в основных произведениях, имеющих фламандское происхождение и датированных 1500-1525 гг., исследование этой детали может иметь важное значение для определения региона и хронологических рамок произведения.

Сведения об авторе:

Бурганова Мария Александровна,
доктор искусствоведения, профессор кафедры Монументально-декоративной скульптуры
МГХПА им. С.Г. Строганова

М. М. Вознесенская, Е. Я. Шмелева (Москва)

Единицы тематической группы ПРИВЕТСТВИЯ в «Интертекстуальном тезаурусе русского языка»

В докладе рассматриваются словарные статьи интертекстуальных единиц *Ба, знакомые все лица!; Здравствуй, племя младое, незнакомое!; Откуда ты, прелестное дитя?; Я пришел к тебе с приветом; Какие люди и без охраны* и др., которые относятся к тематической группе ПРИВЕТСТВИЯ из нового «Интертекстуального тезауруса современного русского словаря».

Для понимания большинства современных русских текстов недостаточно только знания языка, требуется также узнавание и понимание большого числа немаркированных и неатрибутированных цитат, квазицитат, аллюзий, реминисценций, прецедентных имен и событий. Существующие словари цитат и крылатых слов по целому ряду параметров не отражают «интертекстуальную компетенцию» современного россиянина; в словники этих словарей включены, например, многие устаревшие и мало употребительные цитаты из классической литературы, при этом в них не нашли отражения многие общеизвестные выражения, такие, как *кто первый встал, того и тапки* или *тенденция, однако*; поэтому в настоящее время ведется работа над «Интертекстуальным тезаурусом современного русского языка» (авторы М.М. Вознесенская, О.В. Фокина, Е.Я. Шмелева). На основе анализа больших массивов текстов современной литературы, СМИ и Интернета составлен предварительный словник словаря, включающий около тысячи единиц, и разработана схема словарной статьи, состоящая из шести зон:

1) Лексический вход: интертекстуальная единица – фраза или слово (имя литературного, мифологического или киноперсонажа, авторские новообразования, слова с фонетическими, морфологическими и иными особенностями, которые отсылают читателя к конкретному произведению или автору и др.); если существуют равноправные варианты интертекстуальной единицы, эти варианты перечисляются во входе.

2) Значение интертекстуальной единицы: в некоторых случаях, например если речь идет о цитатах из кинофильмов или анекдотов, могут отмечаться интонационные и акцентологические особенности, жесты, которыми сопровождается произнесение фразы.

3) Указание на источник интертекстуальной единицы: время ее появления, авторство; в ряде случаев даются рисунки (Колобок, Чебурашка), фото картин, плакатов, кадров из кинофильмов, мультфильмов.

4) Иллюстративный материал: включает как цитаты – единицы, введенные во вторичный текст в исходном, неизменённом виде, так и квазицитаты, то есть цитаты, трансформированные различными способами, самый частый из которых лексический – замена слова, сокращение и др. (например, цитата *быть иль не быть*, квазицитата *бить иль не бить; пить иль не пить* и др.).

5) Фразеологизованная модель, по которой строятся интертекстуальные единицы, то есть те ядерные компоненты, которые остаются неизменными при различных вариантах трансформации языковой единицы, например, для *быть иль не быть* это *X иль не X* (где *X* глагол в инфинитиве).

6) Комментарии: в этой зоне содержится разнообразная дополнительная информация, в том числе релевантная экстралингвистическая информация (страноведческая, культурологическая и др.).

Зоны 5, 6 являются факультативными.

Пример словарной статьи:

1. **Откуда ты, прекрасное / прелестное дитя?**

2. Говорится в знак приветствия при неожиданной встрече.

3. Источник:

Драма А.С. Пушкина «Русалка» (1832): Князь: *Что я вижу? Откуда ты, прекрасное дитя?*

Либретто оперы А.С. Даргомыжского «Русалка» (1848, первая постановка 1856): *Откуда ты, прелестное дитя?*

В.В. Набоков. Заключительная сцена к пушкинской «Русалке» (1942): *Откуда ты, прелестное дитя?*

4. Примеры:

- Те ахнули: откуда ты, прекрасное дитя? Малышка не смогла объяснить, где можно найти ее родителей, и тогда за дело взялась полиция.
- Вообще-то Таран скорее готов был увидеть живым и невредимым Суслика, чем ее. — Откуда ты, прелестное дитя? — спросил Юрка шепотом.

Лексическая замена:

- — Откуда вы, прекрасное дитя? — Из Российска, институт закончила, вот направление!
- Откуда ты, прекрасное создание? — Из лесу вестимо.
- Спросил: «Откуда Вы, прекрасное создание?» На что она мне отвечала: «Я обучаюсь в Академии красоты и процветания!»

Словарные статьи словаря располагаются в алфавитном порядке по первому слову интертекстуальной единицы, при этом добавляются дескрипторы, классифицирующие языковой материал по разным параметрам, таким, например, как указатель источников (сказки, мифы, литературные произведения, песни, кинофильмы, телепередачи, реклама, анекдоты, социальные сети), и тематическим группам в зависимости от выражаемых ими смыслов. Соответственно, *Откуда ты, прекрасное / прелестное дитя?* находится на букву *О*, снабжается дескрипторами, отсылающими к двум разделам указателя источников: литература (Пушкин) и театр (опера) — и к группе «Приветствия».

Сведения об авторах:

Вознесенская Мария Марковна
кандидат филологических наук, ИРЯ РАН, старший научный сотрудник,

Шмелева Елена Яковлевна
кандидат филологических наук, ИРЯ РАН, ведущий научный сотрудник

О. А. Волошина (Москва)

О путешествии Герасима Лебедева в Индию (по архивным материалам РГАЛИ)

Путешествие русского музыканта Герасима Степановича Лебедева (1749-1817) в Индию в конце XVIII века по сей день остается малоизученным событием, которое порождает множество вопросов, оставшихся без ответа. Деятельность Лебедева по изучению и описанию индийских языков, по созданию европейского театра в Индии, по освоению традиционной индийской культуры и религии, чрезвычайно многогранна и обширна. Однако до сих пор высказываются противоречивые гипотезы об истинных мотивах поступков нашего соотечественника, о научных филологических и лингвистических занятиях Лебедева, о его полемике с английскими индологами об индийских языках, о его работе как режиссера, композитора, переводчика и т.п.

В докладе предпринимается попытка выяснения некоторых подробностей 14-летнего пребывания Герасима Лебедева в Индии с опорой на архивные материалы, содержащиеся в РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства).

Биографические данные о Лебедеве крайне скудны, жизнь и деятельность Лебедева, а также его рукописное наследие изучены недостаточно. Современники мало интересовались деятельностью Лебедева, основные сведения о нем мы находим предисловии («Предуведомление») к его сочинению «Беспристрастное созерцание системы Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев», изданному в Петербурге в 1805 г. по возвращении на родину. В этом тексте сам Лебедев описывает свое пребывание в Индии, сообщает некоторые подробности о себе.

Осуществить свою мечту – отправиться в путешествие на Восток в далекую и загадочную Индию – для Лебедева, сына священника, было непросто. Можно лишь гадать, как удалось Лебедеву, лишенному необходимого образования, денег и влиятельных покровителей, присоединиться к посольству графа А.К.Разумовского и в 1775 г. посетить Неаполь, Вену, Париж и Лондон, а затем отправиться в длительное путешествие на Восток. В Индии самоучка Лебедев изучает и описывает различные индийские языки – калькуттский, бенгали, малабарский и др., но сталкивается с огромными трудностями при изучении священного индийского языка – санскрита, ведь брахманы ревниво скрывали сакральный язык вед от чужестранцев. Наконец, упорство Лебедева было вознаграждено, ему удалось изучить санскрит, приобщиться к индийской учености, он стал даже полемизировать с английскими индологами, хотя в Азиатское ученое общество в Калькутте Лебедев не был принят из-за происхождения и отсутствия образования.

Во время пребывания в Индии Лебедев не только изучал индийские языки и культуру местного населения, но, как человек творческий, приближенный к театральным кругам Европы благодаря музыкальному таланту, решил познакомить индусов с европейским театральным искусством. Он впервые перевел на бенгали две комедии: «Притворство» В.П.Джордрелла и «Любовь – лучший врач», привнес в пьесы местный колорит, снабдив героев индийскими именами, сочинив для постановки музыку на европейский лад и т.п. Несмотря на то, что премьера спектакля состоялась с огромным успехом 27 ноября 1795 г. в переполненном театре, английские чиновники выступили против деятельности Лебедева, театр был закрыт, а его руководитель разорен, обвинен в краже и брошен в тюрьму. Лебедев проявил немало мужества и упорства, сумел оправдаться во всех предъявленных ему обвинениях, однако бесконечные тяжбы истощили его сбережения и подорвали здоровье.

В 1797 году Лебедев покинул Индию, решив употребить все полученные в Индии знания и умения для пропаганды индийской культуры, для составления грамматик индийских языков и руководств по их изучению. К сожалению, Лебедеву удалось издать всего две книги – грамматику калькуттского языка на английском языке (1801) и упомянутое уже ««Беспристрастное созерцание системы Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» (1805). Огромный архив Лебедева, содержащий не только письма и многочисленные переводы, но и подготовленные к изданию учебники и разговорники индийских языков, бесследно исчез. Некоторые фрагменты рукописного наследия Лебедева, хранящиеся в РГАЛИ, позволят пролить свет на некоторые загадочные обстоятельства жизни и деятельности нашего великого современника.

Литература

1. Волошина О.А. Индийский мечтатель (о путешествии Герасима Лебедева в Индию) // «Восток (Oriens)». М. 2013. № 5.
2. Гуров Н.В., Бросалина Е.К., Васильков Я.В. У истоков российской индологии: научное наследие Г. С. Лебедева (1749–1817) // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию проф. А. Л. Грюнберга (1930–1995) / Отв. редактор М. Н. Боголюбов. СПб.: Наука. 2006.
3. Лебедев Г. «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев, всеавгустейшему монарху посвященное», С.-Петербург, Типография Герасима Лебедева. 1805.

Сведения об авторе:

Волошина Оксана Анатольевна
к.ф.н, доцент каф. ОСИЯ
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

А. П. Гаврилова (Москва)

Разгром «Нового мира» в дневниках и воспоминаниях А.С. Берзер

История журнала «Новый мир» при втором редакторстве А.Т. Твардовского (1958-1970) – заметное явление культурной жизни 1960-х годов. О ней написаны многие исследования, в том числе диссертации.

Анна Самойловна Берзер ко времени поступления на работу в журнал уже была сформировавшимся критиком и редактором с репутацией смелого, независимого человека. Она состояла в штате «Литературной газеты», «Москвы», «Знамени», издательства «Советский писатель». С 1959 по 1970 г. в «Новом мире» она разделяла с И.П. Борисовой должность старшего редактора отдела прозы.

Среди авторов, за которых боролась и с которыми сдружилась А.С. Берзер – В.Н. Войнович, В.С. Гроссман, Ф.А. Искандер, В.П. Некрасов, В.Н. Сёмин, А.И. Солженицын, Ю.В. Трифонов. Им посвящены многие страницы воспоминаний А.С. Берзер, в её архиве (РГАЛИ, Ф. 3456) хранятся также письма и некоторые рукописи «подопечных» авторов.

Воспоминания и дневники о «Новом мире» оставили члены редколлегии – А.Т. Твардовский, В.Я. Лакшин, А.И. Кондратович, И.И. Виноградов, Ю.Г. Буртин, С.Г. Караганова, Н.П. Бианки, многие авторы журнала. А.С. Берзер оставила и дневники, и воспоминания о работе «Нового мира» в 1968-1970 гг. Она принадлежала ко «второму эшелону» редакции, и не была допущена на тайные собрания редколлегии в кабинете В.Я. Лакшина, – как большая часть мемуаристов. Особенность ее дневников также и в том, что они в большей степени передают атмосферу, царившую в редакции. Эти дневники до сих пор не были опубликованы. В них подробно зафиксированы как последние месяцы работы «старой редакции», так и последовавшие за уходом А.Т. Твардовского (февраль 1970 г.) изменения – до июля 1972 г., когда А.С. Берзер была уволена из журнала. Поскольку в фонде сохранились и воспоминания А.С. Берзер 1980-х гг., особый интерес представляет их сопоставление с дневниками редактора более раннего периода. В частности, в них переосмыслиется ее восприятие прощания А.И. Солженицына с А.Т. Твардовским в ЦДЛ. В 1980-е А.С. Берзер не раз защищала в печати эти два имени, что повлияло на ее оценку событий конца 1960-х.

А.С. Берзер сочувствовала судьбе А.С. Солженицына и поэтому в дневниках зафиксировано много подробностей его жизни, их диалогов. В 1967 автор «Одного дня Ивана Денисовича» неожиданно выступает с «Письмом съезду» СП СССР, его исключают из СП СССР (1969), и он вместе с открывшим ему путь в литературу «Новым миром» попадают в опалу. Редакция стала ощущать сильное давление со стороны цензуры и правительства, что вызвало особое чувство значимости этого периода у членов редколлегии, желание оставить историческое свидетельство о «разгроме» журнала. Дневники А.С. Берзер не только подробны, но и объемны – нередко за один день было написано 50-70 листов писчей бумаги. Их сопоставление с воспоминаниями, написанными в 1970-е-1980-е, а также с дневниками других членов редколлегии журнала позволит нарисовать более полную картину последних лет существования «Нового мира» под редакцией А.Т. Твардовского.

Сведения об авторе:

Гаврилова Анна Петровна
главный специалист отдела Научного описания РГАЛИ
редактор сайта Shalamov.ru

И. В. Галактионова (Москва)

Книгоноша Иван Голубев: путешествие на Амур

Библейские общества существовали и существуют в разных странах. Одно из таких обществ – Общество для распространения Священного Писания в России – возникло в 1863 г. в Санкт-Петербурге первоначально как кружок, поэтому официальной датой его учреждения считается 2 мая 1869 г., когда был высочайше утвержден устав Общества. Один из его основателей и бессменный председатель до 1906 г. – историк Н. А. Астафьев. Общество просуществовало до 1917 г. Целью Общества было распространение священных книг прежде всего в переводах на русский язык. Книги распространяли как члены-сотрудники, так и корреспонденты общества – например, сельские священники, а также книгоноши.

Сведения об этом Обществе приведены в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (статья «Библейские общества в России»). Там, в частности, сказано, что «главным способом распространения священных книг служит для Общ<ества> — книгоношество. <...> От книгоноши <...> требуется любовь к делу, безусловная честность, усердие до самопожертвования, благочестие и знание Свящ<енного> Писания <...>. Поэтому Общ<ество> предпочитает иметь не много книгонош, но зато вполне надежных, и принимает в книгоноши <...> только таких лиц, которые выдерживают более или менее продолжительное испытание»^[11]. Количество книгонош действительно было невелико; так, по данным за 1889 г. в Обществе состоял 1331 член, 35 действительных членов и всего 7 книгонош.

Сообщая сведения об Обществе, Словарь Брокгауза и Эфрона опирается на текст книги Н. А. Астафьева «Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами» (СПб., 1889), иногда практически цитируя ее. В этой книге приводятся многочисленные конкретные примеры деятельности Общества, в том числе рассказывается о нескольких книгоношах. Упомянув книгоношу Р-ко (по-видимому, Радченко), которые работал и при 40-градусном морозе, и при 50-градусной жаре, не раз подвергая свою жизнь опасности, Н. А. Афанасьев далее пишет о книгоноше Г-ве – Иване Голубеве:

«С подобным же самоотвержением действовал и Г-в в Амурской области, где ему однажды пришлось две недели ехать безостановочно верхом, имея св<ященные> книги в сумках через седло, под постоянным дождем, не имея даже, где согреться и обсохнуть. На уединенном poste Де-Кастри, против острова Сахалина, с радостью встретили его солдаты, благодаря за доставленные им пред тем священные книги. „Жили мы здесь, – говорили они, – как звери какие-нибудь: церкви нет, про Бога совсем забыли; но ты вот со своими-то книгами святыми как будто с неба свалился; уж очень хороши; почитаешь священную книгу-то, как-то легче станет. Спасибо тебе за книги!“».

О том, как Иван Голубев в возрасте 22 лет стал книгоношей Общества и как прошло его первое путешествие на Дальний Восток, во время которого он побывал в том числе в Де-Кастри, можно узнать из сохранившихся дневников.

К октябрю 1881 г. относится первая запись, где упоминается Общество, из которой мы узнаем, что И. Голубев уже давно знаком с деятельностью этого Общества, что он продает распространяемые Обществом книги, а также делает добровольные пожертвования. В ноябре его избирают в члены Общества, в мае 1882 г. он знакомится с приехавшим в Москву Н. А. Афанасьевым, а в августе в беседе с ним высказывает желание стать книгоношей Общества.

В декабре того же года И. Голубев впервые приехал в Санкт-Петербург, где побывал в правлении Общества и в гостях у Н. А. Афанасьева, а также принял участие в заседании правления Общества, о котором пишет: «Николай Александрович Астафьев спросил меня, согласен ли буду ехать на Амур и Сахалин. Я, конечно, с готовностью и радостью согласился, но этот вопрос может решиться в окончательной форме только в марте будущего года». В марте 1883 г. он получил телеграмму с сообщением, что «амурская поездка устраивается». События ускоряются.

8 марта – снова Петербург. Правление Общества на своем собрании принимает И. Голубева в книгоноши и решает отправить его на Амур для распространения там книг Священного Писания. Плыть на Амур предстоит на пароходе Добровольного флота «Нижний Новгород», отправляющемся 20 марта из Одессы. 10 марта И. Голубев возвращается в Москву и уже 12 марта отправляется в Одессу по железной дороге. «Мои знакомые в Москве, – пишет он, – смотрят на меня как на чудо и с сожалением покачивают только головой, слыша, что я еду куда-то в Сибирь». 14 марта он в Одессе, а 20 марта «Нижний Новгород» покидает порт.

5 мая на 47 сутки пароход прибывает во Владивосток. Здесь И. Голубев пересеживается на военную шхуну «Ермак», направляющуюся в Николаев и по пути следования дважды швартующуюся у поста Де-Кастри. Описание второго посещения этого поста приведено в записях за 23 и 24 мая, и именно на эти записи (или, возможно, на отчет, подготовленный по этим записям и отправленный в правление Общества) опирается Н. А. Афанасьев, приводя эпизод с участием И. Голубева в своей книге: фрагмент из дневниковых записей и приведенный выше фрагмент из книги в значительной степени совпадают.

Доклад, основанный на дневниках И. К. Голубева, позволит узнать о его первом путешествии в качестве книгоноши из первых рук.

Галактионова Ирина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, доцент

М. В. Головизнин (Москва)

Образ шамана в стихах и прозе Варлама Шаламова как инструмент познания творческого процесса

Польский литературовед Ф. Апанович, посвятивший изучению «творческой лаборатории» Варлама Шаламова специальное монографическое исследование, отмечает, что писатель выступает как бы в двух ипостасях: в качестве «творца», рождающего невербальный образ, и затем, в качестве «мастера», придающего этому образу поэтическую форму. Он, в частности, пишет: «сначала под влиянием слуховых впечатлений формировался «звуковой скелет», который потом обретал тело в виде слов, оборотов, мыслей и поэтических образов». Ф. Апанович делает вывод, что здесь подчеркивается иррациональный характер творчества, которое не являлось результатом работы интеллекта или производным высокой культуры, но, - происходящим из глубины природы человека, не служащим каким-либо внешним целям для искусства за исключением чар, которые оно (творчество) раскрывает. Эти констатации основаны на рассуждениях самого Шаламова, который в очерке «Поэт изнутри» писал: «Опыт этот копится подсознательно, вне воли поэта и появляется также вне воли поэта, даже вопреки воле иногда». Как видно из других эссе писателя, «диалог с подсознанием» играл у него важную роль не только в поэзии, но и при создании колымской прозы. Он, в частности, отмечал: «Внутренним же является попытка разгадать самого себя на бумаге, выворотить из мозга, осветить какие-то дальние его уголки. Ведь я отчетливо понимаю, что в силах воскресить в своей памяти все бесконечное множество виденных за все шестьдесят лет картин – где-то в мозгу хранятся бесконечные ленты с этими сведениями, и волевым усилием я могу заставить себя вспомнить все, что я видел в жизни, в любой день ее и час моих шестидесяти лет. [...] Работа эта мучительна, но не невозможна. Тут все зависит от напряжения воли, от сосредоточения воли». Психологическим экспериментом над собой, попыткой «выговаривания» того, что хранится в подсознании, назвал процесс создания

шаламовской «новой прозы» российский исследователь М. Золотоносов. Примечательно, что в процессе творческого самопознания у Шаламова неоднократно возникают поэтические образы шамана, кликуши, дервиша, - личностей, которые, говоря современным научным языком, могут вызывать у себя «измененное состояние сознания»: «Там дерево-дервиш в кликушеской пляске,/В круженьи под ветром, в шуршаньи листвы,/ Устало от корчи, устало от тряски,/И радо упасть на просторы травы...». В другом стихотворении Шаламов непосредственно отождествляет поэта с шаманом: Зачем, зачем он пляшет чуть дыша/В светящемся кольце из сумасшедших лезвий/Зачем босой он пробует бежать/По раскаленному железу?/Когда свою испытывать судьбу,/Зажав в кулак набор дешевых погремушек/Он выйдет как шаман, как заклинатель бурь,/К толпе, от ужаса ревушей». Несмотря на некоторую путаницу этнографических деталей, очевидно, что писатель напрямую связывал «шаманский экстаз» с указанным Ф. Апановичем-«иррациональным» этапом творческого акта, в ходе которого «художник творец» обретает эстетический прообраз будущего произведения, чтобы на следующем этапе «художник-мастер» придал этому прообразу форму «словесного тела»: «Где чувства спекались в привычные формы,/Чтоб выйти на свет наугад, невпопад/ Как тот самородок заброшенный горный,/Прошедший подземный клокочущий ад». На наш взгляд, в пользу того, что Шаламов сближал шаманизм с пророчеством, свидетельствует и то, что он, мифологизировав собственную генеалогию, наделил шаманскими свойствами своих предков – священников Шаламовых, которые якобы «еще недавно были зырянскими шаманами...», из шаманского рода, незаметно и естественно сменившего бубен на кадило». Хотя, Шаламов не был этнографом, он, (в том числе и на основании личных впечатлений, полученных на Крайнем Севере), стоял на позиции, что шаман это не человек с больной психикой, а личность, способная регулировать и погружаться в бессознательные, возможно, архаичные пласты своей психики, извлекая оттуда художественные образы. «Трудность (творчества, М.Г.), указывал Шаламов, - заключается в том, чтобы найти, почувствовать какую-то чужую руку, которая водит твоим пером. Если это рука человека – моя работа подражание, эпигонство. *Если же это рука камня, рыбы и облака – то я отдаюсь этой власти, возможно, безвольно*». Заклучая настоящее сообщение, мы хотели бы остановиться на двух фактах проявления «измененного состояния сознания», которые отмечены у Шаламова. Первое – т.н. состояние «сенсорного голода». В своих рассуждениях о личности поэта Шаламов дает следующую характеристику: «Поэт должен быть немножко глухим, чтобы лучше ловились звуковые повторы, ... Немножко слепым, ибо «собственное зрение», свой поэтический глаз — это уже вид дальтонизма,... И обязательно — иностранцем в материале, немножко чужим тому, о чем он пишет». Образы слепого поэта Гомера и оглохшего композитора Бетховена присутствуют у Шаламова, который и сам переживал потерю слуха и зрения, страдая наследственным неврологическим заболеванием. В то же время, наукой показано, что потеря слуха и зрения не всегда однозначно пагубна для творческого процесса. Эксперименты с добровольцами в условиях «сенсорной недостаточности, т.е., когда были сведены до минимума световые и звуковые раздражители, а также – осязательные способности» показали, что сенсорный голод приводит к активизации хранящихся в памяти образов и значительному усилению воображения вплоть до галлюцинаций у некоторых испытуемых. Думается, образы Гомера и Бетховена у Шаламова, равно как и факт, что подавляющее большинство его собственных произведений было написано в условиях прогрессирующей утраты им возможности видеть и слышать звуки, должны быть поняты с учетом психофизиологии «сенсорного голода». Второе, в небольшом рассказе «Припадок» Шаламов, описывая реальный факт автобиографии, показывает, что эмоциональный прообраз будущего сюжета «колымской прозы» может появиться даже в ходе приступа «болезни Меньера», диагноз которой ему был когда-то поставлен: «Голова болела и кружилась при малейшем движении, и нельзя было думать – можно было только вспоминать, и давние пугающие картины стали являться как кадры немого кино,...

Рождение художественных образов в сознании, измененном болезнью, зафиксировано Шаламовым и в стихах: «Мигрени. Головокруженья/И лба и шеи напряженья./И недоверчивого рта/Горизонтальная черта./Из-за плеча на лист бумажный/Так неестественно отважно/Ложатся тени прошлых лет,/И им конца и счета нет». И, наконец, еще один аспект шаманского действия, которому Шаламов мог придавать значение, это способность шамана моделировать психику других людей и управлять сознанием своих соплеменников. Шаламов писал: «Я ставил себе задачей создать документальное свидетельство времени, *обладающее всей убедительностью эмоциональности...*». И, «эмоциональность здесь как бы трансперсональна, это эмоции, возбуждаемые в самом читателе, а не заимствованные у персонажа», - так характеризовал колымскую прозу друг писателя литературовед Ю.А. Шрейдер.

Самиздат текстов Шаламова и КГБ

Корпус «Колымских рассказов» Варлама Шаламова был завершен автором к концу 60-х годов, когда «лагерная тема» вновь оказалась под неофициальным запретом, а ее распространение по каналам «самиздата», попадало в сферу внимания КГБ. Ползучая ресталинизация» конца 1960-х годов не замедлила реализоваться в виде рецидива политических процессов. Суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем, чья «вина» состояла в том, что они шли значительно дальше официально разрешенной критики сталинской и постсталинской системы, всколыхнул общественное мнение. В.Т. Шаламов также не считал возможным остаться в стороне. В настоящем сообщении предполагается обсудить два шаламовских документа, один из которых реально, а другой предположительно, связаны с политическими процессами Синявского-Даниэля и Гинзбурга-Галанскова. Это т.н. «Письмо старому другу», которое ходило в «самиздате» и, как анонимный текст, вошло в «Белую книгу» о «процессе Синявского — Даниэля», изданную на Западе. Второй документ – письмо Шаламова в Литературную газету от 15.02.1972 года.

Примечательно, что в отношении обоих документов, хотя и по разным причинам, возникли предположения о «недобровольности» их написания Шаламовым. Если по поводу письма в Литгазету главной версией было давление КГБ с целью выбить «покаяние», то в отношении «Письма старому другу» предполагалось, что оно было написано «под нажимом» тогдашних друзей Шаламова Л. Пинского и Н. Мандельштам, следивших за процессом Синявского-Даниэля. На наш взгляд между двумя этими, очень разными документами, есть определенная причинно-следственная связь, о которой речь пойдет ниже. «Письмо старому другу» по нашему мнению - аутентичный шаламовский документ, лишенный внутренних противоречий. Главные его мысли – отступление от сталинизма («XX и XXII съезды партии были такими покаянными заявлениями, вынужденными, правда, но всё же покаянными») а также неполнота «десталинизации» («растление власти, которая, покаявшись, до сих пор не хочет сказать правду, хотя бы о деле Кирова») перекликаются с дневниковыми записями Шаламова, равно как и его убежденность в использовании на московских процессах 30-х годов психофармакологии для получения фантастических признаний подсудимых, что писатель излагает в рассказе «Букинист» от лица его главного персонажа. Глубоко шаламовскими являлись мысли, что дело Синявского и Даниэля — первый советский открытый процесс, политический, когда обвиняемые по 58-й статье не признавались в своей вине, ... требуя уважения к свободе творчества, к свободе совести. И то, что Синявский и Даниэль держались смело, твёрдо и в то же время очень осторожно, говоря каждую фразу очень обдуманно и не позволяя заманить себя в сети (как антисоветчиков М.Г.). А также, что «следствие по этому процессу вызвало не только протест глухой, но и явный — в виде небывалого с 1927 года события — демонстрации у памятника Пушкину 5 декабря 1965 года, в которой участвовали студенты и преподаватели университета». Воспоминания академика Вяч. Вс. Иванова свидетельствуют, что во время упомянутой демонстрации Шаламов находился

неподалеку и наблюдал за ходом событий. А статья соавтора «Белой книги» А.И. Гинзбурга «Двадцать лет тому назад» сообщает, что Шаламов присутствовал на нелегальных московских собраниях, где обсуждался ход процесса Синявского-Даниеля и знал о составлении «Белой книги».

Открытое письмо в редакцию Литературной газеты, где Шаламов, называя себя «честным советским писателем», решительно протестует против публикации его Колымских рассказов в эмигрантских изданиях «Посев» и «Новый журнал», было написано на 6 лет позже, уже после событий «Пражской весны» и ввода войск в ЧССР. Его пафос, прежде всего, фраза, «проблематика Колымских рассказов» снята жизнью», был, пожалуй, противоположен «Письму старому другу». О письме в Литгазету уже написано много. Его аутентичность и добровольность подтверждены Шаламовым. Некоторые историки (и автор этих строк полностью с ними согласен), указывают на глубокий идейный антагонизм Шаламова по отношению и к белой эмиграции, и к быстро либерализирующемуся диссидентскому движению начала 70-х годов, которое становилось активным фигурантом «холодной войны». Неприятие этой позиции было одним из мотивов данного письма. Литературоведы трактуют негативное отношение Шаламова к зарубежным публикациям «Колымских рассказов» невозможностью контроля за реализацией авторской концепции. Все это так, но, примечательно, - пытаюсь абсолютно отмежеваться от причастности к публикации Колымских рассказов в «Посеве», Шаламов ни словом не обмолвился об издании их переводов в виде 3 книг в Германии и Франции, которое было по сути дела синхронным с «посевовскими» публикациями. Это позволяет предполагать, что помимо литературно-философских и идейных причин появление письма в «Литгазету» имело и политические, и тактические основания.

Владимир Буковский, участник петиционной кампании в защиту А. Гинзбурга и Ю. Галанскова, в книге «Психиатрический ГУЛАГ» уделяет достаточно места как ходу процесса над ними, так и тому, как КГБ инкриминировал подсудимым связь с террористической белоэмигрантской организацией «Народно-трудовой союз российских солидаристов» (НТС), рупором которой являлся «Посев». Буковский аргументированно показывает, что в послевоенные времена НТС подвергся инфильтрации КГБ на всех уровнях, был наводнен двойными агентами и провокаторами и играл немалую роль в компрометации диссидентского движения. Это согласуется с шаламовскими «мыслями вслух» о наводнении диссидентского движения – «прогрессивного человечества» (ПЧ), как он его называл, провокаторами и агентами КГБ. «Они затолкают меня в яму и будут писать петиции в ООН». «ПЧ состоит наполовину из дураков, наполовину из стукачей, но дураков нынче мало». С учетом этого у нас есть основания полагать, что Шаламов, получавший сведения о процессе А. Синявского и Ю. Даниеля, не менее тщательно следил за доступной информацией о суде над Гинзбургом и Галансковым и мог знать об инкриминируемых им связях с НТС и «Посевом», сведения о которых попали в печать. А.И. Гинзбург, еще до ареста упоминает о диалоге с Шаламовым относительно «Белой книги»: «Тут он остановил меня резким вопросом: «И сколько Вы думаете получить за это?» Я ответил: «Ну, по статье не больше 7-ми». На его лице промелькнула тень: «Ваше счастье, в наше время минимум 25 схлопотали бы». Элементарный здравый смысл и инстинкт самосохранения должны были подсказать Шаламову, что появление «Колымских рассказов» в «Посеве» может быть увязано с делом о «Белой книге», где находился и его авторский текст, и которая в силу обстоятельств была издана в том же издательстве «Посев». Это было бы достаточно для судебного преследования. Единственно правильным решением в такой ситуации было превентивно, жестко и публично отмежеваться от «Посева». Что и произошло в феврале 1972 года.

Возможно, дополнительным стимулом письма в Литгазету был еще драматический эпизод, описанный Шаламовым в рассказе «Вставная новелла». Суть его заключалась в том, что его старый магаданский товарищ Борис Лесняк в связи с распространением самиздатных рукописей Шаламова был вызван в Магаданское КГБ, где была предпринята

попытка его вербовки в виде поручения выяснить тем или иным путем денежные доходы Шаламова как писателя. На наш взгляд, Лесняк смог выйти из этой непростой ситуации наиболее приемлемым способом – он пришел к Шаламову и рассказал все детали своей беседы в «хитром доме», включая ее причины и данное ему поручение. Но сам этот эпизод, очевидно, лишь усилил у писателя реакцию отторжения по отношению к попыткам представить его «в роли подпольного антисоветчика, «внутреннего эмигранта».

Сведения об авторе:

Марк Васильевич Головизнин
к.м.н. доцент МГМСУ им. А.И.Евдокимова
Член Совета Ассоциации медицинских антропологов

С. Л. Гонобоблева (Санкт-Петербург)

Дневник учителя истории из города Владимира

Славянская библиотека, являющаяся теперь частью Государственной библиотеки Финляндии, имеет небольшой, но весьма интересный рукописный фонд. Впервые на него обратил внимание сотрудник библиотеки в 1920-1930-е годы историк и библиограф Б.П. Сильверсван, подготовивший не изданное, правда, впоследствии «Описание рукописей библиотеки Гельсингфорского Университета».

Согласно актуальному каталогу, Рукописный фонд Славянской библиотеки содержит рукописи на русском и других славянских языках 203 сигнума (шифра, под шифром может храниться как единичная рукопись, так и, например, личный фонд). Частные архивы разного объема поступали в библиотеку от частных лиц, всего их 79. Судьбы фондообразователей связаны с Россией.

Вторая часть рукописного фонда представляет собой религиозные, в том числе старообрядческие рукописи; общественно-политические и научные рукописи, материалы эмигрантских организаций, переписку. Обзор этой части рукописного фонда дан в статье М. Виднес^[12].

В 2018 году в рукописном фонде нами была обнаружена рукопись, озаглавленная «Дневник учителя истории из г. Владимира»^[13] Рукопись представляет собой дневник с записями личного содержания, относящимися к 1901-1904 годам и сделанными во Владимире и Смоленске. Рассуждения на темы современной школы и образовательного процесса, поведения гимназистов, реакция на общественно-политические события и прочитанные книги, а также – романтическая любовная история. Автор дневника не указан. Каким образом дневник попал в рукописный фонд остается загадкой. Несмотря на небольшой объем, рассуждения и впечатления образованного обывателя о современных ему событиях представляют несомненный интерес.

Сведения об авторе:

Гонобоблева Софья Львовна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник СПб ФАРАН

М. А. Графова (Москва)

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»: как и почему у одного ребенка в СССР до 1926 года могло быть несколько пап

Гражданская война и планомерное разрушение традиционной семьи после событий 1917 года одним из закономерных последствий имели огромное количество круглых сирот и беспризорников, кормить которых у нового советского государства денег не было. Но были и дети без отцов, и они в условиях разрухи и безработицы находились в ненамного лучшем положении. И одной из главных причин этой массовой безотцовщины была максимально облегченная ранним советским законодательством процедура развода, а также последствия многочисленных случайных связей, уровень социального осуждения инициаторов которых был существенно снижен. Что же оставалось несчастным мамашам, кроме как взывать к помощи государства? Существует меткое определение для этой ситуации, данное ещё в середине 20-х гг., – «Алиментная эпидемия». Но нас волнует очень специфический её аспект – удивительная опция, предусмотренная первым советским Кодексом о браке, семье и опеке. А именно, возможность назначить ребёнку сразу нескольких отцов-плательщиков алиментов.

На самом деле, можно только удивляться дару предвидения авторов Кодекса 1918 года, ибо вскоре типовой становится следующая ситуация: девица на сносях или уже с младенцем обращается в суд, указывая на уворачивающегося от чести быть отцом обидчика, а тот приводит с собой в суд нескольких приятелей, охотно показывающих, что они тоже имели близкие отношения с истицей в то же время, что и ответчик. Из чего, обыкновенно думали наивные молодые люди, воспоследует решение суда о невозможности установить отцовство и, следовательно, определить плательщика алиментов. Не тут-то было: на сей счет довольно редко, но всё же выносилось решение о признании «отцами» и «алиментщиками» всех закадычных друзей скопом, по моим данным, до пяти человек разом.

Зачем было нужно такое, прямо скажем, неортодоксальное решение? Дело в том, что для Советской власти главным аргументом было то, что в таком случае ребенка точно будет кому кормить, потому что заставить людей платить алименты и вообще обеспечивать своих детей, а не пытаться перевалить эту задачу на плечи государства, было немаловажной задачей для Советской власти. В частности, на сей счет существует очень забавная дискуссия, приуроченная к проекту нового, отменившего «пятиотцовщину», Кодекса 1926 года, посвященная предложению небезызвестной и уже переживавшей не лучшие времена А. Коллонтай платить алименты из страхового фонда, обеспечиваемого поголовной уплатой соответствующего налога.

В общем, довольно скоро стало понятно, что алименты алиментами, а ситуация, когда у ребеночка несколько законных отцов, выглядит несколько неловко, даёт неисчерпаемый источник тем для юморесок и вызывает зубоскальство у отсталых слоев населения, и без того не особенно доверявших советскому браку в ЗАГСе и прочим нововведениям. Чего стоит одна агитпьеса под названием «Хоронили концы – угодили в отцы». В 1926 году новым Кодексом было твердо сказано, что в случае нескольких кандидатур юридически отцом и плательщиком алиментов назначается только один человек.

Но для историка сам этот кратковременный социально-юридический курьёз остаётся вполне интересным. Во-первых, как частный случай общей тенденции эпохи, когда власть, декларируя «государство рабочих и крестьян», на деле всячески стремилось спихнуть максимум расходов по содержанию будущих строителей коммунизма на родителей – а то и на кого придётся, например, на пять «папаш» разом. Во-вторых, в многочисленных собранных нами свидетельствах есть немало острых и занимательных штрихов повседневной жизни эпохи.

Сведения об авторе:

Графова Мария Александровна
кандидат искусствоведения, доцент департамента международных отношений
факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

А. А. Гусева (Москва)

Черноризец Храбр как «негрекофильский» историк

Текст черноризца Храбра «О письменех», датируемый X в., - история, которая пишется на фоне истории письма.

Трактат открывается краткой историей славянской письменности. Молодые славянские княжества «не имеяху писмен», но, будучи языческими, писали «чертами и резами»^[14] - эта фраза, ставшая уже хрестоматийной, начинает первый этап письма.

После официального крещения (IX-X вв.) славяне были вынуждены начать пользоваться римскими и греческими письменами, но они не выражали должным образом строй славянской речи. Несовершенство, однако, греческих писмен выражается не в графической недостаточности. Теперь, после начала истории, совершенно невозможно использовать знаковые системы, имеющие хоть какую-то часть нехристианской истории. Именно этим и скомпрометировал себя греческий алфавит, который стал своего рода «антиалфавитом».

Спустя годы Константин Философ создает новый алфавит, который понимается не только как средство для прочтения Писания и понимания богослужения: это письмо как *делание* нового Адама, он есть свидетельство новой истории как истории человека во Христе.

Итак, св. Кирилл стал создателем алфавитного письма из 38 букв, одни из которых строились по порядку греческого алфавита, а другие были введены для славянских звуков. А дальше аргументация Храбра течет по принципу противопоставления. В начале алфавитного ряда «они оубо алфа, а сеи^[15] азъ» поставил, причем это начало такое же, как и в древнееврейском письме^[16]. Храбр видит в этой точке отсчета и схожее, и различное: так, у евреев первая буква алеф, которая означает «учение». При начале обучения говорят: «учись!», т. е. «алеф». И греки, уподобляясь в этом евреям (тема уподобления и подобия очень важна для средневекового мышления, здесь слышится ареопагитская тема), тоже назвали первую букву «альфа», что значит «ищи!», «алфа бо ищи ся речеть гречьскимъ языкомъ». Такое словарное значение буквы «альфа» – «поиск» и, тем более, «учение» - выглядит по меньшей мере необычно. А Кирилл, продолжая уподобление, сотворил букву азъ как «от б(ог)а даноу роду словенскому, на отвьрстие усть в разоумь»^[17]. Таким образом познание в интерпретации Храбра начинается с отверстия уст и речи, т. е. с говорения, с рождения из себя слова. Славянскому кирилловскому письму придается не просто дидактический (пропедевтический), а теолого-гносологический смысл, и это не просто письмо как способ записи речи, а готовность и дерзание нового Адама к познанию мира.

Далее следует решительный аргумент против ереси трехязычия: Бог не сотворил ни еврейского языка, ни римского, ни эллинского, пишет Храбр, – сотворен Богом был только сирийский, которым говорил Адам, и после Адама люди до Вавилонского столпотворения.

А после смешения языка так же смешались и перераспределились их виды деятельности (здесь снова речь идет о делании): египтяне занялись землемерием, персы, халдеи и ассирийцы – волхвованием, врачеванием, чарованием, евреям достались святыя книги, в которых написано о творении мира и мироустройстве, эллинам Бог дал грамматику, риторику и философию^[18]. Так деятельность, тип делания выступает как основа миропознания конкретного «Богом зданного» народа. Область божественного призвания связана для греков с языком и философией, поэтому славяне могут стремиться к уподоблению грекам, но надо помнить о своих преимуществах и, главное, абсолютной новизне (чистоте) письменной культуры.

Черноризец Храбр, создавший свою «негрекофильскую», даже анти-грекофильскую историю, по сути, включающую в себя только концепцию письменной системы, представляет алфавит как систему познания и свидетельства нового мира. Концепция, очерчивающая лишь буквенно-фонетический облик слова, уже содержит в себе внутреннюю форму языка в гумбольдтовском смысле, и, по сути, включает в себя две различные речи о мире – «жизненную» и символическую. При этом «точками смысла» являются буква, уподобление, работа (делание), выстраивающие грамматическую историю мира.

Сведения об авторе:

Гусева А.А.
м.н.с., к. филос.н., Институт философии РАН

С. Г. Дюкин (Пермь)

Дисфункционализация рок-культуры в воспоминаниях очевидцев: воспоминания периферийных музыкантов о советском роке рубежа 80-90-х гг.

Дисфункционализация того или иного объекта в культуре способна пробудить дополнительный интерес к нему со стороны носителей дискурса, связанного с ним. В нашем случае речь идет о погружении в коллективную память отечественной рок-культуры, расцвет которой приходится на поздний период советской истории. Собранные мной воспоминания (интервью) бывших и все еще действующих музыкантов, а также людей, близких к ним (журналисты, продавцы пластинок, тусовщики) позволяют говорить о превращении рок-музыки в объект ностальгии, либо в исторический феномен, а, в конечном счете, в ядро того, что можно было бы назвать ретроградной субкультурой. В силу данного факта, рок-музыке приписываются новые функциональные характеристики по сравнению с теми, которыми она обладала, будучи актуальным явлением культуры.

Если выделить основные мотивы рефлексии, формирующейся в процессе воспоминаний о включенности в рок-культуру, то можно сформировать следующую структуру рождающегося дискурса. Во-первых, информанты склонны умалять место рок-н-ролла в собственной жизни, отрицать его значимость в своей биографии, настаивая на случайном и сугубо профанном характере знакомства с этой музыкой. В данном случае налицо редукция рока как социокультурного феномена, связанного с его экзистенциальным напряжением и протестным потенциалом.

С другой стороны, возможна абсолютно противоположная позиция, в рамках которой знакомству с рок-музыкой придается значение бытийного водораздела, или «осевого времени». Музыкальное направление, в данном случае, становится методом отчуждения от сложившихся социокультурных условий. На мой взгляд, обе представленные позиции (при доминировании первой) предполагают противопоставление рока базовой идентичности, в качестве основы которой выступает позднесоветская культура. Отрицая значимость рок-н-ролла, или, наоборот, гипертрофируя его место в своей жизни, субъект пытается выстроить свое отношение к советской идентичности.

За бинарной оппозицией *рок - советская культура* следует еще один важный компонент воспоминаний. Это вовлеченность рок-музыки в дискурс реформ рубежа 80-

90-х, степень ее политизации. Данный спектр вопросов почти не порождает вариантов. Практически все информанты говорят о полной отстраненности рок-культуры от всяких политических реалий. Отдельные случаи политизации текстов песен подаются как факты конъюнктуры, а участие отдельных музыкантов в обсуждении перестроечных реформ оценивается в качестве своеобразного перманентного хеппинга, концептуалистской культурной инсценировки. Таким образом, субъект воспоминаний присваивает рок-культуре 30-летней давности признаки современной молодежной культуры с ее конформизмом и аполитичностью.

Еще одна тема воспоминаний – это отсутствие дифференциации внутри рок-среды конца 80-х. Информантами отрицаются различия между представителями разных субкультур, в том числе и собственная субкультурная идентичность в описываемую эпоху. Причастность к рок-культуре как таковой служит основанием для игнорирования всяких межэвений внутри нее. Субъект ретро-рефлексии, таким образом, не может отделить друг от друга субкультурные группы, лишившиеся своего социального субстрата и прекратившие существование в том виде, в каком они действовали на поздней стадии советской эпохи.

В то же время информанты настаивают на наличии 30 лет назад яркой идентификации, на ощущении особого характера рок-среды, на ее отделенности от доминантной советской культуры. В этом мотиве содержится желание обрести идентичность в сегодняшних условиях теми, кто готов противостоять социокультурному однообразию, массовой культуре.

Сведения об авторе:

Дюкин Сергей Габдульсаматович

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии и философии

Пермского государственного института культуры

С. М. Евграфова (Москва)

Ментальное и чувственное в тексте

Обучение студентов письму заставляет обратить внимание на несколько аспектов: они не дифференцируют «свои» и «чужие» слова, не умеют создавать образ, пользуясь деталями чувственного восприятия. Исследование этих аспектов в мемуарных текстах ученых-нефилологов позволяет наблюдать за различными формами *естественной* реализации речевых способностей интеллектуально одаренной личности.

Мемуары врача А.З. Цфасмана «Из того, что помню» (М.: Торус-Пресс, 2013) весьма интересны: привлекают личность автора, его социальное окружение, эпоха. Радуюсь преуспеянию окружающих, автор выше всего ценит порядочность и готовность помочь; отрицательные оценки чаще подменяет описанием поступков.

Дополнительное достоинство – минимальная отредактированность текста. В предисловии А.З.Ц. подчеркивает: «Не производилось также литературного редактирования с надеждой сохранности более живого языка».

Склонность к анализу и рефлексии меняет соотношение чувственного и ментального: что воспринималось как непосредственное ощущение, преобразуется в информационно насыщенное сообщение, и эта информация становится предметом рефлексии, обычно – сугубо профессиональной (говоря о смерти прабабушки и ее детей от туберкулеза, он добавляет: «...есть версия, что Сережа умер от перитонита, но в этом случае не от туберкулезного ли?»).

Сквозь барьер из фактов, утверждений и оценок едва проникают запахи, вкусы, тактильные ощущения: рассказ о занятиях спортом провоцирует воспоминание о вкусных маминых обедах («Бульон из костей мама варила – томила в печке – вкуснейший. Литрами поглощал»); рассказ о жизни в деревянном домике в Останкине вызывает в памяти запах («Здесь же и денатурат для розжига, в бутылку. Запах нравился»). Почти все фрагменты, отражающие чувственное мировосприятие, относятся к детству. В «медицинских» главах чувственные образы исчезают; даже в рассказах о путешествиях впечатления передают только зрительные ощущения и оценки. Профессиональная рефлексия как будто вытесняет из сознания привычку к передаче чувственных впечатлений.

Судя по текстам подростков, в 14-15 лет резко снижается внимание к деталям и повышается интерес к обобщениям и выводам, увеличивается длина и усложняется структура предложения. Заметим, что это – возраст «отключения» эйдетической памяти и «включения» полноценного понятийного мышления (Солсо Р. «Когнитивная психология»).

Студенов-филологов приходится заново учить тому, как использовать чувственные ощущения при работе с воздействующими текстами. А.З.Ц. профессионально развивал иные качества речи – краткость и точность высказывания. Он предпочитает короткие предложения, содержащие одно утверждение; избегает вводных конструкций: модальные значения оформляются как отдельные утверждение или отбрасываются («Вовка Штельмах – друг первых классов школы. Живет в мансарде развалюшистого деревянного дома. Вся комната в герани, да такой, какую никогда затем не встречал. Жизнь украшали. Об отце никогда разговора не было. Бедность чрезвычайная. Вынужден был бросить школу и работать сапожником на дому. Спился. Дружба прекратилась. Мне жаль и немного стыдно»).

Основная установка мемуаров – проинформировать читателей о фактах, которые автор может засвидетельствовать лично или знает из источников, достойных доверия. При этом А.З.Ц. указывает степень знакомства с человеком, но редко ссылается на источники информации. Отсутствие устойчивого различения «своего» и «чужого» знания можно расценивать как результат глубокой переработки любой информации (противоположная стратегия, основанная на воспроизведении текста, – в мемуарах А.Н. Крылова, который склонен цитировать даже самого себя).

Отношение к чужому слову и опосредованному знанию, отношение к выбору между ментальным и чувственным в собственном тексте индивидуальны; это – основа для внутреннего редактирования, нацеленного на точность речи (литературная обработка – это внешнее редактирование, нацеленная на эстетические качества речи).

Сведения об авторе:

Евграфова Светлана Маратовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

О новых находках из частного архива Дроздовых: к истории родственных связей Филарета, митрополита Московского

Несмотря на обширную историографию, посвященную Филарету (Дроздову), митрополиту Московскому, многие факты из его жизни остаются неизвестными и сегодня. Еще в большей степени это относится к сведениям о его родителях и старших представителях династий Дроздовых и Филипповых. Эти пробелы отчасти позволяет восполнить частный архив родителей святителя Филарета — протоиерея Михаила Федоровича и Евдокии Никитичны Дроздовых, сохранившийся в одной московской семье.

Из документов XVII-XIX вв. наиболее ранним является челобитная коломенского дворянина Сенки Брюхатова на имя Алексея Михайловича, датированная 1659 г. Остальные документы можно условно разделить на следующие группы: 1). Письма деда святителя Филарета отца Федора Игнатьевича Дроздова к сыну отцу Михаилу Дроздову (1788-1790-е гг.); 2). деловая и частная переписка протоиерея Михаила Федоровича Дроздова (1807-1816); 3). переписка епископа Ревельского Филарета (Дроздова) с братом Никитой Михайловичем Дроздовым (1818-1819); 4). черновые автографы писем Евдокии Никитичны к святителю Филарету (1822-1838); 5). переписка Е. Н. Дроздовой с другими родственниками.

Письма священника Федора Игнатьевича Дроздова к сыну содержат неизвестные ранее сведения: синодик с именами родителей и прародителей, родительские наставления и духовное завещание, основные положения которого — любовь к Богу и ближнему, непрестанная молитва «усты и сердцем, языком и умом», предания себя в волю Божию, соблюдение «яко многоценного сокровища» кротости и смирения, нищеты и воздержания — были адресованы не только сыну, но и его потомкам («блности сие у себя до своей смерти, никуда не утратить и жене и детям дать прочесть»^[19]).

Служебная и личная переписка о. Михаила Дроздова характеризует не только его должностные обязанности как посредника между московским начальством и коломенскими почетными гражданами, но и авторитет его среди московского и петербургского священноначалия, а проникновенные строки «домашней» переписки — о. Александра Филиппова, ключаря Успенского собора Московского Кремля, дяди Е.Н. Дроздовой, и зятя его, о. Стефана Протопопова — свидетельствуют о крепких семейных узах и сердечной атмосфере домашнего круга.

Письмо епископа Филарета к брату Никите Михайловичу от 10 октября 1818 г. представляет собой ответ на письмо последнего, полное упреков и претензий, чем резко диссонировало обычно почтительному тону семейной переписки. «Кризис роста», проявивший себя, по мнению преосв. Филарета, «языком буйного ребячества», был вызван целым рядом причин: лишением отца († 18 января 1816 г.), удаленностью от дома в связи с обучением в Вифанской семинарии, контролем со стороны семинарского начальства по поручению старшего брата, что вряд ли могло устраивать молодого человека.

Ответ же Филарета может служить образцом корректности и сдержанности; лишь в самом конце, задетый несправедливыми обвинениями, он дает проявиться эмоциям: «Скажу искренно, что я не думал заслужить от тебя такое письмо. Впрочем брань все же лучше лести». Не отказываясь и впредь оставаться мишенью для выговоров, Филарет позволил себе «повоспитывать» брата-семинариста: «Уступая тебе право быть правомочным судьей в письмах ко мне, советую не брать сего на себя ни в каких других случаях. Подумай, как рано судить об управлении людьми тому, кого еще учат управлять самим собою?» Понадобилось время, чтобы возобновились прежние братские отношения:

в январе 1821 г. в дар Никите Михайловичу была послана половина пояса, вторую половину которого Филарет оставил себе как символ братского единства^[20].

Следующий, наиболее массивный, раздел архива составляют черновые автографы Е. Н. Дроздовой. Одним из главных вопросов, к решению которых привлекался московский святитель, было устройство девиц Дроздовых-Филипповых, и Филарет, избравший для себя путь монашества, оказался, фактически, во главе большого клана, содействуя избранию в кандидаты не только наиболее способных выпускников московских духовных школ, но и прошедших отбор по нравственным качествам. Тем самым закладывалась основа для воспитания будущих поколений высокообразованных и высоконравственных священнослужителей — осуществлялась духовная преемственность, заботу о которой с таким усердием проявляли оба деда святителя, отец Федор Дроздов и отец Никита Филиппов, и целый ряд их предшественников.

Таким образом, письма из архива Дроздовых раскрывают целый мир семейных отношений в кругу ближайшей родни митрополита Московского Филарета (Дроздова), который стал не только восприемником, но и продолжателем семейной традиции — заботы о сохранении духовности, церковности и благочестия будущих поколений.

Сведения об авторах:

Ермакова Варвара Александровна
искусствовед, свободный исследователь,

Смирнова Ирина Юрьевна
доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН

И. В. Ерохина (Тула)

«А ведь сон – это тоже вещь»: об одной строфе «Поэмы без героя» Анны Ахматовой

А ведь сон - это тоже вещь,
Soft embalmer, Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.

Эти стихи «Решки» содержат в себе три цитаты. Источники двух указаны самим автором: «Soft embalmer (англ.) – «нежный утешитель». См. сонет Китса «To the Sleep» («К сну»); «Поля Валери – сон – эльсинорских террас парапет».

До сих пор никто из исследователей при интерпретации этой строфы «Поэмы» не учитывал тот факт, что сонет Китса строится на вполне ясно читаемых отсылках к шекспировскому «Гамлету».

Гамлетовская тема продолжается в следующей строчке: «Эльсинорских террас парапет». Но в эссе Поля Валери (впрочем, как и в сценах шекспировской трагедии, разворачивающихся на террасах Эльсинора) отсутствует тема сна. Тогда что связывает текст Валери с автометаописательной строфой «Решки» и с сонетом Китса в смысловой перспективе поэмы Ахматовой?

Ахматова указывала два импульса к созданию отрывка, из которого выросла «Поэма»: «...разбирая мой старый (впоследствии погибший во время осады) архив, я наткнулась на давно бывшие у меня письма и стихи, прежде не читанные мною ("Бес попутал в укладке рыться"). Они относились к трагическому событию 1913 года, о котором повествуется в "Поэме без героя". Тогда я написала стихотворный отрывок "Ты в Россию пришла ниоткуда" в связи с стихотворением "Современница". Это был

первый из «портретов современниц» – портрет Саломеи Андронниковой-Гальперн. Под заглавием «Тень», он входит в цикл «В сороковом году», три из четырех текстов которого содержат реминисценции и аллюзии на трагедии Шекспира. При этом не будем забывать, что «Поэма» открывается Вступлением: «Из года сорокового, Как с башни, на все гляжу...».

Гамлет Валери, вглядываясь в послевоенную Европу, полон мрачных предчувствий: *«Его чудовищно ясновидческий ум созерцает переход от войны к миру. Этот переход еще более темен, более опасен, нежели переход от мира к войне»*. Не увидела ли в этом Ахматова некое пророческое сно-видение, явленное новому европейскому Гамлету в 1919 году и обретающее реальность в кошмаре 1940-го года?

Таким образом, шекспировские реминисценции в строфе Ахматовой оказываются обращены в прошлое (сонет Китса), где свершилось нечто (“преступление”), и будущее, грозящее гибелью (эссе Валери), и объединены темой «погребения эпохи» как погребения Европы, которая не осталась не замечена читателями первых редакций «Поэмы»: «это реквием по всей Европе».

Сведения об авторе:

Ерохина Ирина Владиславовна
кандидат филологических наук, доцент Тульского
государственного педагогического университета им.Л.Н.Толстого

М. В. Живова (Рим)

Фигуры Кирилла и Мефодия и национально-конфессиональная идентичность карпатских русинов во второй пол.ХІХ– первой трети ХХ в. на материале «Месяцесловов для русинов краины угорской»

«Месяцеслов для русинов краины угорской» – это ежегодный альманах культурно-просветительского характера, адресованный русинскому народу и имевший целью сохранение и укрепление религиозной и национальной идентичности карпатских русинов, принадлежащих греко-католической церкви. Альманах издавался в Ужгороде с 50-х годов ХІХ в., т.е. в период после венгерской революции 1848-49 гг., который стал для русинов началом формирования национального самосознания, до середины 40-х годов ХХ в. (последний известный мне выпуск – 1942 г.). Месяцесловами обеспечиваются и русинские общины в Северной Америке (некоторые выпуски специально сделаны для американских русинов).

Эти альманахи содержат, во-первых, собственно месяцеслов (календарь святых и праздников православной и католической церкви) с уставными указаниями и разнообразные календарные сведения, во-вторых, советы читателям, касающиеся хозяйства, воспитания детей, здоровья и т.п., а также литературные тексты и тексты культурно-просветительского характера, написанные русинскими авторами (преимущественно представителями греко-католического духовенства), идеологами русинского национального самосознания.

Русинские месяцесловы отражают сосуществование двух культур, двух вероисповеданий («обрядов»), двух языков. Будучи направлены на сохранение русинами своего обряда и своего языка, тексты, помещаемые в этих Месяцесловах, хотя и противопоставляют венгерскую, а затем чешскую «западную» культуру и веру исконной «нашей», «славянской» (отдельного рассмотрения заслуживают определения «славянский», «русский», «русинский» по отношению к народу, вере, языку и пр.), однако никак эту культуру не отрицают и в целом не осуждают. Хотя общая тенденция весьма толерантная, однако постоянно акцентируется, что именно русины являются исконным

населением и первыми христианами на этой территории, именно их вера – исконной и правильной, и так или иначе призывают к сохранению и укреплению своей веры и своего языка в условиях существования в иноязычной и инокофессиональной среде.

Таким образом, статьи культурно-просветительского и исторического и религиозного содержания предлагали русинскому народу некоторую модель самоутверждения. Для самоутверждения требуется антагонист (т.е. тот, кем «мы» не являемся и не хотим являться), авторитетный ориентир (который может быть в большой степени мифическим) и «своя» история, по возможности – древняя (по крайней мере более древняя, чем у антагониста), достоверность которой скорее символическая, чем документальная. В построении идентичности карпато-русского народа ключевую роль играли, во-первых, язык и письменность, во-вторых – принадлежность к греко-католической церкви, о чем в текстах говорится как об обряде, который может называться «нашим», греко-католическим, восточным, славянским и даже русским и старославянским и противопоставляться с одной стороны латинской, западной церкви, с другой стороны – не принявшей унию церкви православной. Возникающие противоречия никак не смущают авторов текстов. По лингвистическому признаку авторитетным ориентиром «назначалась» Русь (в большей степени Древняя Русь, чем современная Россия, хотя эта граница не всегда ясно видна), и в этом случае антагонистами оказывались мадьяры, а затем чехи («латинский мир»). По церковному же «обряду» антагонистами были схизматики, соответственно, Россия, а авторитетным ориентиром оказывалась Римская церковь.

Что же касается «своей» истории, то она сводится к двум основным положениям: во-первых, русины были на территории «краины Угорской» раньше, чем «антагонист» (мадьяры), во-вторых, русинский народ обратился к христианству раньше и мадьяров, и остальных славян.

Кирилл и Мефодий оказываются крайне подходящими персонажами для всей этой идеологической конструкции. Множество культурно-просветительских текстов, касающихся истории русинов, их веры и обряда, языка и письменности посвящены первоучителям либо упоминают их, обращаясь к разным «биографическим» моментам (порой совсем фантастическим, как, например, посещение Мефодием Львова и Киева), и интерпретируя их в свете соответствующей идеологии. Именно эти тексты и являются предметом рассмотрения в настоящем докладе.

Анализ историко-культурных текстов русинских месяцесловов позволяет увидеть, как выстраивается идеологическая модель национальной самоидентификации, и какую роль в ней играют славянские первоучители.

Сведения об авторе:

Живова Маргарита Викторовна
assegnista di ricerca Università degli Studi Roma Tre, Roma

Н. И. Завгородняя (Барнаул)

Алтай как маргинальное пространство в текстах А.В.Коробейщикова: концептосфера «граница-проводник»^[21]

Широкому кругу алтайских читателей имя Андрея Витальевича Коробейщикова известно по циклу романов «Иту-Тай» и последующим романским текстам, в которых продолжают основные линии этой шаманской саги. Мистические аспекты сюжетов книг А. Коробейщикова переплетаются с культурологическими исследованиями, а в книге А.Коробейщикова «Тай-Шин. Волчья Тропа» (2008) обретают форму коанов, в которых

реконструируется философия сибирских шаманов Тай-Шин в виде отрывков из сакральной «Зеленой книги охотника» (которая в рамках житнетворческой стратегии писателя, создающего персональный авторский миф, видится как литературная мистификация). В романах А.Коробейщикова реконструируется «алтайский текст»: наличие в тексте упоминаний об Алтае, его природе, структурно-семантический комплекс мотивов и образов, объединенных темой Алтая. Рассказчик входит в сюжеты текстов А. Коробейщикова как проводник между мирами, сказитель (Кайчи), обладающий двойной природой, из которой и происходит его «культурный билингвизм». Оформлению алтайского мифа в текстах А. Коробейщикова органично сопутствует создание персонального мифа, творческий аспект которого является основным. Рамочный тип композиции позволяет автору инкрустировать тексты своих романов сюжетами древнего алтайского эпоса. В художественном мире Коробейщикова основное напряжение создает «маргинальный сюжет». Герой-проводник становится героем-пограничником, несущим свою воинскую «службу» на границе миров «между Светом и Тенью» [Коробейщиков, 2016, с. 171]. Воля и усилие героя-шамана – в упорядочивании надвигающегося хаоса, в отличие от обывателя, «похожего на слепца, идущего вперед, размахивая руками» [Коробейщиков, 2016, с. 5]. Как и любой образ радикально иного, чужого мира в культуре, образ Алтая у А. Коробейщикова амбивалентен. С одной стороны – это место символической смерти, с другой – это и место начала новой жизни, где рождается новая личность.

Список литературы

- Завгородняя, Н.И. Алтайский миф в творчестве А. Коробейщикова (к постановке вопроса) / Н.И. Завгородняя. – Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. – Барнаул, 2011. – С. 184–189.
- Коробейщиков, А.В. Метанойя / А.В. Коробейщиков. – Барнаул: Алтайский Дом печати, 2016. – 278 с.
- Коробейщиков, А.В. X / А.В. Коробейщиков. – Барнаул: [б. и.], Алтайский Дом печати, 2009. – 373 с.
- Коробейщиков, А.В. Тай-Шин. Волчья Тропа / А.В. Коробейщиков. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2008. – 208 с.
- Легенды и мифы Седого Алтая. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайск. респ. тип., 2008. – 91 с.
- Молчанова, О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О. Т. Молчанова. – Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1979. – 395 с.
- Руднев, В. Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В. Руднев. – Москва: Аграф, 2001. – 608 с.
- Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве [Электронный ресурс] : коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 237 с.
- Тадина, Н. А. Река как образ родины у алтайцев / Н. А. Тадина // Реки и народы Сибири. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 151–159.
- Тахо-Годи, А. А. Антей / А. А. Тахо-Годи // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – Москва, 1991. – Т. 1. – С. 83–84.
- Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – Москва : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
- Феофелаков, В. И. Легенды Алтая / В. И. Феофелаков. – Бийск : Бия, 2013. – 254 с.

Сведения об авторе:

Завгородняя Наталья Ивановна
к.ф.н., доцент кафедры литературы АлтГПУ (Барнаул)

Е. Н. Зарецкая (Москва)

Эстетические и этические особенности ироничной речи

Ключевые слова: эстетическое представление об иронии, мораль, ироничный текст, самоирония.

В эстетике ирония — вид комического, идейно-эмоциональная оценка, элементарной моделью или прообразом которой служит структурно-экспрессивный принцип речевой, стилистической иронии. В этике ироническое отношение предполагает превосходство или снисхождение, скептицизм или насмешку, нарочито запрященные, но определяющие собой стиль художественного произведения ("похвала глупости" Эразма Роттердамского) или организацию образной системы (характеров, сюжета, всего произведения, например "Волшебная гора" Т. Манна). "Скрытность" насмешки, маска серьезности отличают иронию от юмора и особенно от сатиры.

Ирония как прием должна применяться в речи с большой осторожностью, что напрямую связано с нравственным аспектом в речевой коммуникации. Каждый из нас в той или иной степени обладает чувством юмора, но мы редко задумываемся над тем, что обращая шутки в адрес другого человека, мы подчас делаем ему больно. С речью надлежит обращаться к людям только в тех случаях, когда вы желаете им добра. Никто не может вас заставить доброжелательно ко всем относиться, но если вы испытываете к кому-то недобрые чувства, к этому человеку обращаться с речью (кроме случаев крайней необходимости) не следует (см. выше), особенно если это ироничная речь.

В отношении иронии существует очень много ограничений. Точное их соблюдение может сделать вашу речевую коммуникацию более человеческой и соответствующей этической норме. В какой ситуации к человеку с ироничной речью обращаться нельзя?

1. Если перед вами человек без чувства юмора.
2. Если человек находится в удрученном состоянии души.
3. Если этот человек вам незнаком.
4. Есть специальные ситуации, когда ирония неуместна. На похоронах ирония неуместна по отношению к любому из присутствующих. Также ирония неуместна и на свадьбе. Любое действие, любой ритуал, сопряженный с большой эмоциональностью, не допускает иронии. Попробуйте в католической среде позволить себе иронию на венчании. Вас не только не поймут — на вас будут странно смотреть, и люди, которые услышат ваше ироническое замечание, вряд ли впоследствии будут с вами общаться. Им это покажется дикостью, а у нас это (увы!) норма.
5. Если рядом находится третье лицо, от которого тот, над кем вы подшучиваете, как-то зависит. Причем зависит и с социальной точки зрения, и с психологической, и с эмоциональной.
6. Нельзя иронизировать над человеком с каким-то явным недостатком. Это может позволить себе только человек с такой же бедой и больше никто. Совершенно очевидно, что вы не можете иронизировать, если у вас более сильная позиция. Разве можно смеяться над человеком, который слабее вас, болен или не может вам ответить?
7. Категорически не рекомендуется иронизировать над тем, что для человека важно: его вероисповедание, семья, часто работа или какое-то дело, которому он искренне предан, его система убеждений, национальность и все, что связано с культурной традицией его народа. Национальное достоинство людей, особенно малых народностей, никогда не должно быть унижено (от этого унижения начинаются гражданские войны, именно от унижения!). За пределами иронии должно находиться то, что, с вашей точки зрения, для человека дорого, то, что его по-настоящему волнует.

Но и это еще не все. Представьте себе компанию приятелей, отношения между которыми достаточно доброжелательны, в ней нет никакой социальной иерархии и нет специальных эмоциональных привязанностей. Ирония в такой ситуации вполне уместна, однако первым адресатом иронии должен быть сам говорящий, сначала надо подшутить над собой, вызвать смех, только после этого дозволительно обратиться и к другому человеку с ироничной фразой. Надо научиться высмеивать себя, что мало кто умеет. Только очень умные и сильные люди умеют смеяться над собой.

Библиография

- Дюбуа Ж. Общая риторика. М., 1986
Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М., 2016
Крейдлин Г.Е. Семиотика, или азбука общения. М., 2009
Логический анализ языка. Концептуальные поля игры/под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2006
Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ред. М.Н. Кожина. М., 2006
Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002
Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 1992

Сведения об авторе:

Зарецкая Елена Наумовна
доктор филологических наук
профессор РАНХиГС при Президенте РФ
зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин

Ю.П. Зарецкий (Москва)

«Введение краткое во всякую историю» для славянорусского народа: Первый учебник всемирной истории и его читатели

В докладе речь пойдет о почти забытом сегодня первом учебнике всемирной («всякой») истории на русском языке.

«Введение краткое» было написано по указу Петра I во время его пребывания в Амстердаме и издано в 1799 году в типографии местного купца Яна Тессинга. Это была первая книга в серии учебных пособий по разным «наукам и искусствам», специально составленных и напечатанных для распространения в России. Выбор Амстердама для этого петровского начинания был неслучаен – в конце XVII в. Голландия являлась крупнейшим европейским центром книгопечатанья, причем книгопечатанья многоязычного: помимо голландского, книги издавались здесь на английском, французском, немецком и латинском языках, и даже на идише, армянском и грузинском.

Автором сочинения был проживавший в то время в Амстердаме выходец из земель Великого Княжества Литовского Илья Федорович Копиевский (Копиевич). Родился он около 1651 года недалеко от Мстиславля в семье мелкопоместного шляхтича протестантского вероисповедания. В восьмилетнем возрасте, в период войны Речи Посполитой с Россией, был захвачен в плен и увезен в Московию, где прожил шесть лет. Затем он вернулся домой, был лишен родового имения и, оставшись без средств к существованию, отправился в Амстердам, где в надежде получить приход значился кандидат-пастором. Сам Копиевский называл себя в эти годы человеком «духовнаго чину реформацкия веры», а в официальном документе, выданном ему от имени Голландской республики, значился как «поляк, в настоящее время живущий в Амстердаме» (*polonius in praesentiarum habitans Amstelodami*). Помимо «Введения» Копиевский подготовил «для славянорусского народа» еще более десятка учебников и переводов.

«Введение» – это составленная на основе сочинений западноевропейских авторов небольшая книжица (меньше 70 страниц), представляющая собой краткий конспект основных понятий и событий всемирной истории с добавлением к ним географического обзора. На ее титульном листе значится: «Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное: Сейже есть благородным юношам первейшей степени; истории и всех премудрых летописцев, хотящим читати; читающим; совершенно познавати; познавшим благоразумно о всех древних деяниях

размышляти разсуждатати и проповедати. Издана сия книга по указу пресветлейшаго и великаго государя нашего царя государя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя, и Белья России самодержца».

В настоящее время в российских библиотеках и архивах сохранились экземпляры «Введения», владельческие записи в которых позволяют идентифицировать некоторых из его читателей, а также пути и способы ее распространения в начале XVIII в. Эти записи указывают на то, что книга Копиевского дошла до разных слоев российского общества и имела не только в Москве и Петербурге, но и в провинциальных городах.

В заключении доклада делается вывод о том, что уничижительная оценка этого исторического сочинения Копиевского, некогда данная П.П. Пекарским («пустая компиляция») едва ли справедлива. «Введение», несомненно, занимает значимое место в истории распространения исторического знания в России. Во-первых, оно было первым печатным обзором всемирной истории на русском языке. Во-вторых, оно впервые представило массовому русскому читателю новую для него картину всемирной истории, основанную на сочинениях западноевропейских авторов.

Зарецкий Юрий Петрович
д.и.н., доцент, факультет гуманитарных наук
НИУ «Высшая школа экономики»

Т. С. Зевахина (Москва)

Сюжет с медведем в «Блокнотах» и в повести «Север» Евгения Замятина

Евгений Иванович Замятин совершил не один выезд на север Европейской части России. «Много связанных с работой поездок по России: ... Архангельск, Мурман...», – пишет он в автобиографии 1928 года. Будучи и сам по рождению не столичным жителем, он выхватывает острым взглядом писателя типы поморов и, обрисовывая, придает им пластичные, законченные формы. Таковы герои его повести «Север» (1918): беловолосый младень-богатырь Марей, рыжая красавица лопарка Пелька, хозяин лавки Кортома, приказчик Иван Скитский – из скитов беглый, Матрена-Плёсая – «широкая, теплая, ласковая – русская печь-мать», подросток Степка-зуёк и столетний старец Иван Романыч. А рядом с ними – богатый мир северной природы: олени, песцы, морские звери, рыбы, гуси и медведи. Море, снег, долго тянется полярная ночь, и вот наконец брызнуло солнце и уже не заходит за горизонт – так и стоит: наступает полярный день. «Происходит так: солнце летит все медленнее, медленнее, повисло неподвижно. И все стоит закованное, залитое навек в зеленоватое стекло».

В докладе ставится задача показать, как в повести реализован важнейший для Замятина принцип стиля: «...лаконизм – но огромная заряженность, высоковольтность каждого слова». И еще: «... необычная, часто странная символика и лексика. Образ [\[1\]](http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/lica/o-literature-revoljucii-entropii.htm) – остр, синтетичен, в нем – только одна основная черта [О литературе, революции, энтропии и прочем – Источник: <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/lica/o-literature-revoljucii-entropii.htm>]. Другая задача – определить, какая роль в сюжете в связи с этим принципом отведена медведю.

Заметки Замятина в «Записных книжках», или «Блокнотах» (он писал их с 1914 по 1936 год), представляют образ медведя в сценах охоты на него, где от охотников требуется немалое мужество и большой опыт. Так, встречаем следующую запись:

«Хатанзей – 100 лет. На вид, так, лет 50. Пьет... Однажды собаки тоже понесли его на медведя. Он выстрелил из саней. Ружье – старое, казенную часть оторвало, гильзу от патрона всадило ему в глаз. Хатанзей вылез из саней, подбежал к медведю, добил его ножом. Потом уж вытащил гильзу из глазницы. Когда вернулся, пустая глазница у него была заложена оленьей шерстью... Медвежью шкуру привез...». Не оставляют Замятина равнодушным и охотничьи рассказы-небылицы в духе барона Мюнхгаузена. Одну такую совершенно неправдоподобную историю он размещает в своем «Блокноте». «Медведина здоровый, на задние лапы встал и прет. А мой сосед из одного ствола – раз, из другого – раз, промазал из двух в пяти шагах, так медведь поглядел на него, плюнул ему в физиономию и назад пошел...». В списке слов, размещенных в «Блокнотах» в разделе «самоедский» язык, есть слово *хебеде*, обозначающее медведя, а в другом месте – «*Откуй (сторожит у луночки). Одинокий медведь-казак*». Здесь, может быть, допущена неточность при расшифровке: так, в словаре Даля находим *ошкуй* для названия белого медведя.

Несколько примеров из текста повести и анализ финала иллюстрируют принцип «заряженности, высоковольтности каждого слова». Марей первый раз оказался лицом к лицу с Пелькой, легонько погладил ее по голове. «А у самого сердце – тук! – тихонько в гнезде перевернулось и пошло вниз». Так же показана радость жизни и любви: «С пригорка видно: берегом двое летят на лыжах – и прямо вниз, в море, по голубому теплому льду, через лывы и трещины, без разбору, с маху. Куда? Все равно. Просто – во всю мочь мчаться и кричать из всей силы: хо-хо-о!»^[22]. Сложившиеся обстоятельства отодвигают Марей и Пельку друг от друга, и Замятин находит такие слова: «И рыбачили Пелька с Мареем, как все, но по-другому глядели в голубую глубь». И не боится добавить «странную» метафору: «С разлёту – еще махал крыльями Марей, еще махала крыльями Пелька», уподобляя этих двоих подстреленному на охоте гусю, который, потеряв голову, еще бежит и машет крыльями.

Финал повести трагичен. К нему есть настораживающее читателя вступление. «Близко Спаса пошли медвежьи свадьбы. Ходили медведи парами, тройками. Потянулись из становища промышлять медведей». Пелька, не в силах выдержать жизнь без любви, задумывает неладное. Когда они с Мареем договорились идти на медвежью охоту, она сама вызвалась зарядить ружья. И вот уже на охоте медведь в десяти шагах, Марей выстрелил, но медведь не рухнул, а, зажав рану, пошел на них. Верное дело для спасения – упасть и притвориться мертвыми. Получилось: медведь их засыпал мхом и отошел, и тут Пелька, задыхаясь, двигается к Марее «все теснее – губами в губы, как давно – в веже...». Оглянулся медведь: мох-то шевелится. Подошел, накидал еще земли и сел сверху, стал зализывать рану. Встал: мох больше не шевелится – можно уходить.

Таким образом, во многих эпизодах повести и в ее финале Замятину удается найти «заряженные, высоковольтные слова» и острые, синтетичные образы.

Сведения об авторе:

Татьяна Сергеевна Зевахина
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
кафедра теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ

Д. И. Зубарев (Москва)

Три урода (беспартийные евреи в руководстве ОГПУ-НКВД-МВД)

В известном советском анекдоте провинциальный секретарь горкома КПСС не может выполнить решения вышестоящих органов об открытии в руководимом им городе синагоги, так как все претенденты на должность раввина не подходят по анкетным данным - во-первых, все беспартийные, и во-вторых, все как один - евреи. Сочетание беспартийности и еврейской национальности, как правило, закрывало в СССР путь к административной карьере. Тем удивительнее найденные нами исключения.

В фундаментальных справочниках, содержащих более 1800 биографий руководителей органов госбезопасности сталинского периода (Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941.- М.: Звенья, 1999; Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941-1954. - М.: Звенья, 2010) обнаружилось три персонажа, которые благополучно дослужили в указанных органах до полковничьих (и даже генеральских) чинов, не вступая в правящую партию, чьим карающим мечом эти органы были. Личность одного из них - Нафтали Френкеля - стала в центре общественного внимания после выхода "Архипелага ГУЛАг" и продолжает вызывать споры (русско-еврейские) поныне. Второй персонаж широко известен в мире, весьма далёком от спецслужб - в мире шахмат. Личность третьего вообще не привлекала доселе ничьего внимания. В архиве НИПЦ "Мемориал"* (Москва) обнаружены воспоминания человека, который хорошо знал всех троих...

Литература

Авербах Ю.Л. О чём молчат фигуры. - М.: Рипол-Классик, 2007

Агапов Б.Н. Технические рассказы. - М.: Гослитиздат, 1936

Ботвинник М.Н. Аналитические и критические работы. Т.4. Статьи, воспоминания. - М.: Физкультура и спорт, 1987

Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. - М.: История фабрик и заводов, 1934

Бронштейн Д.И., Воронков С.Б. Давид против Голиафа. - М.: Рипол-Классик, 2002

Куперман Я. Пятьдесят лет (1927-77). Машинопись, 54 л. - Архив НИПЦ "Мемориал", ф.2, оп.1, д.77

Шахматы. Энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990

Сведения об авторе:

Зубарев Дмитрий Исаевич
историк, филолог, пенсионер

Член НИПЦ «Мемориал»*, член Мандельштамовского общества
Автор 70 работ (сборники, статьи, комментированные публикации)
по русской истории и культуре XX века
*(Организация признана иностранным агентом)

М. Ю. Игнатъева (Оганисьян) (Барселона-Москва)

«Записки по истории испанской поэзии и испанских поэтов» Мартина Сармьенто: первый черновик Истории испанской литературы

В 1741 году папский нунций в Мадриде Сильвио Валенти Гонзага имел беседу с бенедиктинцем Мартином Сармьенто о поэзии. Удивленный широтой эрудиции своего собеседника, нунций попросил его записать все, что тому было известно об испанских поэтах прежних времен. Сармьенто за четыре года выполнил поручение и отправил свое сочинение Гонзаге, который к тому времени вернулся в Рим уже в сане кардинала: «Записки на пятидесяти листах, которые я посылаю Вашему превосходительству, — предуведомлял Сармьенто своего адресата, — доходят только до времени Католических королей. Хотя они и названы “Записки по Истории Поэзии и Испанских Поэтов”, это неоправданно многообещающий заголовок, я не стер его только потому, что не хотел множить черновики. Так что под нынешним названием предполагается другое: “Черновые записки”. Так как я не выхожу из своей кельи и ни с кем не общаюсь на темы, связанные с

литературой, я вынужден был довольствоваться тем немногим, что у меня было под рукой, и досадовать на себя за свою неловкость. В напечатанных книгах имеется мало новых сведений, при том что в архивах и библиотеках Испании хранится множество рукописных сборников песен и романсеро, и там можно найти многих древних испанских поэтов и испанские стихи, которые, пылясь в углах, воюют с дровоточцами и молью».

Сармьенто (1695 – 1772) предупреждал, что пишет всего лишь «записки». Недаром его сочинение было опубликовано только в 1775 году, три года спустя после смерти автора. Сармьенто создавал *ночной* текст, где любовь к Поэзии (Сармьенто пишет это слово только с прописной) сияла сильнее дневного света, ведь она родилась, по мнению автора, в раю. Будучи первым историком, Сармьенто и сам обращается к первому поэту на земле. Им, по его убеждению, был прародитель Адам: «Ясно, что если Адам и написал какое-нибудь стихотворение, то оно воспевало его Творца». Мифологизирующие представления Сармьенто переплетаются с важными сведениями о поэзии, существовавшей на Иберийском полуострове с давних времен, как на латыни, так и на народных языках.

Собственно первой, нечерновой и вполне научной по методике, историей испанской литературы считается труд Л.Х. Веласкеса «История испанской поэзии» (1754). Веласкес славен тем, что первым ввел в оборот термин «Золотой век» по отношению к эпохе второй половины XVI – первой половины XVII века, хотя он, вслед за своими единомышленниками-просветителями Лусаном, Насарре и Монтиано, лишал золота представителей барокко (Гонгору, Лопе де Вега, Кальдерона). «Ремесленники совершенства» воспринимали барочное нарушение правил и приличий как оплошность, ошибку, падение (*decadencia*). Пушкинский Сальери учил Моцарта жить, но не объяснял ему, как следует писать музыку. Как видим, и Веласкес, подобно Сармьенто, не был свободен от просветительского идеализма.

Однако книгу Веласкеса перевел и дополнил более объективными сведениями и справедливыми оценками немецкий эрудит И.А. Дитце (1769), которого затем переписал Бутервек, а того — Сисмонди. Последнего пересказал по-русски близко к тексту Фаддей Булгарин во «Взгляде на Историю Испанской Литературы». Вероятно, между первыми испанскими публикациями Булгарина (в 1823 году он напечатал еще и «Воспоминания об Испании», в которой успел побывать и повоевать, следуя в своей жизни жанровым законам настоящей пикарески) и первым испанским стихотворением Пушкина имеется прямая связь: «Скинь мантилью, ангел милый»... (1824).

В сумерках бенедиктинской кельи под пером брата Мартина мысли, сведения, чувства и чаяния смешивались в единый текст, жанр которого сам он определил в тон освещению — «черновик». На другом конце нашей сюжетной линии — ярко озаренный балкон, с которого незнакомка в мантилье улыбается русскому поэту. И есть ли что-то маргинальное попытки охватить одной рамой эту игру светотени?

Сведения об авторе:

Мария Юльевна Игнатъева (Оганисян)
кандидат филологических наук, доцент Департамента общей и прикладной филологии НИУ
«Высшая школа экономики»
доцент кафедры русского языка в Государственной школе языков в Барселоне (Испания)

В. Л. Каганский (Москва)

Провинция и периферия в культурном пространстве

Пространственная структура культурного ландшафта (как такового и России) может быть описана на основе типологической схемы «центр – провинция –

периферия – граница», развивающей схему «центр – периферия» в функциональном аспекте и выделяющей провинцию как самостоятельную зону культурного ландшафта; во многом схема описывает и морфологию культурного пространства.

Культурный ландшафт, структурированный осью «центр – периферия», не сводим даже в абстракции лишь к центру и периферии. Нежелательно смешение центра и средней зоны (ядра типичности) и периферии и приграничных территорий. Автором разработана система основных типов культурного ландшафта «Центр – Провинция – Периферия – Граница». Зоны различаются соотношением, взаимодействием, взаимными ролями и рисунком природных и культурных компонентов культурного ландшафта, их социальными, экологическими и культурными функциями.

Центр – ядро системы, ее главный элемент, репрезентирующий и нормирующий систему как целое. *Провинция* – освоенный сплошной культурный ландшафт, относительно самодостаточный, наиболее стабильная базовая зона полноценной ландшафтной, экономической и культурной жизни. Места решают собственные задачи на основе соседских горизонтальных связей. Ресурсы, в том числе природные, воспроизводятся. *Периферия* – несамостоятельное фрагментированное пространство, «нанизанное» на ось «центр – периферия». Внешние центры решают в ее пространстве свои задачи безотносительно местного ландшафта, ресурсы используются истощающе, как невозобновимые (даже если в принципе они возобновимы, например, лесные). Периферия обильнее природными угодьями и ресурсами, но здесь они имеют меньшую ценность и используются сугубо утилитарно. Провинция – окультуренный природный ландшафт, Периферия – эксплуатируемый. *Граница* – пограничная окраина системы.

В современной России решительно преобладает Периферия, в том числе Внутренняя Периферия на месте досоветской провинции

Так, для Петербурга характерно сочетание культурного ландшафта типа «Центр» при провинциальной роли в современной России; некогда провинциальная Вологодская область (ландшафт) имеет сейчас статус периферии. Схема полимасштабна и применима к разным уровням, в таблице даны примеры для России.

Таблица. Основные типы культурного ландшафта России (названия городов обозначают регионы, территории).

	СТАТУС ТЕРРИТОРИИ			
	ЦЕНТРАЛЬНЫЙ	ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ	ПЕРИФЕРИЙНЫЙ	ПОГРАНИЧНЫЙ
ЦЕНТР	Центр МОСКВА	Провинциальный Центр ПЕТЕРБУРГ	Периферийный Центр ТОРЖОК	Пограничный Центр ШЕРЕМЕТЬЕВО
ПРОВИНЦИЯ	Центральная Провинция МОСКОВСКИЙ РЕГИОН	Провинция ЯРОСЛАВЛЬ	Периферийная Провинция ВОЛОГДА	Пограничная Провинция ПСКОВ
ПЕРИФЕРИЯ	Центральная Периферия АРЗАМАС-16	Провинциальная Периферия СУРГУТ	Периферия ЭВЕНКИЯ	Пограничная Периферия АРКТИКА
	Центральная	Провинциальная	Периферийная	Граница

ГРАНИЦА	Граница ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ	Граница БЕЛГОРОД	Граница ТУВА	КАЛИНИНГРАД
---------	--------------------------------------	---------------------	-----------------	-------------

Литература

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.

Каганский В.Л. Внутренняя периферия: новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН., сер. Географ., 2012, N 6, с. 23-33.

Сведения об авторе:

Каганский Владимир Леопольдович
к.г.н., ст. н. сотр., Институт географии Российской академии наук

Ю. В. Кагарлицкий (Москва)

Мемуары Н.Б. Долгорукой как литературное произведение

Настоящий доклад посвящен хорошо известному памятнику, — «Своеручным запискам» (1767) Н.Б. Долгоруко(во)й (1714–1771)^[23]. Обычно принято говорить о безыскусности и исповедальной искренности ее рассказа: «Главная прелесть, помимо нравственной высоты автора, в совершенной простоте и непритязательной искренности рассказа и в великолепном чистейшем русском языке, каким могла писать только дворянка, жившая до эпохи школьных учителей»^[24]. Рассказ о пережитых испытаниях принято соотносить с житийной литературой^[25]. Мемуаристка оказывается нам и близка — как беззаветно любящая женщина, чуждая условностей лицемерного века, и в то же время недосыгаема в своей благочестивой цельности и постоянстве.

Кажется правильным существенно скорректировать подобный взгляд на мемуары и мемуаристку. Текст «Записок» литературен, хотя позднейший читатель может этого и не видеть. Так, рассказ о смерти Петра II и его похоронах, кажущийся позднейшим интерпретаторам безыскусным выражением горя, явно отмечен знанием риторической практики: мысль, читаемая девушкой во взгляде жениха: «Каво погребаймь! Въ последни, въ последни разъ праважаю!» (21) — заставляет вспомнить «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича; восхваление покойного государя: «...умь сопряжень былъ с мужественною красотою, природное милосердие, любовь къ поданим нелицемерная» (там же) — говорит о знакомстве мемуаристки с типичной топикой придворного панегирика.

Вообще, вся история жизни Долгорукой от рождения описана по канонам «романа испытания»: рождение в знатной и благородной семье, ранняя утрата отца, жизнь с матерью, «которая старалась о воспитани моемъ, чтобъ ничево не упустить в наукахъ, и все возможности употребляла, чтобъ мне умножить достоинствъ» (13), затем счастливая любовь, подготовка к свадьбе и, наконец, коварная измена Фортуны, «каронная перемена» (18), которая подвергает испытанию верность и постоянство героини. В несчастьях добродетельная героиня остается верной своему суженому, потом мужу и отправляется в скитанья, на лишенья и неизвестность. О.Л. Калашникова, подробно рассмотревшая систему повествовательных мотивов в мемуарах Долгорукой, отмечает: «Погруженный в эмпирическое бытие сюжет разворачивается как романная история любви двух молодых людей... Идентификация себя как личности для Натальи немислима без и вне любви»^[26]. Добавить можно только одно: постоянные апелляции к воле Божией, к промыслу Божию и другим аспектам горнего бытия, как кажется, должны, наряду с добродетельным поведением героини, также рассматриваться как вполне органичные и вполне ординарные

элементы романного нарратива. Исследовательница отмечает, что к моменту создания записок Долгорукой русская публика уже была знакома с романами Ф.А. Эмина; нельзя не добавить, что читавшие на иностранных языках имели представление, например, о романах Сэмюэля Ричардсона.

Такая перспектива заставляет нас видеть в записках Н.Б. Долгорукой прежде всего произведение литературы 1760-х гг. Обращаясь в мыслях к своему прошлому, Долгорукая конструирует автобиографическое повествование на основе уже существующих в культурном сознании шаблонов (возможно, в разговоре с молодежью вполне осознанно следуя беллетристической моде). Именно используя семантические ресурсы «романа испытания», мемуаристка реализует в своем повествовании женскую субъектность, противостоящую государственной власти.

Сведения об авторе:

Кагарлицкий Юрий Валентинович
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка РАН
им.В. В. Виноградова

Ю.В.Карпич(Москва)

Локальные субкультуры: маркеры «защиты» времени территории

Исследования культуры все чаще тяготеют к изучению вариантов единого культурного универсума. Возможность самоидентификации по национальному, региональному, возрастному, гендерному и другим принципам порождает множество вариантов существования и способов изучений идентичностей. В области молодежной культуры традиционной популярностью пользуется субкультурный подход, строящийся вокруг идеи об оппозиционной природе субкультуры^[27]. Оппозиционность/сопротивление — по сути, ответ на влияния извне^[28]. Субкультура, соответственно, — способ защиты ее агентов от агрессивного воздействия.

Остаются ли актуальными концепты «сопротивления» и «защиты» пространства и времени? Мы стремимся понять, как вербальное воплощение культурных кодов выражает локальную идентичность, как вопросы территориальности, поколенческого разрыва и восприятия прошлого проявляются в современной культуре.

Исследование предполагает анализ культурных текстов: 36 записей 3-х музыкальных групп. Музыканты — жители г. Челябинска (история становления музыкальной культуры в регионе — яркий случай противопоставления местных групп общим в стране и конкретно «столичным» музыкальным трендам). Аспект «защиты времени» должен проявляться в указании на противопоставление старшему поколению/прошлому; «защита территории» — в противопоставлении в пространстве географии.

Тексты анализируются на основе кодирования, результат представляет своего рода символическую карту, где выделяются несколько ассоциативно связанных кластеров.

1. Герой «я» + борьба.

Концепция «борьбы» выражает позицию автора (герой «я») и имеет определенную направленность — отношение к другим людям. Объект борьбы не определен, соответственно субъект борется «всеми другими».

2. Герой «я» + место действия «там» + негативные эмоции.

В этой связке лирический герой выражает свое личное отношение к «другому» месту. Это становится результатом (1) физического перемещение героя в пространстве, (2) либо, оставаясь в «своем», он характеризует «другое» место. В эмоциональной окраске

преобладают негативные эмоции: удивление и страдание — реакция, вызванная новым местом; печалью от мыслей о доме.

3. Место действия «здесь» + настоящее время + эмоция «радость».

Вариант сочетания противоположный предыдущему. Герой переживает положительные эмоции по отношению к обыденным практикам (настоящее время), непосредственно связывая это с привычными для него местами.

4. Прошлое время + отношение «непонимание».

Данная связь иллюстрирует отношение к людям из прошлого. Взаимодействовать с ними герою мешает обоюдное непонимание.

Полученные выводы частично дают ответ на поставленный вопрос. В текстах песен присутствуют маркеры субкультурой самоидентификации авторов. Наиболее полное представление складывается о вопросе защиты территории: противопоставление пространств «здесь» и «там» подтверждает изначальный тезис об оппозиционности и стремлении к локализации. Возрастной аспект и аспект отношения к опыту прошлого раскрывается в меньшей степени, тем не менее присутствует указание на барьеры для восприятия этого опыта.

Сведения об авторе:

КарпичЮлияВладимировна
аспирант школы по политическим наукам НИУ ВШЭ

А. В. Карпова (Москва)

Роман Вирджинии Вулф «Орландо»: на стыке художественного и биографического

Знаменитое произведение Вирджинии Вулф «Орландо» известно в литературоведении как роман-биография – экспериментальное, художественное биографическое описание жизни андрогина Орландо, по ходу повествования превращающегося из мужчины в женщину. Роман задумывался как шутка и издевка над викторианской биографией. Однако в процессе работы произведение, обыгрывающее в шуточной манере штампы биографического жанра, превратилось в серьезное биографическое/автобиографическое повествование, причудливым образом соединившее в себе реальные биографические факты прототипа главного героя, вымышленную историю, положенную в основу романа, и историю духовного, ментального становления самой В. Вулф как автора произведения. Сквозь этот роман просматривается стремление В. Вулф найти идеальный баланс биографического описания, над природой которого она задумывалась не раз в своих критических эссе.

Основные вопросы, волновавшие Вулф в связи с жизнеописанием, касаются, во-первых, понимания жизнеописания как искусства (art), во-вторых, проблемы использования исторических фактов и возможности смешения в жизнеописании вымышленных и реальных фактов жизни, в-третьих, создание характера как отображения реальности. Можно предположить, что три основные задачи, которые Вулф ставила в работе с жизнеописанием, в частности с биографией, она попыталась воплотить в своей экспериментальной, художественной биографии «Орландо». Роман соединил в себе биографические и автобиографические направления в повествовании, воплотив их в полностью фантастическом сюжете четырехсотлетней жизни персонажа, в середине повествования меняющего свой пол. В романе Вулф раскрывает в первую очередь темы, которые волновали и задевали её саму. Используя литературу как своего рода оружие, она воплощает и осмысляет острые и спорные моменты как в истории, так и в собственной жизни. Тематика романа, несмотря на всю его фантастичность и биографичность,

намеренно несет на себе сильный отпечаток автобиографии, однако не фактографической или исторической, а духовной и ментальной.

Сочетая в себе биографическое, автобиографическое и художественное, роман «Орландо» становится новой ступенью в создании биографических форм в художественном повествовании, которые высмеивают приемы викторианской биографии, выявляют устаревшие практики и предлагают свежие пути развития.

Сведения об авторе:

Карпова Александра Викторовна
Российский государственный гуманитарный университет
Центр теории текста и лингвистического обеспечения коммуникации

А. Л. Касаткина (Москва)

Что Джон Фишер читал в тюрьме или ещё один пример пользы интернета

Когда епископ-диссидент Джон Фишер (1469-1535), сопротивлявшийся притязаниям Генриха VIII на английскую церковь, ждал суда в башне Тауэра, он написал несколько религиозных произведений, одно из которых, «Духовное утешение», относится к распространённому в средние века на Западе жанру духовной литературы, *meditatio mortis*. Это монолог человека, которому предстоит вот-вот умереть, он боится оказаться в аду, сожалеет об упущенном времени, в течение которого он мог бы совершить много добрых дел и теперь предстать перед Богом в более презентабельном виде, и обращается к тем, кто остаётся жить, убеждая их использовать на покаяние и дела милосердия оставшееся им время.

В вышедшей в 2002 году книге, где были собраны английские труды Фишера, Сесилия Хэтт, их издатель и комментатор, обратила внимание на то, что во многих местах «Духовное утешение» близко напоминает «Часослов Мудрости», знаменитое в позднесредневековой Европе написанное по-латыни творение немецкого мистика XIV века Генриха Сузо. Сесилия Хэтт приводит цитаты из английского перевода «Часослова», может быть, полагая априори, что Фишер читал именно его.

А в 1998 году вышло издание одного из самых значительных французских средневековых богословов, канцлера Парижского университета Жана Жерсона, подготовленное Жильбером Уи. В эту книгу Жильбер Уи включил тексты Жерсона, написанные им в двух редакциях: на латинском и на французском языке. Среди этих произведений есть латинское «*Meditatio mortis*», которое по-французски называется «Сокровище мудрости» («*Le Tresor de Sapience*»), причём французская версия значительно отличается от латинской, но некоторые пассажи совпадают. Издатель в предисловии признаёт, что для атрибуции Жерсону французской версии нет достаточных оснований. В то же время он не сомневается, что латинский текст — это произведение знаменитого канцлера, и что именно о нём Жерсон упоминал в одном из писем. Жильбер Уи — палеограф, он нашёл в библиотеках Франции и проанализировал шесть рукописей латинской редакции, причем в четырех из них об авторе сведений нет, а в двух называется имя Жана Жерсона.

Сейчас не представляет труда проверить в интернете любой фрагмент изданного Жильбером Уи «*Meditatio mortis*» и обнаружить, что это текст Генриха Сузо. То, что Джон Фишер читал в тюрьме такую же рукопись, как найденные Жильбером Уи, можно утверждать с полной определённой, исходя из одинаковых предисловий, которые обращают к читателям епископ Фишер по-английски и средневековый переписчик Сузо по-латыни. Видимо, английского перевода, который сравнивает с текстом Фишера Сесилия Хэтт, сам епископ не знал, и думал, что перелагает на английский язык

замечательно полезный для духовной жизни текст впервые. Вероятно, также он не знал, что перелагаемый им образец принадлежит авторству Сузо, поскольку в рукописях, найденных Жильбером Уи, с характерным предисловием, имя Сузо не упоминается, так что Фишер мог думать, что автор неизвестен, а мог, доверяя рукописи, как и Жильбер Уи, считать, что это Жан Жерсон.

Касаткина Анна Леонидовна
преподаватель кафедры классической филологии
Института Восточных Культур и Античности РГГУ

И. Б. Качинская (Москва)

Женщина легкого поведения: номинация и мотивация (по материалам архангельских говоров)

В общерусском узусе лексем, обозначающих *женщин легкого поведения*, набирается около 100. В Картотеке «Архангельского областного словаря», выявлено ок. 80 наименований, включая фонемные и словообразовательные варианты, и ок. 40 словосочетаний. Лексика, обозначающая *распутную женщину*, относится к разряду пейоративной. Поэтому, с одной стороны, для обозначения *распутницы* используется лексика, которая не является специфической именно для этой категории женщин, но является оценочной для любого девиантного поведения. С другой стороны, специфическая лексика тоже оказывается многозначной и употребляется как бранная далеко не только для обозначения женщины легкого поведения.

Распутная женщина – это *вольная, балбоя, общая, гулящая баба, беспутая жёнка, блудная, слабая девка, дешёвка, давалка* и т.д.

Лексемы *грешница, блудница* изначально были связаны с церковными представлениями: *Она была девица-блудница, ей в церковь не пускали* (в рассказе о св. Марии Египетской).

Большая часть лексем мотивирована глаголами, имеющими значение 'вести разгульный образ жизни, распутничать' с протозначением 'передвигаться, ходить': *гулять* > *гулящая, гулёна, гуляга, гуляка, гуляха, гуляшка; брести* > *бредушка, броженница; волочиться* > *волочага, волочажка, волочуга; блудить* > *блудница, блуженица, заблудня, блудная девка; таскаться* > *потаскуха, потаскушка; шляться* > *шлюха, шлянда: Котора гуляшшая, та волочится с каждым мужиком. Она очень блудная девка-то была. Ой, родители скажут, какая шлянда! Шлялась, значит, где-то. Сема 'движения', 'пути' заключена и в лексемах беспутная, беспутая, распутная, непутная, непутёвая: Она беспута, и муж её выгнал. А распутную женщину - непутная да непутёвая (называют).*

Лексемы *трепло, трепачка, трясоголовая, трясогузка* мотивированы глаголами *трепаться, трястись*: *Трепло - это неверная жена, с одним треплется, с другим. Он (сын) однолюб, наверно, жену любит, а она-то что, трясогузка!* Фразеологизм *трясущая голяшка* связан с представлением о мягком пришивном голенище (*голяшке*) сапога или валенка: *Ой, трясушишь голяшки, ведь мужик есть, что делает!*

Группа существительных мотивирована глаголом *валяться* (*валявка, валявок, валяющая, валяющая жёнка*): *Она пьёт, она курит, она с мужиками, называют у нас валявка. Валявок она вот така – волочится с мужицёнками.*

Зафиксированы лексемы с иноязычным этимологом: *проститутка, туняедка, бардачница, батарейка: Она всё к мужикам ходила, пьяненькая, вот и*

называли *бардачница*. *Проститутка* раньше слова не знали, а *потаскуха*, таскается с мужчинами. Иноязычное слово переосмысливается, *проститутка* превращается в *прости-господи*: Если *девка лёгкого поведения* - называли *прости-господи*, а то - честна *давалка*. Слово *тунеядка* в значении 'распутница' связано с тем, что в деревни («за 101-й километр») начали принудительно выселять тунеядцев и проституток: Нам Тамару **тунеядку** отправили на перевоспитанье. А тут ещё эти, **тунеядки** были, ох, скоко раз выганивала, скоко раз!

Встретились лексемы с неясной этимологией – *скобря*: Уехала, он найдёт каку-нибудь *скобрю*, там *скобрей* хватает.

Как и любая лексико-семантическая группа, эта группа на периферии смыкается с рядом других: с номинацией женщин, вступающих во внебрачные отношения (*любовница*, *полюбовница*, *голубушка*, *дама*, *подруга*, *заподруга*, *сударушка*); родивших вне брака (*беззаконница*, *бесчестная*, *приносница*, *сколотница*); грязнуль (*холява*), женщин-пьяниц и проч.

В параллель женщинам легкого поведения появляются и мужчины-распутники.

Сведения об авторе:

Качинская Ирина Борисовна
к.ф.н., м.н.с. каф. Русского языка Филологического ф-та МГУ

К. Л. Киселева (Москва)

Он сам не свой или не в себе? Пограничные состояния в идиоматике Достоевского^[29]

В докладе рассматриваются фразеологические единицы *не по себе*, *не в себе*, *вне себя*, *выйти из себя*, *вывести из себя*, *себя не помнить*, *сам не свой*, *не в своей тарелке*. Мы исходим из того, что Достоевский как в художественных произведениях, так и в письмах и публицистике часто описывает такие неприятные состояния, как замешательство, беспокойство, растерянность, тревога, потеря самоконтроля. Эти «особенные состояния», которые отклоняются от обычного настроения и поведения субъекта, часто связаны с тем, что тот не может «быть собой» здесь и сейчас, не имеет возможности понять и объяснить собственные чувства или поступки. Мы выбрали для анализа несколько идиом с такой семантикой, в центре которых находится компонент *себя/сам/свой*. Их объединяет идея некоторого «расщепления» субъекта, при котором он становится не равен самому себе.

Одна из задач анализа – сравнить эти идиомы в том виде, в котором они представлены в текстах Достоевского, друг с другом и с их современными употреблениями. Как уже было отмечено в ряде работ по авторской фразеологии, в языке Достоевского (и в целом в языке XIX века) многие идиомы демонстрируют существенные формальные и семантические отличия от того, что мы наблюдаем в современном русском языке. Так, например, идиома [*чувствовать себя*] *не в своей тарелке* могла употребляться с другим глаголом: *Почему же, наконец, буржуа до сих пор как будто чего-то трусит, как будто не в своей тарелке сидит?* Идиома *выйти из себя* регулярно встречалась в сочетании с интенсификатором *решиительно* (*я решиительно вышел тогда из себя*) и допускала указание на сравнительную степень интенсивности действия: *<...> будьте уверены, что я не позволю себе осуждать вас, именно потому, что на вашем месте я, может, втрое более разгорячился и вышел из себя, чем вы.*

Еще более интересная перемена случилась с идиомой *не по себе*. Если сейчас она употребляется как предикат внутреннего состояния и управляет дативом (*в этот момент мне стало не по себе*, по аналогии с *мне скучно*, *мне нездоровится*, *мне стало*

страшно), то Достоевский ее регулярно использует с подлежащим в номинативе: *Мы еще наговоримся, а теперь я немного не по себе, я взволнована и... кажется, у меня истерика.*

Анализ примеров показывает, что для дифференцированного описания идиом этой группы значимы, в частности, следующие свойства контекста:

- интроспекция vs внешнее наблюдение;
- колебания в выборе номинации или указание на ее приблизительность (*как бы, как будто*);
- указание на степень выраженности признака/состояния (*очень, решительно, совершенно, почти...*);
- привязка ко времени, описание состояния как кратковременного или длительного;
- указание на причины наступления «пограничного» состояния;
- состояние описывается как характерное для субъекта (*выйти из себя, вывести из себя*) или редкое/случайное (*сам не свой, не в своей тарелке*).

Будет показано своеобразие функционирования перечисленных выше идиом в текстах Достоевского, проверена применимость к этому идиолекту имеющихся толкований и предложены варианты толкования с учетом сходств и различий не только в актуальном значении идиом этой группы, но и в моделях внутренней формы.

Сведения об авторе:

Киселева Ксения Львовна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Е. И. Кислова (Москва)

Старейший гимн городу Осташкову из собрания РГБ

В докладе будет рассмотрен «Сборник произведений для хора (для одного голоса - бас)» (РГБ. Ф. 199. Д. 689), который содержит любопытный региональный памятник - старейший гимн городу Осташкову: «Блажен ты, град Осташков славный» (л. 40об.-41об., публикуется в современной орфографии):

Блажен ты, град Осташков славный,
Твой Селегер от век преславный,
Разлив велик, ершей довольноно
И всех рыб полно, и всех рыб полно.
Краса твоя - острови мнози,
В которых путь святаго нозе
Нам кажут всем к горам небесным
Во век чудесным, во век чудесным.
Обитель тут ангела мира -
Скорбящим всем целебна лира.
Пречуден храм Нила святаго -
врача драгаго, врача драгаго. ||
Той, зря во всех дело отверзто,
При струих вод освятил место,
Спасая тя, ограде качеств.
Нет уж дурачеств, нет уж дурачеств.
В тебе народ благоразумен,
Учтив и прав, во всем разсуден.

Качество их весьма обрядно,
Дело изрядно, дело изрядно.
Чудных фигур резбой прекрасен
В утробе храма хор громогласен.
Поют творцу - его кивоту -
Партес и ноту, партес и ноту.
Всевышни лик те знаменуют,
Творца не||бес изображают.
Искусна их трудов икона.
О дети трона! О дети трона!
Живите все в век безмятежны,
В науках сих, в делах прилежны.
Готовьте град, где радость вечна,
Жизнь бесконечна, жизнь бесконечна.

Сборник написан одним хорошо читаемым скорописным почерком на бумаге ярославской мануфактуры, которая по гербу и клеймам датируется 1764-1765 гг. "Гимн Осташкову" завершает подборку музыкальных произведений, среди которых - положенные на музыку стихотворения М.В.Ломоносова (14, 1, 145, 26 псалмы, фрагменты "Оды... Екатерине Алексеевне... на восшествие на престол" (1762 г.) и "Утреннего размышления о Божием величестве"), "Стихи похвальные России" В.К.Тредиаковского, "Песня" ("Жизнью я своей скучаю...") А.П.Сумарокова, несколько песен Г.Н.Теплова и М.Д.Чулкова и приветственных кантов Екатерине. Кант "Радость любезна бывает слезна" находит параллель в сборнике кантов 153 (4223) из собрания рукописей Тверского музея.

Гимн Осташкову прославляет, с одной стороны, сам город, а с другой - его хор. Есть данные о том, что в 1781 г. в Осташкове был известный хор певчих; возможно сборник связан с его деятельностью и отражает популярный в городе репертуар.

Сведения об авторе:

Кислова Екатерина Игоревна
кандидат филологических наук, доцент Филологического факультета МГУ

А. Д. Козеренко (Москва)

Уронить слезу в бокал: нестандартные проявления эмоций в идиоматике Достоевского^[30]

Как уже отмечалось в ряде работ (ср. Баранов, Добровольский 2005), употребление идиоматики в современных текстах и в текстах XIX в., в частности, в текстах Ф.М. Достоевского, может существенно различаться. Идиомы, которые употреблялись в текстах XIX в. и продолжают использоваться в современном русском языке, демонстрируют существенные различия в управлении, контекстах употребления, компонентном составе, а также в наборе значений (ср. подробный разбор значений и употреблений идиомы *иметь в виду* в текстах Достоевского и его современников и в современном русском языке в докладе Киселева, Козеренко 2019). Некоторые очевидно идиоматические сочетания, употреблявшиеся в XIX в., не сохранились и наоборот, значительная часть современных идиом не употреблялась в литературе XIX в. (по данным проекта изучения идиоматики Достоевского, осуществляемого в Отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН, лишь около трети всех идиом, зафиксированных в Тезаурусе русских идиом (2018), встречаются в текстах Достоевского).

В докладе рассматриваются фразеологические выражения с компонентом *слеза/слезы*, а также выражения, описывающие плач, встречающиеся в

текстах Достоевского – *выплакать все (свое) горе/душу, пролить/уронить слезу в бокал, пролить слезу умиления, слеза умиления, пролить (кровавую) слезу, ввести в слезы, припасть лицом на жилетку и залиться горячими слезами, звать на жилетку родительскую, обливаться/умываться слезами, обливать (кого-л./что-л.) слезами*. Преимущественно это идиомы, относящиеся к таксонам ПЛАЧ, СЛЁЗЫ; ПЕЧАЛЬ, СОЖАЛЕНИЕ, УНЫНИЕ; ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАДАНИЕ, ТОСКА, некоторые единицы относятся к таксонам КОНФЛИКТ и ПЬЯНСТВО. Будет показано, какие из этих выражений сохранились в виде идиом в современном русском языке и какие изменения с ними произошли, какие выражения исчезли, но послужили основой для возникновения новых идиом.

Так, современная идиома *выплакать все глаза* не встречается в текстах Достоевского, однако зафиксированы такие выражения, как *выплакать все (свое) горе/душу (перед кем-л.)*:

О, я *выплакал* перед ней *все горе*, все ей высказал. (Униженные и оскорбленные)
Помню, так горько, так горько сказала, словно *всю душу выплакала*. (Хозяйка)

Современная идиома *пустить слезу* не встречается в текстах Достоевского, но есть выражения *пролить слезу умиления, слеза умиления*, а также выражение *пролить/уронить слезу в бокал* в значении ‘произнести прочувствованный тост’:

Я изобразил бы вам, как этот часто поминаемый Андрей Филиппович, *уронив* сначала *слезу в бокал*, проговорил поздравление и пожелание, провозгласил тост и выпил за здоровье... (Двойник)

Современная идиома *плакать(ся) в жилетку (кому-л.)* у Достоевского отсутствует, однако зафиксированы примеры более развернутых выражений *припасть лицом на жилетку и залиться горячими слезами, звать на жилетку родительскую*. Их можно рассматривать как описание жестового поведения, которое в дальнейшем легло в основу внутренней формы идиомы:

Я как был, так тут же и *припал* к нему *лицом на жилетку*. "Благодетель мой, отец ты мой родной!" - говорю, да как зальюсь своими горячими! (Ползунков)

Встречает меня сам, с отверстыми, и опять *зовет на жилетку родительскую!* (Ползунков)

Во многих работах (ср. Обзор работ по истории эмоций И. Виницкого) отмечается, что героям литературы XIX в., описывающей высшее общество, свойственно более активное проявление некоторых эмоций – они больше плачут (в том числе мужчины), заламывают руки, чаще падают без чувств и т.д. Это проявляется и в идиоматике, описывающей эмоции, ср. высокую частотность идиом *всплеснуть руками* (59 употреблений в корпусе текстов Достоевского), *заламывать руки* (49 употреблений), *сердце разрывается* (16), *обливаться/умываться слезами* (17) и др.; а также сочетаний, описывающих телесные проявления эмоций: *со слезами на глазах* (21). Обсуждаемые в докладе выражения не являются частотными, многие из них нельзя назвать идиомами или даже фразеологизмами в строгом понимании. Однако на примере таких пограничных и окказиональных явлений хорошо видно, как формировались идиомы, ставшие частью современного русского языка.

Литература

Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «ЛЕКСРУС», 2018

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Об идиоматике Ф.М. Достоевского // Лексикография и фразеология литературного текста. Вена: Изд. Австрийской академии наук, 2005. с. 58-76

И.Ю. Виницкий. Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» (Обзор работ по истории эмоций) // Новое литературное обозрение №117, 2012

К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко. Иметь в виду в текстах Достоевского: механизмы метафоризации // VI международная конференция «Культура русской речи» (Грофовские чтения), 21–23 февраля 2019 г., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Сведения об авторе:

Козеренко Анастасия Дмитриевна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка им.В.В.Виноградова РАН

А. Г. Кравецкий (Москва)

Маргинал, придумавший кухню российского среднего класса

1. Проекты, связанные с социальным дисциплинированием, всегда соотнесены или с государственными программами (например, «Юности честное зерцало» Петра I), или с идеологией той или иной социальной группы (например, «Что делать?» Чернышевского). Маргинал, человек вне социума, практически не имеет шансов навязать кому-либо свои представления о правильном устройстве мира.

2. Исключением из этого правила является Елена Ивановна Молоховец (1831-1918), автор главной в России кулинарной книги. Успех «Подарка молодым хозяйкам» был колоссальным. С 1861 по 1917 год эта книга выдержала 29 изданий, а общий ее тираж превысил 300 тыс. экземпляров. «Подарок молодым хозяйкам» – это не просто кулинарная книга. Это подробная инструкция, включающая рацион на каждый день с учетом как календарного цикла различных конфессий, так и материального благосостояния семьи. Перед нами своеобразный светский вариант Типикона, регламентирующий трапезу на протяжении всего года.

3. «Подарок...» пытается упорядочить не только семейный рацион, но и другие стороны жизни. В частности, Молоховец предлагала варианты планировки квартиры. Правильное жилище должно удовлетворять четырем условиям: наличие общего помещения для молитвы; наличие просторной столовой «куда бы все семейство собиралось для работы и чтения, где могли бы дети свободно бегать и играть на глазах у родителей»; детские должны находиться как можно ближе к родительской комнате и, наконец, «прислуга отчасти исправится в нравственном отношении», если она будет жить на одном этаже с хозяевами». Моделирование пространства дома должно было моделировать отношения между людьми.

4. Кроме «Подарка» Молоховец издала несколько десятков книг, регламентирующих практическую и нравственную жизнь русских женщин. В отличие от кулинарных книг, эти работы популярностью не пользовались, и Елену Молоховец, вне ее кулинарной ипостаси, воспринимали как графомана, навязывающего окружающим свои произведения. Сохранилось свидетельство Василия Розанова о том, как к нему на квартиру явилась 80-летняя «баба-повариха», которая «была в то же время Кассандрой» и вдохновенно вещала о судьбах России, мира и пророчествах Священного Писания.

5. Отдельным проектом Елены Молоховец был проект соединения церквей. В 1913 году она напечатала по-французски брошюру, которая была обращением к главам государств («Appel aux Souverains et Souveraines des États Chrétiens Occidentaux») с призывом к соединению церквей. А в августе 1917 года она обратилась к секретарю Поместного Собора В.Н. Бенешевичу с просьбой встретиться с ней и обсудить перспективы соединения церквей. Эта переписка обнаружена в архиве Поместного Собора и сейчас готовится к публикации.

6. Составляя все эти проекты и готовя переиздания своей кулинарной книги, Елена Молоховец оставалась вне влиятельных литературных, церковных или оккультных сообществ. Ее круг общения ограничивался кружком Петербургского медиума Е.Ф. Тыминской. О деятельности этого кружка и, соответственно, самой Е.И. Молоховец практически не осталось мемуаров.

7. Автор главной кулинарной книги России оказалась человеком без биографии. Ни одна газета не откликнулась на ее смерть. Статьи о ней отсутствуют в энциклопедиях. Ее имени нет даже в словаре «Русские писатели». При этом «Подарок» продолжает переиздаваться, и его автор Елена Молоховец известна многим. Для русской культуры Серебряного века это совершенно уникальный случай, когда популярный литератор, имя которого знают все, а книги активно издавались как до революции, так и в постсоветское время, оказался практически забытым.

Кравецкий Александр Геннадьевич
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова

Т. Ю. Кравченко (Москва)

Концепция советского «журнала для народа»: «Огонек» и «Прожектор» в 1920-е годы

В начале 1920-х, благодаря НЭПу, возникло множество небольших издательств, газет, журналов (примерно то, что происходило и в 1990-е). Направленность – самая разная, под запретом только откровенная «антисоветчина». Назревает необходимость приведения всей этой вольницы в соответствие с государственной политикой.

Большевики с самого начала понимали важность средств массовой информации. Если «газета – не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор», то «народный журнал» – мощное средство влияния, один из главных инструментов идеологии. Ниша «народного журнала» пока пустует.

В 1923 году начинают выходить два журнала, претендующих стать «народными»: «Огонек» Михаила Кольцова и «Прожектор» Бухарина и Воровского.

Кольцов в 1923-м – журналист «с именем», он активно публикуется в «Правде» и служит в НКВДе.

Бухарин в 1923-м, по определению Стивена Коэна, «фактический правитель обширной империи партийной печати и пропаганды»

Журнал с названием «Огонек» существовал до революции – это было издание Станислава Проппера, владельца газеты «Биржевые ведомости». Тот «Огонек» фактически был рекламным приложением к газете; чтобы привлечь внимание читателей (потребителей рекламы), половину печатной площади журнала занимали иллюстрации, и обязательно в каждом номере публиковался рассказ «из жизни», или роман «с продолжением».

Кольцов, провозгласив, что он будет делать совершенно новый «общественно-политический литературно-художественный» журнал, лишь «позаимствовав» для названия «старое хорошее слово», использовал и все полезные «наработки» Проппера. Поэтому в кольцовском «Огоньке» тоже было очень много иллюстраций-фотографий, обязательно в каждом номере присутствовали рассказ и стихи, а еще – множество репортажей на самые разные темы, обзор фильмов и спектаклей и, конечно, спорт. «Изыюминкой» журнала, по первоначальной мысли Кольцова, должны были стать очерки «из жизни» руководителей государства, – нынешние глянцевики проводят ту же политику, только вместо «Дня Рыкова» удовлетворяются историями из жизни актеров и миллионеров.

В общем, цель нового «Огонька» – прорекламировать советское правительство, приблизить его к народу (подошел бы лозунг «народ и партия едины», но он появится только в 1953-м).

«Огонек» становится естественным конкурентом «Прожектора», поскольку оба журнала адресованы одному и тому же читателю. При этом полиграфические возможности «Прожектора» на порядок выше: бумага отличная, печать отменная, цветные вкладки и профессиональная, грамотная, красивая верстка. А «Огонек» выходит на желтой дешевой бумаге, печать дрянная, полей у полос практически нет, верстка беспорядочная. Зато стоит 15 копеек номер, а «Прожектор» - 40. И внешний вид «Огонька» привычен полуграмотным читателям, а «Прожектор», благодаря своей полиграфии, выглядит «классово чуждым».

Интересно сравнить и редакционную политику: коллектив авторов у «Прожектора» и «Огонька» приблизительно одинаков, а вот требования к текстам разные.

Представляется, что все «неправильности» и недостатки «Огонька» - хорошо продуманный пиар-ход. Михаил Кольцов на базе «Огонька» создает сначала «Акционерное общество «Огонек», в котором начинают выходить «народные журналы по интересам», а потом – Журнально-газетное объединение, советскую «медиа-империю» 1930-х. Но сам Кольцов, в отличие от Бухарина, не правитель этой империи, а управляющий.

И именно «Огонек» с середины 1920-х и до начала 1990-х становится главным «народным» журналом СССР, «транслятором» идеологии в массы, сверху - вниз.

Сведения об авторе:

Кравченко Татьяна Юрьевна
член Союза российских писателей, хранитель книжных фондов
Государственного литературного музея

С. И. Крук (Рига)

Неопределенность формальных процедур как фактор отношений между центром и периферией

Тезис о высокой централизации советского государства является общим местом для историков. В этом реферате на примере послевоенной культурной политики в области изобразительного искусства демонстрируется неопределенность отношений между центром и периферией, что выразилось в разнообразии практических моделей взаимодействия. В первую очередь, это стало возможным благодаря слабости или отсутствию периферийной политической коммуникации. Воспринимая существующую систему как строго централизованную, периферийные акторы не координировали свои действия в отношении центра и преследовали индивидуальные тактики максимизации интересов. Центр способствовал этому поведению, принимая такие нормативные акты и политические документы, которые фактически были полисемичными текстами, требующими дальнейшей экспликации периферийными органами управления культурой. Разнообразие их реакций приводило к прагматичной гетерогенности культурной политики. Например, латыши полагали, что документальная фотография является предметом идеологического контроля, и поэтому предпочитали жанр «картинной» фотографии. Литовцы, наоборот, считая, что соцреализм не признает «картинности», развивали свое направление документалистики.

Рига избегала конфронтаций с Москвой, приумножая неопределенность в собственных документах. Многозначность текстов позволяла принимать прагматичные ad hoc решения по отдельным вопросам, но отсутствие универсальной процедуры обостряло внутривнутриреспубликанскую конкуренцию между индивидуальными и групповыми акторами. Ленинградцы охотно спорили с Москвой, но это не приводило к

практическим результатам. Таллин конкретизировал политику центра в республиканских нормативных актах, соблюдая собственные интересы.

Более действенным инструментом контроля были финансовые ресурсы, чей поток центр стремился держать под своим контролем. Так, несмотря на формальную децентрализацию творческих союзов, их финансами до 1958 года распоряжались фонды, подотчетные головной московской организации, а не местным творческим союзам и отделениям. Формальные процедуры распределения денежных средств, таким образом, являются важной переменной в изучении истории культурной динамики.

Сведения об авторе:

Крук Сергей Иванович
PhD, профессор, факультет коммуникации Рижского университета им. Страдиньша

И. А. Крылова, Н. А. Тулякова (Санкт-Петербург)

Предание, сказание, легенда: периферийные жанры русской литературы XIX века в поисках жанрового статуса

На рубеже XVIII–XIX вв. в русскую литературу вошло множество новых понятий, в том числе жанровых. Это нашло отражение в заглавиях литературных произведений, которые начали включать новые жанровые обозначения, среди которых были *предание*, *сказание* и *легенда*. В литературоведческих словарях данные термины рассматриваются как принадлежащие к области фольклористики, а в научной литературе зачастую употребляются метафорически применительно к произведениям литературы. Статус их, как в начале XIX в., так и в современной науке, не прояснен. Настоящее исследование посвящено появлению этих жанров в русской литературе и включает анализ функционирования соответствующих лексем и названий литературных произведений, содержащих данные жанровые обозначения.

Лексикографический и корпусный анализ указывают на то, что именно в конце XVIII в. эти слова стали использоваться применительно к письменным текстам (литературным или обработкам фольклорных). К началу XIX в. слово *предание* имело четыре зафиксированных в «Словаре Академии Российской» значения. Два из них ((1) ‘исполненное действие предавшего’ и (2) ‘измена, выдавание кому кого, нарушение верности’) не связаны с повествованием, но два другие относятся к типам наррации: (3) ‘установление, предписание, обряд’ и (4) ‘исторические происшествия, переданные изустно’ (дословно: (4) ‘говорится также о исторических происшествиях, дошедших до нас через рассказывание от одного другому’). Анализ исторического подкорпуса Национального корпуса русского языка показывает, что по отношению к повествованиям *предание* до XVIII в. использовалось преимущественно в третьем значении и имело яркую религиозную окраску, обозначая Священное писание, творения святых отцов, жития святых. Начиная с середины XVIII в. слово начало активно употребляться в четвертом значении, особенно с определениями *мифологическое*, *древнее*, *любопытное*, *верное*. В то же время религиозная сема постепенно вытеснялась.

Термин сказание, который в том же словаре имел три значения ((1) ‘исполненное действие сказывавшего’, (2) ‘описание, повествование’, (3) ‘истолкование, изъяснение смысла’), демонстрировал ту же тенденцию, появляясь в текстах с атрибутивами чудное, изустное, чудесное, семейное, баснословное и активно функционируя во втором значении, то есть по отношению к памятникам письменности.

Заимствование *легенда* было новым для русской культуры. Хотя в словарях оно нашло отражение лишь в 1860-е годы, слово вошло в русский язык в конце XVIII в. и обозначало как жития святых, так и тексты фольклорного характера (в основном под влиянием западной культуры).

Хотя число текстов с такими названиями в начале XIX в. было сравнительно невелико, к концу столетия они прочно вошли в литературный обиход, причем скачок в их количестве приходится на 1860-е гг., а 1920-е годы их число стремительно падает. Легенды, в течение XIX в. уступавшие сказаниям и преданиям, к началу XX в. становятся более популярны.

Сведения об авторах:

Крылова Ирина Алексеевна
кандидат филологических наук, научный сотрудник Института прикладной русистики
РГПУ им. А.И.Герцена,

Тулякова Наталья Александровна
кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков НИУ ВШЭ – СПб

М. Ю. Кукин (Москва)

«Архитектурное» прочтение текста Канона ко святому причащению

Читающие Канон ко святому причащению (далее - Канон), входящий в Последование ко Святому Причащению, испытывают, как правило, немалые затруднения с пониманием этого текста. Причина не в лексических или синтаксических архаизмах: слова Канона как раз вполне понятны, но затруднения вызывает понимание смысла текста в целом. Канон состоит из достаточно автономных смысловых фрагментов, некоторые из которых повторяются, перекликаются, а некоторые - нет. Логика, по которой эти фрагменты следуют друг за другом, и то, почему в некоторых местах автор Канона вдруг прибегает к повторам, чаще всего ускользает от понимания читателя.

Цель настоящей работы - предложить опыт прочтения Канона, проясняющий его смысл.

Первое, что стоит заметить: при чтении Канона явно не срабатывает привычка современного человека читать - а, значит, и выстраивать логику текста - слева направо, от начала текста к его концу. При таком взгляде как раз и возникает непонимание, приводящее порой к раздражению: кажется, что мысль автора произвольно «скачет» от одного образа - к другому. Остается только терпеливо прочесть этот текст до конца и поскорее перейти к молитвам, идущим следом, - с ними, к счастью, дело обстоит куда проще.

Однако если посмотреть на текст Канона как на некое художественное целое, мысленно «отодвинувшись» от него и как бы охватив его одним взглядом - так, как мы можем увидеть, к примеру, картину или архитектурное сооружение - то мы заметим некоторые закономерности в его построении. Из 8 песен Канона последняя (Песнь 9), начинающаяся с обращения к Богородице, оказывается стоящей как бы особняком, потому что все остальные 7 песен (напомним, что 2-ой песни в Каноне нет, за 1-ой сразу идет 3-я), с 1-ой по 8-ю, начинаются с ирмосов, обращенных к Богу.

Мысленно выделив «богородичную» Песнь 9, посмотрим на оставшиеся семь. Попробуем найти середину в нашем «здании», центральную ось - понятно, что на такой «оси» окажется Песнь 5 (Свѣта Подателю и веков Творче, Господи, во свѣте Твоих повелений...). Три песни будут располагаться перед ней (как бы слева от нее) и три песни -

после нее (справа). Мы видим, что в Каноне две крайних песни с каждой стороны (Песни 1 и 3 слева и Песни 7 и 8 справа от центральной оси) начинаются с ирмосов, мотивы которых восходят к Ветхому Завету.

Мы начинаем различать очертания этой словесной постройке, угадывать ее симметричную структуру - и окончательно осознаем это, когда замечаем, что две песни, примыкающие к центральной 5-ой, а именно Песни 4 и 6, начинаются с новозаветных образов, связанных с Рождеством и Пасхой (с эпизодом схождения Спасителя во ад, который обычно изображается на иконе Воскресения Христова).

Структуру Канона, таким образом, можно записать в виде формулы: $2 + 3 + 2$, т.е. по две «ветхозаветных» песни справа и слева от центральной группы из трех «новозаветных» песен. К ним добавляется еще одна - в конце, справа от центра, как бы отдельно стоящая «богородичная» Песнь 9 (мы говорим только про их начала, про стихи ирмосов; о том, что следует в каждой песни дальше, за этими начальными стихами - разговор отдельный).

В центре, на «оси» - стихи о Боге как о Свете (Свѣта Подáтелю и векóв Твóрче, Гóсподи, во свѣте Тво́их повелéний...), и надо сказать, что центральное положение этих стихов не случайно: именно Свет (и семантически близкие образы огня и горящего угля) - центральный мотив всего Канона, именно с пылающим углем (вслед за молитвой Св. Иоанна Златоуста) сравнивает Канон само причастие: «Слóве Бóжий и Бóже, уголь Тѣла Тво́его да б́удет мне помрачѣнному в просвещѣние...».

Итак, Канон построен - и, соответственно, может быть прочтен - по архитектурному принципу. Его легко можно представить в виде симметричного фасада, например, фасада храма, состоящего из семи частей, причем три центральные («новозаветные») части фасада поднимаются выше четырех боковых («ветхозаветных»), а из трех центральных - выше всего поднимается центральная «ось» - Песнь 5, дважды отмеченная образом Света. Отдельной, но все же необходимой частью оказывается «богородичная» Песнь 9, как бы пристроенная сбоку к нашему канону-храму, наподобие колокольни.

Разумеется, архитектура - лишь аналогия, лучше помогающая представить текст Канона именно как визуальный образ.

Особый интерес представляют вопросы о происхождении структуры такого рода, ее связи с античной литературной традицией, а так же более подробный анализ других элементов возникшего перед нами «архитектурного сооружения», но говорить об этом в кратких тезисах к докладу не представляется возможным.

Кукин Михаил Юрьевич
кандидат филологических наук, доцент РАНХиГС

А. И. Куляпин (Барнаул)

Центр и периферия в художественном пространстве рассказа Ивана Катаева «Под чистыми звездами»^[31]

Летом 1935 года Иван Катаев вместе с алтайским поэтом Павлом Кучияком совершил путешествие по Горному Алтаю. Впечатления от этой поездки стали основой одного из последних произведений писателя – рассказа «Под чистыми звездами». Действие рассказа разворачивается в Уймонской долине, в локусе, овеянном множеством легенд, преданий и мифов.

Замкнутость пространства Уймонской межгорной котловины, зажатой между Катунским и Теректинским хребтами, как нельзя лучше соответствует авторскому

замыслу. Писатель приводит героя-рассказчика в «уединенную горную страну, из тех, что всегда так властно манят в путешествие своей как бы вечно недостижимой синевой».

О Беловодье – главной легенде Алтая – Катаев напрямую не упоминает, но он не мог не знать, что путь в эту затерянную страну свободы и сказочного изобилия пролегал как раз через Уймонскую долину, а во второй половине XVIII века именно она и именовалась Беловодьем. В народном сознании Беловодье нередко ассоциировалось с Ирием (Выреем) – древнеславянским раем. По предположению В. И. Даля, само слово «Вырей» «значит *сад, вертоград*».

В рассказе Катаева Алтай напоминает огромный Эдемский сад. По мере подъема к перевалу герои рассказа вступают в «зону великого ягодного сада, опоясавшую все предгорья Алтая».

Непроницаемость горизонтальных границ идиллического хронотопа не означает, что и вертикальная граница столь же непроницаема. Напротив, мир Алтая распахнут навстречу небу, что акцентировано уже в названии рассказа. «От края неба» несет свои воды, «хранящие холодок поднебесных снегов», Катунь, «подымается в синее небо» горный вал и т. д.

Крушение незыблемых границ идиллического мирка чревато катастрофическими последствиями. Стоит герою «оглянуться шире» – «и раскрывается бездна, и таинственно грозят дальние хребты...» Алтай, вначале показавшийся рассказчику таким родным, понятным и близким, оказывается чуждым, «далеким и необычайным», соединившим в себе экзотику Юга и Востока: «Думаешь: куда ж это меня занесло!.. Азия, в двухстах километрах монгольская граница...»

Катаев размыкает не только границы моделируемого в рассказе художественного пространства, но и границы самого текста за счет прозрачных отсылок к по крайней мере двум претекстам: фильму Е. Иванова-Баркова «Иуда» («Антихрист», 1930) и повести Гоголя «Старосветские помещики». С каждым из претекстов писатель обращается очень свободно. Ни фильм, ни повесть прямо в рассказе не названы и сюжеты их пересказываются с очень большими неточностями. Катаеву необходимо выявить сюжетный инвариант двух, казалось бы, абсолютно несопоставимых произведений. Он сводится к демонстрации неотвратимости разрушения замкнутых мирков монастыря («Иуда») и буколического поместья Товстогубов («Старосветские помещики»).

Гоголевская повесть, в добавок ко всему, вообще приписана Пушкину, что ведет еще и к размыванию авторства. «Свое» от «чужого» уже не отличить. Причем не важно, идет ли речь о национально-географическом или текстуальном пространстве.

Центробежные тенденции, доминировавшие в первой части рассказа, ближе к финалу сменяются центростремительными. Главный герой рассказа последовательно называет три города – Ойрот-Тура (центр Ойротской автономной области), Новосибирск (с 1930 по 1937 год – центр Западно-Сибирского края, куда входила и Ойротская автономная область), Омск (в 1918-1920 гг. столица белой России, включавшая в том числе и территорию Западной Сибири). Последняя фраза рассказа («А в Москве, пожалуй, и спать еще не ложились») окончательно утверждает победу центростремительного вектора.

Сведения об авторе:

Куляпин Александр Иванович
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы Алтайского
государственного педагогического университета

Е. Е. Левкиевская (Москва)

Об одной глоссе на полях чешской рукописи 1366 г. в связи с сюжетом сказки «Двенадцать месяцев»

В докладе рассматривается круг славянских фольклорных источников литературной сказки «Двенадцать месяцев», известной в русской литературе по тексту С.Я. Маршака. Маршак опирался на текст чешской писательницы Божены Немцовой (1820 – 1862 гг.), опубликованный в собрании ее литературных сказок «Народные сказки и предания» (1845-1847 гг., т. 1-7). В свою очередь сказка Б. Немцовой, по ее собственному свидетельству, является литературной обработкой народного предания, услышанного ею в детстве в окрестностях словацкого города Тренчина: мачеха в январе посылает падчерицу Марушку в лес принести фиалок. Марушка видит в лесу костер, вокруг которого сидят персонификации месяцев в виде двенадцать мужчин разного возраста. Январь отдает посох Марту, тот ненадолго создает весну – Марушка приносит домой фиалки; на следующий день мачеха требует принести ягод; по просьбе Марушки Январь уступает место Июню. Затем мачеха посылает падчерицу за яблоками, и Январь уступает место Сентябрю. Когда к костру приходит родная дочь мачехи, Январь напускает на нее метель, и та замерзает.

Этот сюжет хорошо известен в целом ряде европейских традиций. См. в «Указателе мифологических сюжетов Ю.Е. Березкина» мотив K56a7. «Зелень зимой»: зимой девушку (редко – мальчика) посылают принести то, что в норме доступно лишь летом. Она приносит. Однако только в славянских текстах с этим сюжетом в качестве волшебных дарителей выступают персонификации годовых отрезков времени (в европейских традициях в этом качестве выступают карлики, старуха и пр.). И только в славянских текстах присутствует мотив заимствованного времени: события происходят на пограничье времени (накануне Нового года), и в тексте Немцовой январь заимствует у марта, июля, сентября.

Наиболее ранняя фиксация этого сюжета содержится в латинской глоссе на полях чешской рукописи 1366 г., впервые опубликованной в 1924-1925 гг.: «Какая-то женщина в местечке Брунды послала дочь в феврале собирать ягоды. В лесу та увидела двенадцать плешивых мужчин, сидящих вокруг огня. Она поздоровалась, один из них спросил: «Что ищешь?» Она ответила: «Собираю ягоды». Он ответил: «Бери». Она набрала и принесла матери, и все удивлялись» (см. *Český lid*. 1924, № 24. s. 4-5).

Этот текст имеет, по крайней мере, три особенности: во-первых, по жанру он оформлен не как сказка, а как актуальное мифологическое представление, близкое к быличке; во-вторых, в нем нет мотива заимствования времени – речь идет, скорее, о чуде, которое возможно на временном пограничье; в третьих, дело происходит не в конце декабря, как у Немцовой и Маршака, а в феврале. Данная глосса позволяет выдвинуть гипотезу, связывающую западнославянский сказочный сюжет с южнославянской этиологической легендой о Мартовской старухе, в котором также присутствует мотив заимствованного времени: март заимствует у февраля три дня, чтобы наказать оскорбившую его бабу Докию (ср. болг. *заемни дни*; серб. *зајемници*, *зајемка* - названия трех первых дней марта). В ряде текстов этой легенды присутствует интересующий нас мотив: баба Докия на рубеже февраля и марта дает невестке (падчерице) трудную задачу: принести зимой землянику (или свежую траву). Невестка приносит требуемое с помощью ангела, Господа, св. Петра или персонификации марта. Тогда баба Докия сама отправляется в горы, решив, что уже наступила весна, и погибает из-за холода, который напустил на нее март, заняв холодные дни у февраля. Очевидно, что приуроченность событий в балканской легенде к рубежу февраля и марта является более древней - оно актуализирует наиболее раннее славянское новолетие, первоначально приходившееся на начало марта. В глоссе 1366 г. действие также происходит в феврале. Можно предположить,

что известный на Балканах и у западных славян мотив заимствованного времени (когда один месяц заимствует время у другого) мог наложиться на общеевропейский сюжет «зимой девушку посылают принести то, что в норме доступно лишь летом». Если это предположение верно, то славянский вариант сюжета «Двенадцати месяцев» является контаминацией двух первоначально разных сюжетов.

Сведения об авторе:

Левкиевская Елена Евгеньевна
дфн., внс, профессор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ

И. Б. Левонтина (Москва)

Об одном маргинальном употреблении союза *да*

В современном русском языке довольно много так называемых ксенопоказателей – языковых единиц, призванных, по выражению Н. Д. Арутюновой, «маркировать присутствие Другого». Это не только хорошо известные *мол, дескать, де, якобы, будто бы и грит (гыт)*, но и недавно широко распространившееся в этой функции *типа (Он говорит, я ему типа не звонил)*, и *ах (Ах скучно, ах пыль!)*, и произносимое со специфической интонацией *вот (Наехала: вот, почему без формы?)*, и *так и так*, и др. [Левонтина 2010, Летучий 2008, Плунгян 2008]. В их числе конструкция вида *расскажи да расскажи*: говорящий с неодобрением указывает на настойчивость, назойливость просящего (поэтому она обычно употребляется с глаголами типа *заладить, насесть, пристать* и т. п.):

Не любитель был ограбивший инкассаторов Леха в карты играть, да землячок подначил: давай, да давай. [«Криминальная хроника», 2003.06.24]

Однако не только конструкция имеет пересказывательное значение, но и в самом союзе *да* обнаруживаются смысловые компоненты, обеспечивающие значение этой конструкции. Есть и другие контексты с *да*, где передается идея пересказа:

Тогда к тебе вопросов не будет, мол, как же ты не спросила, что случилось, да куда я еду, да почему такая спешка. [А. Маринина]

Бесшабашность их посетила: да мы, да там, да так дадим! [В. Астафьев]

«Пересказывательное» *да* производно от обычного и уже слегка устаревшего соединительного употребления союза *да (На столе хлеб, да сыр, да сахар)*; причем в нем как раз совершенно нет архаического оттенка. Кстати, использование средств, предназначенных для перечисления, вообще характерно для создания эффекта остранения при оформлении чужой речи (в частности, такое происходит при интонации пересказывания).

Но если соединительный союз *да*, в отличие от другого соединительного союза *и*, может использоваться, лишь начиная со второго элемента перечислительной цепочки, но не перед первым (**Пришли да Петя, да Вася, да Маша* при нормальном *Пришли и Петя, и Вася, и Маша*), то для ксенопоказателя *да* такое не только возможно, но и очень типично:

Хозяйка, большая любительница необыкновенного, ну его пытаться, батюшка, да ка к вы, да какие случились в вашей жизни за последнее время чудеса? [М. Кучерская]

Поскольку соединительное *да* выражает идею совокупности, накопления, нагнетания, во многих случаях *да* при передаче чужой речи подразумевает, что тот, чью речь говорящий передает, по мнению последнего, чересчур многословен или назойлив:

Ну, тут она и раскудахталась: что, да как, да почему, да зачем я от Лены ушел? [Л. Н. Разумовская]

Да, как и многие показатели чуждости и отдаления, легко приобретает пренебрежительный оттенок:

Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, которые он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе... "Взвейтесь!" да "развейтесь!"... А вы загляните к нему внутрь — что он там думает... вы ахнете! [М. А. Булгаков]

Литература

Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» М., 2010.

Летучий, А.Б. Конструкции сравнения ситуаций с показателями как бы и как будто // "Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen". Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner. 2008, 217-238.

Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // "Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen". Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner, 2008, 285-311.

Левонтина Ирина Борисовна
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка РАН им. В.В.Виноградова

В. И. Легких (Вена)

Святые покровители: современный взгляд

Особое положение в русском православном сознании с давних пор занимает святое покровительство. Современный молитвослов предлагает молитвы, охватывающие практически все случаи жизни, причем в каждом конкретном случае молиться предлагается определенному святому. Чаще всего подобные случаи покровительства обусловлены фактами жития: например, свт. Николаю можно молиться о замужестве, так как в чуде о трех девицах с помощью трех золотых шаров он помог трем бедным девушкам выйти замуж, а также в спасении на водах, чему посвящены несколько чудес его жития.

Однако в некоторых случаях может возникать и подмена понятий, как, например, тот же свт. Николай становится покровителем русского народа, о чем повествует и русская гимнография и фольклорные тексты. Но наиболее интересны случаи, когда святое покровительство полностью переосмысливается.

Один из недавних случаев переосмысления – св. великомуч. Варвара. Святая Варвара была за свою христианскую веру посажена отцом в темницу, а потом замучена. Святая Варвара также считается целительницей, так как она была чудесным образом исцелена после пыток, а также ей молятся в унынии и от внезапной смерти. В России по благословению патриарха Алексия II в 2002 г. св. Варвара стала покровительницей горнопромышленников, что тоже косвенно связано с ее житием, так как св. Варвара укрылась от отца в расступившейся горе. Кроме того, св. Варвара стала еще и покровительницей ракетных войск, что уже никак не связано с ее житием, а произошло из-за совпадения дат: 17 декабря 1959 г. в СССР были образованы Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), что сделало 17 декабря днем воина-ракетчика. Совпадение дня памяти св. Варвары с днем ракетчика сделало святой покровительницей ракетных войск.

Иногда отдельные маргинальные факты жития становятся решающими для покровительства. Так, св. мч. Вячеслав Чешский, чешский князь, исповедовавший христианство и убитый своим братом, когда он шел к заутрене, стал покровителем

барменов и ликеро-водочных заводов, так как считается, что он собирал виноград для изготовления вина для Евхаристии.

Наибольшее количество переосмысленного покровительства, иногда совершенно анекдотического, мы находим именно среди русских святых: св. Ярослав Мудрый - покровитель юристов, св. Игнатий Ярославский – покровитель обувной промышленности, св. Иоанн Московский – покровитель гаражевладельцев, св. Алипий Печерский – покровитель визажистов и парикмахеров, прп. Авраамий Ростовский – покровитель сантехников и т.д.

Но самым заметным явлением переосмысления является утверждение всеобщего празднования. Такой случай произошел с предложенным в 2002 году и утвержденным в 2008 году как всероссийский днем семьи и любви, празднуемым 8 июля (25 июня по старому стилю) в день памяти свв. Петра и Февронии. Петр и Феврония, святые князья, согласно житию, приняв в конце жизни постриг, умерли по согласию в один день и несмотря на попытки похоронить их раздельно были найдены в одном гробу. Они были канонизированы на соборе митр. Макария в 1547 г.

В данном случае интересно не только то, что из всех возможных святых супругов была выбрана пара, которая под такими именами не упоминается ни в одной летописи, а наиболее известное житие которых не является каноническим. Согласно житию, эта пара повенчалась не по любви, а по Божественному промыслу, кроме того, у нее не было детей, в то время как современный праздник позиционируется именно как день любви и семьи, во время которого могут проходить как обручения по любви, так и шествия с колясками, а также награждение многодетных семей. Если мы проанализируем житие и службу свв. Петру и Февронии, то мы увидим, что святые князья были покровителями княжеского рода, защитниками русской земли от врагов и, главное, целителями, но они никогда не были покровителями семьи. В современном празднике, предполагающемся как русский эквивалент дня св. Валентина, покровительство этих князей переосмыслено, и им уже предлагают молиться не об исцелении от болезней и защите страны от врагов, а об удачном замужестве и даровании детей.

Сведения об авторе:

Легких Виктория Игоревна
кандидат филологических наук, Институт Славистических исследований
Венского университета

Н. В. Ликвинцева (Москва)

Дневник как свидетель событий: похищение генерала Кутепова на страницах эмигрантских дневников П.Е. Ковалевского

Историк и религиозный деятель Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978) известен, в первую очередь, как автором первого обзора по истории русского зарубежья, книги «Зарубежная Россия». Но одной из самых примечательных граней его разносторонней деятельности было ведение дневника. Дневник Петр Ковалевский вел с ранней юности до глубокой старости, записи за редкими исключениями делал каждый день и воспринимал эту работу как настоящее свидетельство о происходящем в русском Париже, о событиях культурной и церковной жизни русского зарубежья. К сожалению, на сегодняшний день опубликована лишь незначительная часть этих дневников, всего две книги: *П.Е. Ковалевский. Дневники 1918-1922*. СПб.: Европейский дом, 2001; *Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники П.Е. Ковалевского 1937-1948 годов*. Нижний Новгород, Христианская библиотека, 2014.

Данный доклад представляет собой обзор неопубликованных дневниковых записей П.Е. Ковалевского за 1930 год, по авторизованной машинописи (архив ДРЗ, ф. 69). По ним можно проследить, как важные исторические события фиксируются в дневниках, переживаются и продумываются автором. В 1930 г. генерал А.П. Кутепов был похищен в Париже агентами ОГПУ. Ковалевский фиксирует недоумение, страх, предположения и догадки, циркулировавшие в русском Париже после пропажи генерала, ход следствия, появление все новых и новых подробностей, реакцию русской и французской общественности, все нарастающую уверенность в участии советских спецслужб и в неминуемой смерти генерала, все новые и новые подробности дела. Параллельно П.Е. Ковалевский вспоминает личные встречи с Кутеповым, размышляет о его исторической роли, делает предположения о том, как это событие может повлиять на ход истории.

Сведения об авторе:

Ликвинцева Наталья Владимировна
кандидат философских наук
ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А.Солженицына

П. В. Лукин (Москва)

[тема без тезисов:]

Гостомысл как маргинальный персонаж древнерусской книжности

Сведения об авторе:

Лукин Павел Владимирович
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН.

М. Л. Лурье (Санкт-Петербург)

Уличные песни эпохи НЭПа: фольклор, наивная поэзия, массовая литература?

Уличное исполнительство получило небывалое распространение в качестве неконтролируемой экономической практики в больших городах России в эпоху НЭПа. В Москве и в Ленинграде количество поющих во дворах и на рынках исчислялось сотнями. На дворовых и рыночных выступлениях, собиравших пеструю по своему социальному составу публику, певцы исполняли песни и продавали публике переписанные или отпечатанные на листках тексты, которые усваивались или популяризировались в песенном обиходе.

Те, для кого уличные концерты были основной формой заработка, весьма серьезно относились к подбору номеров, внимательно следили за вкусами своей аудитории и конъюнктурой рынка, стараясь пополнять свой репертуар такими песнями, за которые публика готова была платить. Городские певцы активно работали с существующим песенным материалом: практически все они включали в программы своих выступлений и современный им фольклор (жестокие романсы, баллады, тюремную лирику и др.), и романсы профессиональных авторов, и сатирические песни, позаимствованные из репертуара эстрады — то, что знала и ценила городская демократическая аудитория. Таким образом, институт городского уличного пения функционировал как действенный передаточный механизм устной традиции, что позволяет исследователям говорить о нем в терминах фольклористики.

Однако существовала и другая часть репертуара – песни, написанные специально для улицы. Их сочиняли как «авторы-исполнители», так и «поэты-песенники», снабжавшие певцов материалом, но сами не выступавшие. Тексты, выходявшие из-под пера уличных авторов, своей содержательной стороной соотносились с конкретными реалиями современности — социальными, бытовыми, географическими, экономическими и т.д. Это песни о судьбах самих уличных певцов, о городских происшествиях, куплеты на злободневные темы, романсы-ламентации и мелодраматические баллады, герои которых предстают жертвами рокового стечения обстоятельств, человеческих пороков или «социальных болезней» (проституция, алкоголизм, детская беспризорность и т.п.). Конкретными источниками их вдохновения служили не только «жизненные истории», но и газетные заметки, и даже демонстрируемые в кинотеатрах фильмы. При этом как социальный профиль авторов уличных песен, так и стилистико-поэтические особенности их текстов позволяют говорить о них как об одной из форм наивной поэзии.

Более того, уличные певцы были не только авторами конкретных текстов, но и «авторами идеи». Так, именно в их среде возникла практика сочинять баллады с изложением трагических происшествий (преступлений и катастроф) и выработалась определенная «жанровая модель». Производство эффективных в коммерческом отношении песен о локальных инцидентах было поставлено на поток, что, с одной стороны, означает формирование у сочинителей соответствующей творческой привычки и литературного навыка, с другой – свидетельствует о том, что певцы не только учитывали, но и формировали запрос публики.

В фокусе нашего внимания в рамках доклада – творческие и экономические практики сочинителей уличных певцов, источники и форматы их поэтической продукции, специфическая поэтика текстов их авторства. Мы попытаемся аргументировать необходимость отойти от исключительно фольклористической рамки интерпретации уличных песен и увидеть в этом феномене процессы формирования автономной литературной традиции и профессионализации «наивного» поэтического творчества.

Сведения об авторе:

Михаил Лазаревич Лурье
кандидат искусствоведения, доцент
Европейский университет в Санкт-Петербурге, доцент факультета антропологии

Г. В. Лютикова (Москва)

О пометках Б.Л. Пастернака: семиотический статус (по материалам помет Б.Л. Пастернака в томике писем Р.М. Рильке)

В 2017 – 2018 гг. в Доме-музее Б.Л. Пастернака в Переделкине велась работа по обновлению описи книг в кабинете писателя. Из описи явствует, что самое большое количество пометок находится именно на страницах немецкоязычных изданий (в 24 из 101 книги на немецком языке, не считая словарей). Наибольший интерес с точки зрения пометок представляет томик писем Р. М. Рильке: *Reiner Maria Rilke Briefe aus den Jahren 1914 bis 1921*. Herausgegeben von Ruth Sieber-Rilke und Carl Sieber im Insel-Verlag zu Leipzig, 1938 (Райнер Мария Рильке Письма с 1914 по 1921 год. Издано Рут Зибер-Рильке и Карлом Зибером в Insel-Verlag, Лейпциг, 1938).

Три тома из 6-томного собрания писем Р.М. Рильке, которые стоят на книжной полке в кабинете, были куплены Б.Л. Пастернаком в букинистическом магазине не позднее весны 1956 году. Этот том Б.Л. Пастернак читает очень внимательно: он отчеркивает абзацы, иногда целые страницы, строки – очевидно, мысли и чувства, созвучные его собственным, – но, например, и перечень предметов, которые Рильке

собирается подарить дочери Рут на день рождения, и скромный перечень важного для поэта личного имущества. Важным представляется, что Пастернак читает этот том в то время, когда пишет свой автобиографический очерк «Люди и положения», где есть, как известно, главка о Р.М. Рильке и перевод двух его стихотворений.

Маргиналии Пастернака на полях писем Рильке интересны не только в содержательном аспекте (что именно отмечено), но и как явление семиотическое (как знаки). Поскольку этот дополнительный знаковый слой появился в результате явно внимательного прочтения, сопряженного с рефлексией, его можно рассматривать в качестве нового метатекста, использующего иную знаковую систему – графическую.

Можно предположить также, что в процессе возникновения этого метатекста происходил своего рода диалог двух текстов – чужого (в эпистолярном жанре) и формируемого своего (в автобиографическом жанре). Таким образом, при анализе данного метатекста необходимо использовать категорию границы жизненных миров, презентированных в персональных универсумах текстов, которая по определению может быть только контактной.

Представляется интересным проанализировать, играет ли вообще и какую именно роль эта граница в появившемся новом тексте (главка о Рильке в «Людах и положениях»).

Сведения об авторе:

Лютикова Галина Владимировна
организатор экскурсий, Государственный музей истории российской литературы
имени В.И.Даля (Государственный литературный музей)

Е. Н. Марасинова (Москва)

Судебные практики в условиях гуманизации уголовного права второй половины XVIII века (по новым архивным документам)^[32]

Доклад будет посвящен механизмам использованию страха Суда Божьего для преодоления страха преступника перед наказанием со стороны суда государственного. Иными словами, речь пойдет об использовании церковных практик для проведения следствия по делам о тяжких преступлениях в России второй половины XVIII века, когда по указу, изданному в самом начале правления Екатерины II, ограничивалось применение пыток при допросах. Актуальность работы связана с исследованием малоизученного в историографии феномена сокращения сферы юрисдикции церкви и дальнейшей секуляризации права при активизации использования светскими судами религиозной идеологии и церковных практик для ведения следствия и наказания преступников в условиях гуманизации уголовного законодательства.

Текст и выводы доклада будут основываться на материалах следственных дел, канонических изображениях Страшного суда на фресках и иконах, а также на обнаруженной в архиве древних актов инструкции для священников «по увещанию находящего под стражей» подозреваемого. Инструкция содержит важную информацию о приемах манипуляции сознанием преступника, отношении светских судов к тайне исповеди и логике использования аргументов из Священного писания и визуальных образов «Страшного суда» для дознания. Материалы следственных дел второй половины XVIII века позволяют воссоздать обстоятельства назначения судом священников для увещания, непосредственный процесс воздействия на мотивацию преступника и результаты привлечения служителей культуры к следствию.

Священнику, полагалось, опираясь на авторитет веры и знание духовных текстов, принять на себя функции следователя и добиться от подозреваемого признания и сведений о деталях и сообщниках преступления. Данная практика, порожденная распоряжением

Екатерины II «обращать к признанию более милосердием и увещанием, чем истязанием», стала новшеством в судопроизводстве второй половины XVIII века. Именно поэтому и была составлена для священников инструкция «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимся под стражей».

Первостепенное значение в инструкции уделялось личности увещателя, и прежде всего, не собственно его достоинствам, а репутации и способности к взвешенному убеждению. Далее перечислялись важнейшие приемы, позволяющие завладеть доверием подсудимого: снисходительный и сострадательный разговор; расположение к откровенности и рассказу «об истории своей жизни»; напоминание о несчастьях жены, детей и в целом тех, кто «любезен» арестованному. Кроме того от увещателя требовался грамотный психологический анализ и понимание причин «ожесточения», приведших к преступлению: «от неверия ль или суеверия, или от привычки к порочной жизни, или от отчаяния о возвращении счастья или от страха наказания?»

Но самое главное - все усилия увещателя должны были направляться на «возбуждение страха правосудия Божьего» в душе подозреваемого, осознание им греховности каждого перед Всевышним и неотвратимости Страшного суда. С этой целью священники-дознатели нередко приходили к содержащимся под стражей с иконой Страшного суда и «устрашали Геенной огненной за сговор с дьяволом всякого, кто скрывает правду». Иконография «Страшного суда» в русском искусстве предполагала довольно натуралистическое изображение многочисленных форм мытарств грешников в аду, которые в целом соответствовали описанию смертных наказаний по Соборному уложению 1649 года.

Таким образом, материалы русского уголовного судопроизводства второй половины XVIII века наглядно демонстрируют используемые властью механизмы для манипуляции сознанием преступника, которому приходилось выбирать между Страшным судом и чистосердечным раскаянием, за которым следовало наказание по законам суда государственного.

Марасинова Елена Нигметовна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН
профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

А. А. Мельникова (Санкт-Петербург)

Язык как текст культуры

Исследователи культуры при ее анализе указывают на наличие некой системы координат – структурных характеристик, выстраивающих национально-специфичную конфигурацию ментального пространства культуры. Идея о том, что эти характеристики заключены в языке, высказанная в начале XIX в. В. Гумбольдтом, активно разрабатывалась его последователями, обретя название гипотезы лингвистической относительности, сформулированной Э. Сепиром и Б. Уорфом: между человеком и окружающим его миром стоит язык, который предопределяет формы отражения реальности и способы передачи отношений, накладывая рамки на осмысление действительности. Таким образом, язык, безусловно, является системой, в которой культурно-значимые смыслы содержатся. Целостность и связность системы обеспечивает структура – именно она является несущим каркасом, задающим программу для выстраивания элементов в ту или иную иерархию. Структура системы языка – грамматика, однако последователи этой концепции фиксируются на лексике: именно она

рассматривается как вместилище национально-культурных смыслов, в то время как исследования грамматики как носительницы национально-культурных смыслов немногочисленны и фрагментарны.

Еще одно современное глобальное направление научных исследований – обращение к тексту как к основе основ, осмысляя его предельно широко – вплоть до утверждения Дерриды о том, что все есть текст. Соответственно, язык – продукт культурного творчества, имеющий знаковую природу, и, следовательно, он может быть рассмотрен в качестве текста. Сущностной характеристикой текста является его смысловая наполненность. Исследование лексики в качестве пространства национально-культурных концептов и есть ее анализ как текстового проявления, в котором в качестве несущих смысловых констант (структурирующих не только лексическое, но и смысловое поле культуры), выявляются базовые культурно-специфичные концепты, а также рассматриваются их особенности и взаимосвязи.

Что касается синтаксиса, то смысловое содержание грамматических конструкций не выглядит очевидным фактом, хотя исследования в этом направлении тоже имеются – изучаются, например, грамматические способы передачи значимой для русского менталитета идеи неопределенности, неконтролируемости процессов (А. Вежбицкая). Однако, чтобы говорить о грамматике как о тексте культуры, ее надо рассмотреть как целостное, единое пространство, начиная с базовых синтаксических правил – а затем, работая в текстоцентрической парадигме, проанализировать, какие основные смысловые национально-ментальные идеи могут им соответствовать.

Следовательно, необходимо проанализировать характерные для исследуемого языка доминирующие формы словообразования, формообразования и синтаксиса. Для русского языка это синтетическая форма словообразования и формообразования, свободный порядок слов в предложении. Автор тезисов в своей докторской диссертации проанализировал эти грамматические формы и выделил следующие заключенные в них идеи:

1. Акцентированность смысла

- 1.1. Значимость внутренней (сущностной) составляющей;
- 1.2. Пониженная значимость формального, организующей абстрактной системы или принципов;
- 1.3. Совмещение противоположностей

2. Согласование

- 2.1. Всеобщая взаимосвязь, объединение;
- 2.2. Согласование по иерархическому принципу, с сохранением базовых (внутренних сущностных) характеристик;

3. Вариативность

- 3.1. Разносторонняя вариативность;
- 3.2. Фиксация тонкостей, нюансов.

Данный подход позволяет осмысление культуры как единого смыслового пространства перевести из идеального ряда теоретических положений в область практических исследований с соответствующим инструментарием, которым и выступит методология анализа языка как текста культуры.

Сведения об авторе:

Мельникова Алла Александровна
доктор культурологи, доцент, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП)

П. Л. Микурова (Москва)

Тема семьи и родственных связей в переписке Б.Л. Пастернака и О.М. Фрейденберг 1940–50-х годов

Переписка Б.Л. Пастернака и О.М. Фрейденберг – важное свидетельство эпохи. Она позволяет углубить наше представление о творчестве поэта и писателя, больше узнать о научной деятельности, окружении, проблемах О.М. Фрейденберг. Дети талантливых родителей, родившиеся и воспитывавшиеся в творческих семьях, тонко и глубоко чувствующие, они хорошо понимали друг друга, имели близкое мировоззрение. Переписка двоюродных брата и сестры имеет историческое, биографическое, литературоведческое значение. Между тем в настоящее время она изучена недостаточно. Тема семьи и родственных связей – одна из ключевых в течение всей почти полувековой переписки адресатов. Рассматриваемый период интересен тем, что он многое добавляет к биографиям обоих адресатов, к судьбам их общих родственников, знакомых, а также всей страны в целом (тогда как в 1910–1930 гг. в переписке преобладали сначала тема любви, а затем творчества и историко-философская темы). В юности и зрелые годы у обоих было много обид, недопонимания, переписка порой надолго прекращалась. В 1940–50-е годы они, умудренные жизненным опытом, многое пережившие, потерявшие близких людей, осознали значение семьи, ценность истинной дружбы, масштаб дарования друг друга. И Б.Л. Пастернак, и О.М. Фрейденберг стали проще, великодушнее, сердечнее к жизни, к людям, друг к другу. В эти годы оба они испытали на себе давление партийно-бюрократической машины, и каждый из них по-своему отреагировал на сложные жизненные обстоятельства.

Б. Пастернак после смерти отца, которая заставила его осознать долг перед своим талантом, наконец, погрузился в творчество, посвятив себя написанию главного своего произведения – романа «Доктор Живаго». О. Фрейденберг стала формировать и систематизировать свой архив.

Специфика раскрытия темы, несмотря на нехудожественный жанр рассматриваемого материала, показывает близость стиля писем адресатов к классической подаче темы семьи у Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова.

В эпистолярном наследии Пастернака и Фрейденберг тема семьи органично связана с другими ключевыми аспектами практически пятидесятилетней переписки: творчества, смысла жизни, любви, – однако в докладе они рассматриваются сквозь призму семейной темы. В будущем автор работы, отталкиваясь от уже изученных пластов и периодов переписки кузенов Пастернака и Фрейденберг, готовится представить и иные тематические составляющие рассматриваемой переписки.

Сведения об авторе:

Микурова Полина Леонидовна
аспирант Московского городского педагогического университета
преподаватель русского языка и литературы Центра интенсивных технологий образования

М. Ю. Михеев (Москва)

Можно ли по диалектам различить двух Донских авторов, происходящих из мест, отстоящих друг от друга на сотню километров?^[33]

Родной диалект Ф.Крюкова, говор донской станицы Глазуновской, отличался от диалекта М.Шолохова, станицы Вёшенской, не слишком сильно, но все же очевидно отличался. Согласно современному диалектному членению, Вёшенский говор попадает в Ростовские, а Глазуновский – в Волгоградские говоры: станицы отстоят друг от друга всего на каких-то 100 (а если по прямой, то только 82,5) км. На практике же оба писателя, во-первых,

конечно, многократно пересекали пространство своего соседа: Крюков бывал в Вёшенской, а Шолохов жил какое-то время в станицах Каргинской и Букановской, но вторых, и это гораздо более существенно, оба использовали в своих текстах как свои собственные, «родные» диалектные слова и выражения, так и «чужие», по тем или иным причинам более приглянувшиеся, иногда заимствуя вообще-то и не очень близкие – у кого-то из писателей-предшественников, работавших в той же литературной традиции представления *народного* языка. Благо перед Крюковым, или в то же самое время работали Горький, Глеб Успенский, А.И. Эртель, И.Е. Вольнов, а до них еще Гоголь, Салтыков-Щедрин, Лесков, Мельников-Печерский... Так что вопрос, поставленный в заглавии, оказывается отчасти риторическим, ответ на него вполне однозначный: разумеется, можно. Только дело осложняется еще и тем, что гораздо больше, чем пространственная дистанция, их отделяет друг от друга – временная.

На практике перед нами как бы два *лоскутных одеяла*. Одно – картина использования областных, диалектных и литературно обработанных слов у Крюкова (К), а другое – у Шолохова (Ш). Если Ш реально "списывал" свой роман с прототекста, изготовленного первоначально, как предполагают, К-м, то он вынужден был так или иначе (а) принять те особенности, которые уже содержались первоначально в предтексте (в том случае, если копировал оттуда буквально, неумело переписывая или делая при этом ошибки – такой точки зрения как будто всерьез придерживается коллега А.Ю.Чернов),^[34] или же (б) должен был искусно выправить все "чужие" диалектизмы, переделав, или замаскировав их – под свои. Теоретически ставится задача, сравнивая массивы текстов Ш и К (по объему они примерно одинаковы) решить, есть ли вероятность написания К-м прототекста романа «Тихий Дон» (ТД) или же нет, т.е. мог ли быть написан роман (его часть, опубликованная в 1928 г.) Ш-м с дословным перенесением диалектных особенностей чужого текста в свой (версия а) или же – с максимальным отталкиванием, намеренным расподоблением своего текста относительно прототекста во всех случаях, когда этот «свой» текст можно было бы уличить в использовании чужого диалекта (версия б). Но это не отменяет еще двух возможностей: или роман написан вообще не К и не Ш, а кем-то еще (в), или, наконец – самостоятельно Ш-м, даже не заглядывая в прототекст, если таковой вообще существовал (г)...

Для решения сформулированной задачи – выбора между а и б – составлены два словаря: диалектных и экзотических слов у К и, для сравнения, таких же слов у Ш. По имеющимся диалектным источникам собраны такие особенности идиолектов обоих писателей, которые, с одной стороны, объединяют их (как, например, формы слова *Батя*, *Батенька* и *Батюшка*, употреблявшиеся и тем и другим), а с другой, наоборот, различают между собой, разводя в разные стороны: так, один только К использовал также варианты этого слова – *Батяша* и *Батяшка*, а Ш (но не К) – варианты *Батяня*, *Батянька* и *Батянюшка*. При этом в подсчете учитываются все однокоренные слова с теми, которые попали в обе выборки, а также их омонимы.

В первом словаре, составленном по очеркам К, 369 различительных варианта, во втором – вдвое меньше, 185: слова в последнем взяты только из начальных 30 страниц ТД. Но для сравнения и этого оказывается вполне достаточно. Диалектные слова в тексте Ш вообще встречаются намного чаще, чем у К, но сами пропорции слов-*гапаксов* (в данном случае я так называю слова, не употреблявшиеся «конкурентом»), как оказалось, приблизительно равны.

1. Вот примеры диалектных выражений, употребительных только в текстах К, но не Ш (К-гапаксов – в тексте и в самих словариках они помечены зеленым цветом): *Зеленить* (ругать), *Лежсоха* (лежебока), *На любках* (добровольно), *Палец не подобьешь* (тесно), *Похилиться* (нагнуться), *Похарчиться* (умереть), *Ширинка* (головной платок), а вот – варианты, употребительные исключительно только в текстах Ш (но не К: т.е. Ш-гапаксы), из текста ТД – они помечены фиолетовым: *Ажник*, *Возля*, *Вобратый*, *Ить*, *Тольки*, *Угнуть*... Первых (т.е. Ш-гапаксов)

в тексте ТД на 1,7% больше, чем К-гапаксов по очеркам К (соответственно 45,9 в ТД и 44,2% у К): здесь разница совсем невелика.

1а. Ну, а вот примеры возможно вполне намеренно осуществленного расподобления, когда какой-то имеющийся в языке у обоих литературный аналог был заменен (Ш-м или его редакторами, в соответствии с гипотезой сторонников плагиата) диалектным словом: *Забранный* (или *Заправленный во что-то*) на – *Вобратый*, *Живучий* – на *Живущий*, *Журчат* – на *Журчиться* (а также на его варианты), *Арестовать* – на *Забастовать*, *Показаться* – на *Завиднеться*, *Оседлать* – на *Заседлать*, *Возникать* – на *Зачинаться*, *Ведь* – на *Ить*, *Коряга* – на *Карша*, ну, итд. (Вся эта группа слов статистически также входит в пункт 1.)

2. Важным случаем при подсчете возможных конфигураций в словарях является также совпадение диалектного варианта у обоих, когда никаких альтернативных выражений данного смысла ни тексты К, ни Ш не представляют. Вот примеры: *Ворохнуть(ся)*, т.е. *шевелинуть(ся)*, *Высматривать* (выглядеть), *Зараз*, *Нехай*, *Нонче* итд. Но их, что интересно, оказывается при выборке из ТД все-таки на 5,5% меньше, чем по текстам К (26,0 и 20,5)! Тут разница уже более существенна – она может говорить в пользу намеренного разведения вариантов после использования прототекста.

3. А вот примеры еще и дальнейшего расподобления, или умножения «конкурентом» диалектных форм, когда у обоих авторов в языке был диалектный вариант, но Ш (видимо намеренно?) использует еще и формы, отличные от К-х (или К – но естественно ненамеренно – формы, отличные от Ш-х): *Гладкий* (толстый, дородный) – *Разглажеть* (потолстеть) и *Глаже* (сравнит. степ.), так же как *Дюже* – *Дюжее*, *Завеска* (передник) – *Завесить* (повесить), *Изломить* – *Изломистый*, *Надысь* – *Надышний* итд. В выборке из ТД их оказывается почему-то все-таки меньше, на 2,5% (11,7 и 9,2), чем аналогичных конфигураций в выборке из текстов К: *Вовнутря* – *Внутре*; *Назём* (навоз) – *Кизяк*; *Обчества* (жен. ж.! мир, община) – *Обчество*; *Отколь* (откуда) – *Откель* итд. Это уже как будто аргумент против нашей гипотезы.

4. Далее, естественно, имеются случаи, когда у каждого автора есть только свои самостоятельные, конкурирующие между собой варианты, а никакого общего (но при этом диалектного) варианта вообще нет: *Всхож на к.-л.* – *Схож на* (т.е. похож); *Давеча* – *Давешь*, *Иишо* (еще) – *Ишо*; *Журавец* – *Журавль* (шест у колодца); *Омрак* (обморок) – *Оморок*; *Плоше* – *Хужей*; *Погонец* – *Погоньч* (пастух); *Сдыхать* (отдохнуть) – *Сдышат* итд. В выборке из К их чуть больше, на 0,6% (соответственно – 9,2 и 8,6), что также против гипотезы.

5. А вот случаи, когда помимо общего для обоих варианта у каждого имеется по крайней мере еще один свой собственный, отличный от конкурента: так, помимо *Гутарить* у К есть еще *Гуторить*, а у Ш *Загутарить*, помимо *Земелька* – *Землюшка* и *Землюшка*, помимо *Кочет* (петух) – *По-кочетовому* и *По-кочетиному*, помимо *Летось* (прошлым летом) – *Летошний* и *Летошник*, *Летошница* (годовалая корова), ну, итп. – Таких случаев в выборке из К оказывается уже на 4,6% меньше, чем из ТД (5,1 и 9,7)! Это снова в пользу (б).

6. И наконец самые редкие – случаи, когда помимо общего для обоих варианта имеется еще и альтернативный вариант «конкурента» (не у самого автора, из текстов которого сделана выборка), т.е. в выборке из К – вариант Ш-ий, а из ТД – К-ий. Так, при выборке из текстов К: *Маштаковатый* (крепкий) – *Маштаковый*; *Оглядаться* (оглядываться) – *Огляд*; *Вперегонку* – *На перегонку* (на перегонки); *Позавидовать на* (к-л., ч-л.) и *Завидовать на*, и наоборот, при выборке из ТД: *Подплыть* (покрыться водой) – *Подплывать*

кровью, *Жолнерка* – *Жалмерка* (солдатка); *Жевлак* – *Желвак* (опухоль) итп. – здесь в первой выборке их меньше на 2,5% (3,4 против 5,9), что снова против (б).

В результате подсчета соотношений в обоих массивах получается, что как в первом, так и во втором словарики доля слов, не повторяющихся у конкурента – соответственно в выборке из текстов К – К-гапаксов, а в выборке из Ш – Ш-гапаксов (случай 1) ко всем остальным – примерно половина (хотя в ТД – на 1,7%). Доля слов, совпадающих у обоих (случай 3), – примерно одна четверть, но в ТД все-таки меньше на 5,5% (26,0 и 20,5%) – что тоже в пользу (б), как и 4,6% преимущества в пункте 5. Но вот случаев дальнейшего расподобления (3) в ТД оказывается меньше на 2,5%, так же как самостоятельных конкурирующих вариантов у обоих (4), на 0,6% – что говорит против предложенной гипотезы. Да и соотношение слов-гапаксов конкурента (т.е. Ш-гапаксов в выборке из К и – К-гапаксов в выборке из ТД: случай б) говорит не в пользу гипотезы (2,5%). В результате получаем $1,7+5,5+4,6=11,8$ против $2,5+0,6+2,5=5,6$ – т.е. все-таки с преимуществом в 6,2% гипотеза (б) одерживает верх (разбор конкретных примеров можно узнать на соответствующих страничках <http://uni-persona.srcrc.msu.ru/f-krukov/index.htm>, где размещены два составленных словарика.)

Так как сторонники версии "украденной рукописи" допускают вариант копирования текста, при котором переписчик ТД последовательно заменял каждое встретившееся ему инодиалектное слово (условно говоря, "Глазуновское") на своё собственное, известное из родного говора (условно говоря "Вёшенское, Букановское, Каргинское" или же какое-то еще), то сравнение двух массивов – начального текста ТД и очерков К – по нашему замыслу должно было дать ответ на вопрос, имело или нет место при составлении текста ТД прямое копирование, или «списывание» текста с протографа, составленного К (а), или же – копирование с намеренным рассогласованием тех диалектных форм, которые в идиолектах К и Ш совпадали (б). Последнее однозначно легко было бы допустить в случае архаизмов, как, например, при употреблении слова *авиатор*, которое автоматически следовало бы заменить – если не самому автору, то его редакторам – на *летчик* (до 1910 г. слово *летчик*, согласно НК, вообще не употреблялось), или слова *Стражник*, имевшее ранее вполне терминологическое значение – 'охранник' или 'милиционер'. Из сравнения соотношений разных конфигураций диалектных слов в двух выборках можно видеть, что случай прямого копирования (а) однозначно исключается, тогда как (б) все-таки возможен – как, впрочем, и (в), и (г)...

Если бы имело место прямое копирование (а), то в выборке из начального текста ТД должно было бы остаться гораздо больше совпадений, чем в выборке из очерков К, на деле же их пропорции практически одинаковы, и даже в выборке из Ш оказывается чуть меньше случаев с совпадением (хотя разница тут совсем невелика). Но при этом в ТД должно бы было остаться значительно меньше оригинальных Ш-гапаксов, не повторяющихся К-е выражения, что тоже не так. С другой стороны, если все-таки имело место рассогласование с умышленным расподоблением диалектных вариантов (б), то наблюдалось бы явное преимущество в выборке из ТД случаев с Ш-гапаксами (над К-гапаксами в выборке из К), чего тоже в явном виде все-таки нет.

Остается заключить, что версия (а) несостоятельна, но (б) – хоть и «со скрипом», но возможна.

Сведения об авторе:

Михеев Михаил Юрьевич
д.филол.н., в.н.с. НИВЦ МГУ

А. Б. Мороз (Москва)

«Наша местная Грабарка...»

Среди православного населения восточной Польши (Подляшское воеводство) исключительным почитанием пользуется святая гора Грабарка – место паломничества не только из окрестностей, но и из других стран. На горе устанавливаются обетные и памятные кресты, часто содержащие молитвенные или благодарственные надписи и вотивные объекты. Однако сама практика установки памятных и обетных крестов в одном определенном месте, выбранном в связи с каким-либо прецедентом и мотивированном легендой, известна значительно более широко.

В Гайновском повате, недалеко от деревни Ляды, существует местный сакральный объект, который жители соседних деревень называют «наша Грабарка». Место, получившее такое неофициальное название, представляет собой открытое пространство между полями, на котором имеется родник и – с 1942 г. – стоит небольшая деревянная церковь свв. мчч. Маккавеев. Они несколько разнесены в пространстве, так что святыня имеет два центра. И к церкви, и к роднику ставят кресты в случае просьбы о помощи, по избавлении от беды и как память о паломничестве.

Место связано с памятью о местном жителе – Феде Слепом, который, согласно рассказам местных жителей, сначала жил в Лядах, а потом поселился в землянке у родника. Он исцелял приходящих и обладал чудесной способностью ориентироваться в пространстве и узнавать людей. Ввиду того, что события начала культа относятся к относительно недавнему времени, тексты о Феде Слепом носят характер не столько легендарный, сколько «устноисторический», основатель святыни в них предстает человеком крайне противоречивым, отнюдь не только (или не столько) «божественным». Он и молитвенник, и знахарь, и просто обыкновенный человек со свойственными ему страстями, и Богом хранимый. Одновременно рассказы о Феде Слепом содержат сведения о попытках его выселить и скомпрометировать со стороны УБ (польские органы Госбезопасности) в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Таким образом, складывается как бы два корпуса текстов о Феде: как о чуде, удивительном человеке, местной достопримечательности и как о святом и целителе, основателе святыни, которая почитается по сей день.

Сведения об авторе:

Мороз Андрей Борисович
доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ/РГГУ

Н. Ю. Пахмутова (Москва)

Гендерная тематика в произведениях М. А. Шолохова и Ф. Д. Крюкова: некоторые соображения к вопросу об авторстве «Тихого Дона»

В докладе рассматриваются способы раскрытия женских персонажей в рассказе Крюкова «Офицерша» и «Тихом Доне».

На основании лексики (характера, частотности) и стилистических приёмов можно наблюдать разницу между типами позиционирования авторов относительно персонажей и степенью адекватности коммуникативной структуры прямой речи персонажей социальным условиям воссоздаваемой среды и исторического периода, что позволяет делать выводы относительно авторства «Тихого Дона».

The paper focuses on the ways of depiction of the female characters in Fyodor Kryukov's short story *The Officer's Wife* and the novel *And Quiet Flows the Don*.

Based on the vocabulary (its character and frequency of certain words and word patterns) and stylistic techniques, we can observe the difference between the authors positioning regarding the characters; the degree of adequacy of the communicative structure of the characters' direct speech to the social conditions of the environment and the historical period recreated; which allows to draw conclusions regarding the authorship of the *And Quiet Flows the Don*.

Ключевые слова: гендер, телесность, коммуникативная структура языка, гендерные исследования, идиостиль, авторский стиль, романтизм, символизм, ницшеанские идеи, женская речь, фольклор, социолингвистика

Keywords: gender, corporeality, communicative structure of language, gender studies, writer's idiolect, author's individual style, romanticism, symbolism, Nietzschean ideas, women's speech, folklore, sociolinguistics

Рассказ Ф.Д. Крюкова «Офицерша» в сжатом виде содержит сюжетные коллизии, аналогичные сюжетным коллизиям «Тихого Дона», связанным с женщинами: измена отсутствующему супругу, тайная беременность, побои со стороны мужчин, стигматизация «жалмерок» (надолго оставшихся без мужей солдаток), которых по умолчанию подозревают в аморальном поведении, конфликтные горизонтальные и иерархические отношения между женщинами в семье (свекровь – невестка, невестка – невестка).

Крюков тяготеет 1) к клишированным описаниям чувств и ощущений женских персонажей, характерным для романтической литературы, например, часто включают слово «сердце» («сжалось сердце», «тошно сердцу», «радостно билось сердце»); 2) избегает точных натуралистических описаний телесности, в частности, использует фольклорные клише для описания семейного насилия даже в прямой речи персонажей 3) использует в описаниях метафоры, представляющие женщину как природное, иррациональное начало, что характерно как для романтической картины мира, так и для литераторов-символистов; 4) для речевой характеристики женщин часто используется божба (религиозно-нравственные соображения вообще используются для мотивировки поступков женщин).

У автора «Тихого Дона»/Шолохова 1) отсутствуют метафорические клише для выражения внутренних ощущений героев; 2) описания телесности натуралистичны и точны; 3) при описании женских и мужских персонажей используется сближенная лексика, нет метафорического возвышения или напротив, приземления женщины; 4) мотивировки персонажей, в частности, женских никогда не сводятся к стандартизированным в рамках литературного приёма («боязнь греха», стыд и т.д.). Коммуникативная структура диалогов следует социальному и гендерному контексту.

Эти различия подкрепляют мнение о полной оригинальности текста «Тихого Дона» (при возможном заимствовании фабулы у Крюкова или иного лица) и его принадлежности автору с отличными от крюковских идейно-художественными установками и стилем.

Сведения об авторе:

Пахмутова Надежда Юрьевна
аспирант отделения теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета МГУ им. Ломоносова

Е. С. Островская (Москва)
[тема без тезисов:]

«Антология новой английской поэзии»: текст и паратекст

Сведения об авторе:

Островская Елена Сергеевна
к.филол.н., доцент факультета филологии НИУ-ВШЭ
зав. кафедрой английской филологии Института филологии и истории РГГУ

Т. В. Пентковская (Москва)

Предисловие к читателю в первом русском печатном переводе Корана

В 1716 г. в Санкт-Петербурге был напечатан первый русский полный перевод Корана «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий». Этот перевод был выполнен с французского оригинала Андре Дю Риэ 1647 г. «L'Alcoran de Mahomet». Авторство первого из названных переводов связывали с личностью В.П. Постникова, выпускника Славяно-греко-латинской академии, переводчика и дипломата, однако такой идентификации препятствуют ошибки, связанные как с недостаточным владением французским языком, так и со слабым знанием коранических реалий [Пекарский 1862, II: 370; Запольская 1988: 88]. Неискусность перевода 1716 г. свидетельствует, судя по всему, о раннем этапе освоения чужого св. Писания в русской книжной традиции (имелись, однако, и более ранние свидетельства фрагментарного знакомства русского общества с этой священной книгой [Резван 2014: 254–256; Зайцев 2016]).

Этот перевод содержит предисловие «О вѣрѣ турецкой», также переведенное с предисловия французского издания 1647 г. (Sommaire de la religion des turcs). Начало: «Турки вѣрують во едінаго бога и во едіну персону создателя неба и земли...» (Les Turcs croient un seul Dieu en une seule personne, Créateur du ciel et de la terre...). Переводчик предисловия в целом следует за своим французским оригиналом, однако, в отличие от Андре Дю Риэ, он не знаком с арабским языком: при цитировании шахады он опускает ее арабский текст, давая только русскую транскрипцию, приведенную во французском оригинале латиницей.

В некоторых случаях отмечается минимальная переработка, связанная с адаптацией французского текста для русского читателя: Ils ont encore une autre sorte de Religieux vagabonds par le monde, vêtus comme *des foux de ce païs*... – Еще имѣють нѣкакїхъ законніковъ скїтающихся по свѣту, одѣты яко *юроды французскїе*...

Следует обратить внимание на адекватную передачу реалий в этом предисловии-описании. Так, во французском тексте для обозначения культовой постройки используется только родовое понятие *temple*, которое в русском переводе везде передается словом *мечеть*. Это слово фиксируется в источниках уже в XVI в. («Поклонение св. града Иерусалима», 1531 г.) [Сл РЯз XI–XVII вв., вып. 9: 133–134]. В то же время в главе «пути ради ношнаго» (сура 17 الإسراء 'Ночной перенос') в соответствии с франц. *temple* используется слово *костель*: да будет хвала тому который повелѣ своему слузѣ итти въ нощи изъ костела меккіна, въ костель іеросалїмскїи, благословенъ есть сеи костель, и всѣ которые блїзъ его, да бы показати нашъ всемогущества знакъ.

Такое словоупотребление, в свою очередь, опирается на определенную переводческую традицию. Так, в переводе первой половины XVII в., выполненном с польского языка, находим следующий пассаж, в котором лексема *мечеть* обозначает 'культовое здание у язычников': На другой странѣ острова при берегу морскомъ есть невеликая, но довольно цѣлая *мечеть (kościółek)* Венеры («Похождение в Святую землю князя Радивила Сиротки» 1582–1584. Пер. с польск. изд. 1617 г.) [Сл РЯз XI–XVII вв., вып. 9: 134]. Обозначение иноверческого храма оказывается общим компонентом для лексем *костель* и *мечеть*.

Данное расхождение в словоупотреблении между предисловием и переводом глав (сур) Корана является недостаточным для предположения о переводе этих частей разными переводчиками. Различие в словоупотреблении может быть продиктовано и разницей в статусе этих частей в составе целого текста издания.

Зайцев И.В. Из истории перевода Корана на русский язык в XVI–XVII вв.: первый перевод суры «Очищение веры» (1572) // *Ислам в современном мире.* № 2016; 12(2). С. 81–92.

Запольская Н.Н. В. Постников — выпускник Славяно-греко-латинской академии (новые материалы для биографии) // *Cyrrilomethodianum.* 1988. № 12. С. 75–91.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I–II. СПб., 1862.

Резван Е.А. Введение в коранистику. Казань, 2014.

Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 9. М., 1982.

Сведения об авторе:

Пентковская Татьяна Викторовна
д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

А. А. Плетнева (Москва)

[тема без тезисов:]

Архаизмы и библеизмы в политическом языке начала XX века

Сведения об авторе:

Плетнева Александра Андреевна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка РАН им. В.В.Виноградова

С. В. Подрезова (Санкт-Петербург)

Из истории одной мелодии городской песни^[35]

Доклад посвящен вопросам изучения феномена городской песни. Хорошо известно, что рождение многих песен в городской среде представляет собой процесс сложения текста на существующую мелодию (т.е. перетекстовку), либо подбор или сочинение мотива к тексту. Однако такие вопросы, как: принципы выбора мелодии, соотношение текста и напева, механизмы приспособления их друг к другу, а также изменение семантики «транзитного» напева в процессе его перетекстовки и погружения в новый контекст – остаются одними самых из малоизученных. Мы предлагаем рассмотреть эти вопросы на примере напева, широко известного с текстом времен гражданской войны «Комсомольское сердце» (автор – Н. Кооль).

Первоначально эта мелодия получила известность с текстом каторжной песни «Когда на Сибири займется заря», которая во второй пол. XIX – нач. XX в. была популярна в городской и солдатской среде. К этому мотиву генетически восходят мелодии целой серии песен, возникших в начале XX в. и повествующих о недавних ярких исторических событиях: «Под частым разрывом гремучих гранат» («Расстрел коммунаров», переработка матросской песни «Перед смертью» В. Г. Тан-Богораз), «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом» (посвящена событиям 9 января) (см.: Друскин 2012: 437–438). В 1924 г. Н. Кооль использовал мелодию известной ему каторжной песни (типичная для тех лет ситуация) для создания песни «Там вдали за рекой» (в первоначальном варианте: «В селе за рекой загорались огни»), которая получила широкое распространение среди бойцов Красной армии (Шилов 1955: 91–93), а впоследствии стала одним из официальных песенных символов гражданской войны и революции. В начале 1931 г. на тот же мотив ленинградскими уличными певцами была сложена песня-хроника о трамвайной катастрофе, произошедшей 1 декабря 1930 г., которая звучала на рынках,

дворах и городских улицах (Комелина, Лурье, Подрезова 2013: 255–256, 312–313). На тот же мотив сосланные в Архангельскую область (в 1930 г.) раскулаченные саратовцы сложили песню «Закинут, брошен я в Северный край» (см.: Лобанов 1994: 37–38). Близка ей и песня «Крутится, вертится шар голубой», получившая известность благодаря кинотрилогии о Максиме Л. З. Трауберга и Г. М. Козинцева. Наконец, зерна напева этого типа прорастают в целом пласте песен времен Великой отечественной войны, городских романах и авторской песне советского времени, что еще раз подтверждает широкое ассоциативное поле данной мелодии.

Большинство перетекстовок отличает фабульность, острый политический или социальный тон повествования, наличие трагической развязки. Все перечисленные тексты имеют трехсложные стиховые размеры. Можно отметить и типовые ситуации бытования песен с этой мелодией: в тюремной, солдатской, военной, низовой уличной среде, среди вынужденных переселенцев.

Другой случай – приспособление этого напева к письменному тексту – встретился в д. Бекренье Краснохолмского района Тверской области участникам фольклорно-этнографической экспедиции Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.^[36] В 2018 г. Ю.Ю. Калмыковой и А.В. Зубаревой был записан духовный стих «Царица небесная», который исполняется в одном из важных этапов похоронного обряда – во время ночного бдения над покойником. Использование этой мелодии для распевания текста духовного стиха является нетипичным для русской традиции, свидетельствует о расширении контекстного, социального и главное – смыслового поля напева.

Литература:

Друскин 2012: *Друскин М.С. Истории песен // Друскин М.С. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Русская революционная песня / Ред. кол.: Л. Г. Ковнацкая и др.; сост., вступ. статья, материалы, публ. писем и документов, комм. С. В. Подрезовой. СПб.: Композитор · Санкт-Петербург, 2012. С. 382–455.*

Комелина, Лурье, Подрезова 2013: *Комелина Н.Г., Лурье М.Л., Подрезова С.В. Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А.М. Астаховой // Антропологический форум. 2013. № 19 on-line. С. 233–328.*

Лобанов 1994: *Лобанов М.А. Песня раскулаченных // Фольклор и культура ГУЛАГ'а / Сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов. СПб.: Б.и., 1994. С. 36–43.*

Шилов 1955: *Шилов А.В. Новое о старых песнях // Советская музыка. 1955. № 10. С. 88–94.*

Сведения об авторе:

Подрезова Светлана Викторовна
кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник
заведующая Фонограммархивом Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
сотрудник Санкт-Петербургской государственной консерватории,
хранитель фондов Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова СПбГК им. Н.А.
Римского-Корсакова

Д. К. Поляков (Москва)

Центральная Европа как маргинальный локус: на полях одной дискуссии

За наименованием «Центральная Европа» скрывается одновременно несколько феноменов – исторический, культурный, геополитический, языковой: возможно говорить, например, о центральноевропейском языковом союзе или центральноевропейской историко-культурной общности. При этом границы этих феноменов могут не совпадать; не совпадают и границы центральноевропейского пространства с границами государств (ср. западную Украину, румынскую Трансильванию или сербскую Воеводину, по-прежнему сохраняющие черты австро-венгерской культуры). Можно считать, что

границами региона стали границы бывшей Австро-Венгерской империи, в рамках которой и создавалась культурная общность, объединившая славянские и неславянские народы. Общее наследие сформировало и особенную центральноевропейскую идентичность.

Своеобразна ее русская рецепция. Многочисленные тексты (прежде всего травелоги) демонстрируют, что русская оптика оказывается слишком крупной для того, чтобы воспринимать этот регион как самостоятельную культурную общность. (Исключением является научный дискурс, в котором в 1960-х гг. появляется термин «Центральная и Юго-Восточная Европа» (ЦЮВЕ), объединяющий страны и народы по региональному и культурно-историческому критерию). В дискурсе же «обывательском» Европа по-прежнему оказывается разделенной на Восток и Запад, что отвечает геополитической бинарности, сложившейся после Второй мировой войны (вовсе не случайно чех Милан Кундера, давший новый импульс дискуссиям о Центральной Европе в 1980-е годы, именно Ялтинскую конференцию воспринимал как трагедию, разделившую Европу и отнесшую центральноевропейские страны к Востоку, а следовательно, Другому). Впрочем, эта бинарность отвечает и более давнему – появившемуся еще в XIX веке – противопоставлению славян (угнетенных) и германцев (угнетателей), ср. у того же Кундера: «Раздел Европы после 1945 года, объединивший якобы существующий славянский мир (вместе с бедными венграми и румынами, языки которых, конечно, не славянские – но стоит ли волноваться по пустякам?) показался решением почти естественным» (М. Кундера. Трагедия Центральной Европы).

Наиболее показательна в дискуссии о Центральной Европе писательская конференция в Лиссабоне (1988 г.) с участием русских и европейских литераторов, обнаружившая практически полную невозможность коммуникации об этом регионе из-за... отсутствия *tertium comparationis*: Центральной Европе как особому феномену не было места в сознании русских писателей, ср. цитату из выступления Т. Толстой там же: «Мы привыкли противопоставлять Восток и Запад, но вы вводите более тонкое разграничение, как будто Центральная Европа – отдельное явление. Повторяю, мы мыслим литературу в связи с языком, вот и все. (...) И я не хочу говорить о Центральной Европе. Я хочу говорить о литературе Польши, Чехословакии, Югославии, Албании и что там еще».

В докладе будут рассмотрены как типичные черты такого дискурса, так и причины, вызвавшие его.

Литература

Кундера М. Трагедия Центральной Европы: пер. с англ. // Режим доступа: <https://www.proza.ru/2005/12/16-142>.

Лиссабонская конференция по литературе. Русские писатели и писатели Центральной Европы за круглым столом // Звезда. 2006. № 5. Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/zvezda/2006/5/se8.html>.

Сведения об авторе:

Поляков Дмитрий Кириллович
кандидат филологических наук
доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований
Института филологии и истории РГГУ

Е. А. Потехина (Ольштын)

Старообрядцы в Польше: история исследований

Феномен старообрядчества в разных его измерениях неизменно привлекает внимание ученых, причем не только в России, но и за рубежом. Вместе с тем следует отметить, что история исследований старообрядческой культуры (обычаев и традиций), а также языка, которым пользуются старообрядцы, проживающие за границей, например, в

Польше, представляет хронологию межкультурного диалога, который проводился в течение почти двух столетий и сам по себе феноменален. Необычность его заключается в том, что старообрядцами интересовались и пытались их изучать не только ученые-профессионалы, слависты, русисты (о таких исследованиях можно говорить только начиная со времени после Второй мировой войны), но и представители церкви и администрации по новому месту жительства, зачастую не только не знавшие русского (а тем более церковнославянского) языка, но и никогда прежде не сталкивавшиеся с российскими крестьянами и с лицами православного вероисповедания вообще.

В докладе будет обращено внимание на содержание ставших классикой немецких источников, большая часть которых в настоящее время доступна в Интернете, а также охарактеризованы исследования польских ученых. Тема межкультурного диалога в научных публикациях показалась автору особенно интересной в связи с подготовкой к изданию в русском переводе монографии Эугениуша Иванца «Из истории старообрядцев в Польше в XVII-XX вв.» (Варшава, 1977).

Потехина Елена Александровна
доктор гуманитарных наук (языкознание), профессор, заведующий сектором славянского
языкознания Варминско-Мазурский университета в Ольштыне (Польша)

А. В. Птенцова (Москва)

Книга, найденная в чулане: календарь деревенского коммуниста на 1926 год (лингвистические и экстралингвистические наблюдения над текстом)

Доклад представляет собой некоторые наблюдения над случайно обнаруженным при ремонте дома «Календарем деревенского коммуниста на 1926 год» (издательство «Московский рабочий»), который заслуживает внимания в качестве типичного документа эпохи.

Будет описана структура «Календаря» (табель-календарь с отсчетом дней недели по старой системе – начиная с воскресенья, так как издание появилось задолго до указа 26 июня 1940 г.; разметка на год дней отдыха – «революционных» и «бытовых»; указание годовщин различных событий и список имен «по святцам» на каждый день года – например, 23 марта, вторник: «1917 – Постановление Ленинградского Совета о введении 8-часового рабочего дня. Никон, Ультиматум, Лидия, Пелагея, Виктория»; «Общий отдел», состоящий из политических статей типа «Основные моменты политики партии в деревне», специализированных типа «Начальные сведения по агрономии» и научно-популярных типа «Мир, в котором мы живем»; рекламные врезки и др.)

Предполагается описать некоторые характерные лингвистические особенности текста – орфографические (ср., например, написания *сельско-хозяйственный*, *Константиновские Стекольные и Химические заводы им. «Октябрьской революции»*), словообразовательные (ср. свойственные данной эпохе сложносокращенные слова типа *Ульсуктрест* – Ульяновский трест по продаже суконных изделий), синтаксические (ср. *Химические заводы им. «Красное знамя»*), стилистические (ср. ... *постоянный приток дешевой рабочей силы, безропотной и покорной, откуда он [капиталист] может черпать пушечное мясо для своих завоевательных целей*).

Сведения об авторе:

Анна Владимировна Птенцова
к.ф.н., МГУ, филологический факультет, доцент

Е. Э. Разлогова (Москва)

Об этноцентризме в переводах на французский язык: нарушения нарративного изоморфизма^[37]

Обнаружение нарушений изоморфизма в параллельных текстах является одной из основных областей исследования переводоведения. Сюда относятся: констатация невозможности изоморфной передачи грамматических и лексических особенностей оригинала, обнаружение ошибок и неточностей в переводе, а также описание вполне осознанных отклонений, связанных с той или иной переводческой доктриной.

Нарушения изоморфизма параллельных текстов на уровне грамматических категорий и их значений и/или синтаксических структур, а также на уровне лексики являются неизбежными в силу различия языков. Его частичное сохранение возможно между близкими языками. В случае существенных расхождений, когда один язык воспринимается как «экзотический» по отношению к другому, изоморфизм может быть сохранен в наибольшей степени на уровне нарратива: его проявления на других уровнях могут быть сведены к минимуму.

Но нарушения изоморфизма на всех уровнях могут носить и избыточный, не вызванный языковой необходимостью характер. Нас будут интересовать именно такие случаи в области нарратива.

Нарушения нарративного изоморфизма были в высшей степени характерны для переводов на французский язык в XVII-XVIII вв. В этот период во Франции много переводились античные авторы, а в XVIII стали популярны и переводы с английского.

Тексты переводов должны были соответствовать тем же правилам, что и оригинальные литературные тексты на французском языке. В качестве главного требования фигурировали ясность и изящество изложения. Но были и более специфические рекомендации. Так Перро д'Абланкур, (1606 – 1664) который в течение примерно 30-и лет был самым авторитетным переводчиком во Франции, в предисловии к своему переводу «Правдивой истории» Лукиана Самосатского (1654) пишет, что он не переводил эпизоды, наносящие урон морали, опускал или заменял пословицы, образные сравнения, «которые оказывали обратное воздействие на читателя». Лукиан, по его мнению, слишком часто цитировал Гомера, который звучал неактуально («des citations..., qui seraient maintenant des pédanteries»), эти цитаты опускались. А Антуан Удар де Ламотт в своем переводе «Илиады» Гомера из 24-ех песен сделал 12, полностью реструктурировав текст, чтобы он стал приемлемым для современников. Для этого периода характерно критическое отношение к переводимым античным текстам, которые ранее воспринимались как сакральные, а также их очень существенная переработка при переводе. В отличие от позднего Возрождения, когда статус переводчика был очень низок и в нем видели старательного, но лишённого творческих способностей человека, в XVII-XVIII вв. переводчик становится полноправным соавтором античных авторов, продолжающим работу над текстом оригинала в другой языковой и культурной среде. Французский язык и культура впервые в истории были признаны равней или даже превосходящими языки и культуры Античности. Такого рода установки характерны для этноцентризма. Французские нормы письма и композиции были возведены в ранг института практически на государственном уровне (создание при участии Ришелье Французской академии). В этот период этноцентризм проявился в переводе в своей наиболее яркой как по массовости, так и по длительности форме. Такие переводы получили в XVII в. название «les belles infidèles», или переводами во французском стиле (в частности, у Гёте), однако такая тенденция прослеживалась повсюду и во все времена, но

не в столь завершенной и явной форме. Нарушения нарративного изоморфизма в этих переводах очень заметны.

Переводы с английского в XVIII веке (театр Шекспира, поэзия, романы) также выполнялись в духе этноцентризма. Пьесы Шекспира пользовались успехом во Франции в адаптированной форме, часто с измененной нарративной составляющей: «Ромео и Джульетта» (1775) и «Король Лир» (1783) в интерпретации Жана-Франсуа Дюси очень сильно отличались от оригиналов.

Для более поздних французских переводов также характерно проявление нарративного этноцентризма: Амадэ Пишот, французский переводчик романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд», в первом издании исключил двух персонажей из повествования, а в третьем (1857 г.) сократил некоторые сцены и изменил характеры других персонажей [Garnier 1985: 59-60].

Несоблюдение нарративного изоморфизма характерно и для переводов на русский язык в различные периоды. Так, например, первый перевод «Madame Bovary» Г. Флобера (анонимный перевод 1858 г.) короче оригинала на треть – из него были исключены в основном слишком смелые для того времени любовные сцены, сокращены некоторые описания. Но сам перевод выполнен в духе буквализма, с высокой степенью синтаксического и лексического изоморфизма. Для переводов Советской эпохи характерно в основном несоблюдение лексического и синтаксического изоморфизма: советская школа перевода формировалась в борьбе с буквализмом. Нарративные отклонения у её представителей имели место, хотя, быть может, и не столь существенные в отношении композиции: требования предъявлялись в основном к качеству литературного языка. Как в классическую эпоху во Франции, так и в Советское время (в пятидесятые годы и позднее) существовали цензура и самоцензура как форма несоблюдения нарративного изоморфизма. Но мотивации были различны: в первом случае это была католическая мораль и «красота» текста, во втором, идеология и мораль социалистическая.

Не все нарушения изоморфизма параллельных текстов в области нарратива связаны с этноцентризмом: непонимание исходного текста, например, может приводить к аналогичным эффектам (пропускам, неизоморфным заменам). В то же время с этноцентризмом связаны не только нарушения нарративного изоморфизма, но и другие его формы, будь то в области лексики, синтаксиса, стилистики, на структурно-пунктуационном уровне и др.

В рамках этноцентризма нарушения могут касаться разных аспектов нарратива в большей или меньшей степени: наиболее существенными и заметными являются несоответствия в составе и порядке изложения содержательных составляющих повествования. Менее существенными можно считать часто практикуемые изменения характеров персонажей. Несоблюдение нарративного изоморфизма может выражаться и в изменении фокализации, статуса повествователя. К явлениям того же порядка можно отнести, например, преобразование прямой речи в косвенную или несобственно-прямую и наоборот, хотя в этом случае речь идет не столько о содержании, сколько о форме нарратива.

Сведения об авторе:

Разлогова Елена Эмильевна
ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ

А. И. Резниченко (Москва)

П.А. Флоренский как «маргинал»: трансцендентное, трансцендентальное, кругом, возможно, Бог

В рамках настоящего доклада речь пойдет о текстах Флоренского, безусловно, маргинальных по отношению к вершинам творчества знаменитого мыслителя – «Столпу» и «Водоразделам». Речь пойдет не просто о Лекциях о Канте (1910–1914) и Каббале (осень 1915) – в разных аудиториях нам приходилось говорить о них не раз. Речь идет о многочисленных заметках, выписках, пометах, примечаниях на отдельных листках разного формата, примыкающих к отложившемуся в архиве семьи Флоренских корпусу лекций. По жанру эти фрагменты довольно различны; это и выписки из источников, и постраничные конспекты на разных языках с «размышлениями», и многочисленные схемы, рисунки, диаграммы, графики, вычисления и таблицы, которые требуют отдельного изучения и осмысления (как и рисунки Андрея Белого, к примеру).

Из всего этого маргинального богатства нас будут интересовать заметки особого рода – в виде коротких (максимум две-три страницы, а чаще всего – несколько строк) записей на определенные темы, связанные с предметом актуальной на тот момент для Флоренского мысли^[38], – по жанру наиболее близкие к розановским «Опавшим листьям», но, в отличие от «Листьев», не предназначавшиеся для публикации (в 1915–1916 гг. Флоренский, вместе с С.Н. Булгаковым и А.С. Глинкой-Волжским, предприняли попытку отговорить Розанова от публикации последующих за «Опавшими листьями» заметок. Розанов сначала согласился – а потом поступил по-своему, благодаря чему мы все-таки имеем «Апокалипсис нашего времени»). Эти записи «для себя» уже Флоренского имеют огромное значение для анализа и интерпретации и самих Лекций (о Канте и Каббале) (самих по себе достаточно маргинальных) – и общеизвестных и общепринятых уже теперь, и хорошо изученных «Столпа» и «Водоразделов». Основные темы и сюжеты Флоренского, которого не случайно называют философом *границы*, балансируют буквально на грани общепринятого и маргинального: отношение к современной ему философии (и мировой, и русской); к новоевропейской культуре; к музыке и ритму; спиритизму; к иудаизму; к сексуальности; к власти; – ко всему тому, что «мы хотели знать о Флоренском, но стеснялись спросить» – проговорены, в отчетливой и лаконичной форме, в этих заметках, текстах «на грани художественного». Приведем здесь краткий перечень этих заметок.

К «Лекциям о Канте»: «Кант и революция» (1910. V. 18) – «Начало лекций» (1910. VIII. 25, перед самым венчанием^[39]) – «...Вы хорошо знаете, что Кант не понимал и не любил музыки...» (1911. II. 10) – «Что такое Кантовская “Критика чистого разума”, да и все “Критики”?...» (1911. II. 14–15) – «Кант терроризировал мир бомбой, подброшенной ко подъезду опыта...» (1911. III. 10) – «<Об измерении>» (1911. XI. 30) – «У Канта и Платона – все устремлено...» (7.III.1914).

К «Лекциям о Каббале»: Sopher la Zohar. Заметки при чтении. (Переписал 1917. XI. 7.) – [Имена] «Иаков». Выписки из: А. Глаголев. Ветхозаветное учение об ангелах, с примечаниями. – Выписки из: *Wilhelm Geigenius. Hebraistes...* и др., (1917. XII. 6), с примечаниями. – Выписки из: *Гевлок Эллис. Мужчина и женщина*, с примечаниями. – «Символика числа у бл. Иеронима» – «Символика буквы Н. – начало, зародыш...» (1918. IV. 5) – «Удивительна инструментовка церковных песнопений...» (1918. V. 3) – «Когда шепчутся, то слышится свист...» (1921.VII. 23) – «... Ада нет!...» (б/д) – «Ночной свет» (б/д) – «Каббала. История науки. Слово “Элемент”...» (б/д) – «Есть иудеи; есть евреи, есть жида...» (1921. XII. 30) – «1. Западная хищническая культура одинокого человека...» (б/д) – с Приложением «Диаграммы всемирной жизни» по Папнусу (илл.)

Анализ этих заметок, формулировка базовых положений и вытекающие отсюда выводы составляют основную цель и сопутствующие задачи настоящего доклада.

Доклад будет сопровождаться обильным иллюстративным материалом.

Сведения об авторе:

Резниченко Анна Игоревна
доктор философских наук, профессор РГГУ
ведущий научный сотрудник МБУК МОК «Мемориальный дом-музей С.Н.Дурылина»

О.Г. Ровнова (Москва)

[тема без тезисов:]

**«Погреть по силулару»: современные средства связи в быту и языке старообрядцев
Южной Америки**

Сведения об авторе:

Ольга Геннадьевна Ровнова
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИРЯ РАН

М. И. Рухмаков (Москва)

**Эпистолярная полемика «путейцев» (С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, М. К.
Морозова) вокруг предисловия к сборнику памяти Владимира Соловьева**

В феврале-марте 1910 г. при финансовой и организационной поддержке издательницы и мецената Маргариты Кирилловны Морозовой и активном участии крупных членов Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева: С.Н. Булгакова, кн. Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн – создается книгоиздательство «Путь». В нем печатались как сочинения современных философов Н.А. Бердяева, Л.М. Лопатина, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, так и работы ярких мыслителей прошлых лет: И. Фихте, П.Я. Чаадаева, Б. Спинозы, И.В. Киреевского, В.С. Соловьева и др. «Путь» поставил себе задачу на страницах изданий отвечать на вопросы об историческом призвании и значении России, ее духовном и социальном облике.

Однако уже на старте работы книгоиздательства начали возникать проблемы, вызванные идейными расхождениями среди редакторского ядра (в него вошли М.К. Морозова, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Г.А. Рачинский и В.Ф. Эрн), прежде всего в оценках славянофильства и национальных особенностей русской мысли. Основным инициатором конфликта стал Е.Н. Трубецкой, выступивший с осуждением «неославянофильских» черт богоискательства С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева.

Так, в начале 1911 года на страницах писем и телеграмм развернулся горячий спор вокруг редакционного предисловия к сборнику статей «О Вл. Соловьеве», которое должно было раскрыть цели и программу только что организованного книгоиздательства. Основная часть дискуссии, о которой и пойдет речь в докладе, сохранилась в личной переписке М.К. Морозовой и Е.Н. Трубецкого. Высказанные Е.Н. Трубецким колкости и замечания представляют исследовательский интерес в свете его последующей заметной критической публикации 1912 г. «Старый и новый национальный мессианизм» и в целом в контексте дискуссий о национализме в России начала XX века.

Сведения об авторе:

Рухмаков Матвей Игоревич
Философский факультет МГУ
студент IV курса

Л. Н. Рягузова (Краснодар)

«Слово» в эпистолярном дискурсе В. Набокова: функционально-семантический аспект («Письма к Вере»)

В. Набоков утверждал: писателю «следует видеть мир», визуализация его художественной картины мира стала общепринятым теоретическим положением, менее изучен «слышимый», «говорящий» мир автора. Слово писателя моделирует реальность, озвучивает ее с помощью речевого действия, сопроводительного жеста, мимики. Письма, интервью, эссе расширяют представления о характерологических функциях слова, однако их материал, как правило, не рассматривается из-за отрицания автором эстетического феномена эго-документальной литературы. «*Маскарад, болезни, тени слов*» преломляются в творческом сознании писателя. Эти слышимые, недосказанные, неразборчивые слова сопровождают процесс говорения. «*Слово не могу написать, чтобы не слышать, как произносишь его ты*», – пишет он жене (2, 56); «*Есть вещи, о которых трудно говорить – сотрешь прикосновением слова их изумительную пыльцу*» (2, 53). «*Здра-авствуй (тихо и мягко) – такое слово-подушечка*» (2, 63). Писателя томят «*крохотные словесные кошмары*», восхищает «*божественное косноязычие*» Пруста (2, 125). (Ср.: «*гениальное бормотание*» Гоголя). Между говорением и молчанием существует целая гамма промежуточных форм, имеющих индивидуально-авторское стиливое выражение: от мычания, заикания, болтовни, бессвязного бормотания, «драматизации бреда» (А. Бем) до словесных инвектив, каламбуров, «препарирующих» слово. Например: «*крестословица – игра, приятно писать слово, которое сам создал*» (2, 137). «*Утверждают, что танцем можно выразить бесконечность. Я возразил, что нельзя танцевать без конечностей*» (2, 141).

В докладе представлена параллель «шум / звон». Набоков настойчиво говорит о своей амузыкальности, имея в виду громкую музыку («*нагромождение варварских звучаний*») как олицетворения пошлости («*человеческий гам*»). Приемлем только шум литературного торжества и признания: «*зала не хотела смолкать, орала “бис” и “браво”*» (2, 102). «*Чтение было посередине перетянута пояском аплодисментов, а в конце был совсем большой и добротный шум*» (2, 271). Иное дело «*тихий шум*» родины, едва различимые оттенки между словом и «*шепчущими звуками*». Чуден также «*гул небесный*» поющего аэроплана, его «*бархат громовой*» (143). Прохожий замер, смотрит на его полет: «*Губы слушают и плечи: / тихий сумрак человечий, / обращенный в слух. / Неземные рдеют звуки...*» («Аэроплан», 1926) (2, 144). М. Мамардашвили не случайно определил главную проблему художественного восприятия XX века как проблему видения: чем мы, собственно, видим и слышим, каким образом активная энергия интеллекта может созидать действительность, постигать ее: «Все эксперименты в романе, в живописи могут быть поняты как реализация понимания того, что нам действительно нужны какие-то "органы", чтобы видеть и понимать, и эти "органы" не совпадают с теми, которые даны нам природой» (1, 273). Форма, как материальное устройство, сцепление элементов, сама обладает энергетической силой чувствительности, позволяющей нам видеть невидимое: динамику, которая создается соотношением форм. (Ср.: у Набокова «*слуховое мелькание*», «*тянет холодной тишиной*», «*коричневый в красную клетку оперный голос*» и др.).

Магия слов, инспирация («их божественный укол») у писателя уравнивается мотивом ремесла, тяжелого труда по добыванию нужного слова. В письмах звучит тот же постоянный мотив: адресант признается, что переживает «*настоящие филологические романы*», когда по месяцу – и даже больше – он носится с одним определенным словом, нежно облюбовав его» (2, 74). В докладе проводится аналогия между поэтико-ремесленными соответствиями (*тканьем, плетеньем, плотничаньем*) в раскрытии темы творчества в письмах («*придется подпилить и лакировать всю вещь*») и «*мастерской слов*» в романе «Дар».

Особо рассматривается тема эмигрантского бытия (эпистолярные портреты эмигрантов, «выходцев из прошлого»). Речевой рисунок героя получает жанровое обозначение (как особый тип высказывания): житийное письмо (описание завтрака у «*святых Кянджунцевых*»), деловое письмо с канцеляризмами и цифрами, бухгалтерией (посещение Вишняка). Наконец, эпос: «*От Вишняка поехал к Левинсонам, и тут нужно круто изменить тон повествования. Начинается эпос*». Среди роскошной квартиры в красном халате величественно восседает в креслах глава семейства и «*цедит, смакует, взвешивает слова. Взвешиванье длится иногда с полминуты, при этом лицо принимает брезгливо-надменное выражение такого упитанного римского проконсула*». Речь жены («*вступает скрипка*»), «*невьеносимо говорливая перескакивает со слова на слово, будто объезжая с наскока, вставляет предполагаемый ответ в уста собеседника*». «*Сам говорит о себе как о старшем друге. Небольшая фраза продолжается минут пять*». Дополняет впечатление об эпичности сравнение со Львом Толстым (так обращается к нему жена в его же присутствии и «*при этом его тяжелые веки торжественно-благоклонно опускаются*») (2, 219 – 220).

По словам В. Набокова, он единственный эмигрант в Берлине, который пишет к своей жене каждый день. Тон и стиль писем, эмоционально-оценочные коннотации концепта непредсказуемы: «*милый письмыш*», «*мозаичное письмо*», «*письма – прикосновенья*», «*петли невода-письма*», «*эпистоляррики*», «*письма – волокитно-канцелярские отчеты*» и др. В докладе проводится аналогия «путешествия письма» и истории жизни карандаша в романе «Прозрачные вещи». Таким образом, письма служат творческой лабораторией писателя. Они содержат компендиум тем и мотивов, дополняющих и расшифровывающих процессы коммуникации и творчества, вопреки авторскому неприятию жанров фактуальной литературы («человеческого документа»), ярко демонстрируя интермедальность его художественного восприятия и личную «привычку чужого бытия» (3, 272).

Литература

Мамардашвили М. Лекции о Прусте. – М.: Ad marginem, 1995. – 548 с.

Набоков В. Письма е Вере. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.

Набоков В. Строгие суждения. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 416 с.

Сведения об авторе:

Рягузова Людмила Николаевна
д. филол. н., проф. Кубанского государственного университета

Ирина Савкина (Тампере)

«Своя среди чужих, чужая среди своих»: мемуары Айно Куусинен «Господь низвергает своих ангелов»

Мемуары финской коммунистки, жены известного советского политического деятеля Отто Куусинена, сотрудницы Коминтерна, резидента советской разведки в Японии, узницы Гулага Айно Куусинен (1988-1971) «Господь низвергает своих ангелов» были написаны в 1965 году и изданы после смерти автора в 1972 году на немецком и на финском языках. В русском переводе воспоминания были изданы в Петрозаводске издательством «Карелия» в 1991 году.

Сама мемуаристка говорит о своих мемуарах как о свидетельстве выжившей и способе «отомстить тем, кто отнял у меня свободу». Мемуары Куусинен рассматриваются и используются как финскими, так и русскими историками как источник сведений о

деятельности и деятелях Коминтерна, Отто Куусинене, Рихарде Зорге, о судьбе финнов, по разным причинам оказавшихся в Советском Союзе и т. п.

Центром внимания в докладе будет другой аспект: рассмотреть текст не как *testimonium* – свидетельство (достоверное или нет), а как авто(био)графию, поставить вопрос о специфических способах создания нарративной идентичности в воспоминаниях с установкой на свидетельствование, описание лиц и событий, а не собственной персональной истории и проанализировать, как конструируется в избранном тексте авторское Я, идентичность пишущей в идеологическом, национальном и гендерном аспектах.

Ключевыми категориями в этом анализе будут понятия своего/иного/чужого, имитации и подлинности.

Сведения об авторе:

Ирина Савкина, доктор философии
кандидат филологических наук
университетский лектор отделения русского языка, литературы и перевода
Тамперского университета, Финляндия

С. Ю. Семенова (Москва)

О некоторых стандартных и маргинальных моментах, связанных со словом *логика*^[40]

Для слов, функционирующих как общелексические единицы и как термины, актуален вопрос о мере отражения терминологических употреблений в общем словаре. Речь идет о слове *логика*, вошедшем в общий лексикон в результате очевидной детерминологизации названия научной отрасли.

В русском АОТ-ориентированном семантическом словаре РУСЛАН, модернизация которого осуществляется под руководством автора в настоящее время [5], в первую очередь отражаются общие употребления — публицистические, бытийные: *Давайте ... прочертим ... логику выбора приоритетов для России*. [Д. Медовников, А. Фурсенко. Научные нужды страны // «Эксперт», 2014 /НКРЯ].

Но и терминологические употребления, относительно представительно подтвержденные данными НКРЯ, тоже описываются (как отдельные лексемы): ... *Буль создал алгебру, позволившую перевести на строгий математический язык формальную логику Аристотеля*. [«Знание - сила», 2010 /НКРЯ]. При представлении в общем словаре слова *логика* как термина (как и других слов, имеющих значимые для общего дискурса терминологические употребления) целесообразно ориентироваться на вузовский уровень и на уровень научно-популярного текста (нежели на узко-профессиональные сочинения). Это касается, в частности, отражения терминологических сочетаний. Так, в словаре РУСЛАН приводятся некоторые термины «верхнего» уровня предметной области (*математическая логика, логика высказываний*) и не упоминаются более специальные термины (*паранепротиворечивая логика* и др.).

Имеются общелексические употребления, показывающие, что слово *логика* относится к именам неколичественных параметров (у которых валентность значения параметра принимает форму валентности содержания): *Чтобы постичь логику Александра Павловича, придется ... отвлечься от ... представлений XX века...* [А.Архангельский. Александр I (2000) /НКРЯ].

Один из маргинальных моментов — наличие (и представительность) общей (т.е. нетерминологичной) лексемы, обозначающей сущность, не зависящую от человеческого

сознания и лишь наблюдаемую и «разгадываемую» человеком. При том, что исходное понимание логики – виталистическое, связанное с деятельностью разума: «наука о законах и операциях правильного мышления» [2], есть фундаменталистские (или мистические) употребления, служащие результатом «приписывания» логики некоторым внешним субстанциям и процессам, аналогичного приписыванию смежности, отмечаемому в семиотике; ср.: *логика событий / развития / жизни / судьбы* и т.п. (*События легче развязать, чем остановить, и логика событий сильнее логики людей* [Г. Бакланов /НКРЯ]). В таком приписывании можно усмотреть и метонимический, и метафорический механизмы. Соответствующая «мистическая» лексема также отражена в словаре РУСЛАН.

Любопытным (и в своем роде маргинальным) историческим фактом представляется то, что логика входила в круг советских школьных дисциплин на рубеже 1940-х—1950-х гг. [1], но затем, во второй половине 50-х, оказалась утраченной для среднего образования — по-видимому, вследствие известного пересмотра идеологического контекста; т.е. она оказалась в роли ребенка, выплеснутого с водой.

Еще один момент — ассоциативный, мемуарный, связан с личностью Феликса Александровича Кабакова (1927—2008), ученого, педагога, художника, одного из авторов математического учебника для лингвистов [3], многие годы преподававшего математическую логику в МГПИ (ныне МПГУ). Его облик запечатлен в [4] и в благодарной памяти многих бывших студентов.

Литература

1. Виноградов С.Н., Кузьмин А.Ф. Логика. Учебник для средней школы. М., 1954.
2. Горский Д.П. и др. Краткий словарь по логике. М., 1991.
3. Кабаков Ф.А., Петров И.М., Френкель В.И. Математика для лингвистов : Учеб. пособие. М., 1973.
4. Кушнер Б. Семь часов в Одессе // Семь искусств, 2015, №1 (59) <http://7iskusstv.com/2015/Nomer1/Kushner1.php> (дата доступа: 21.02.2019).
5. Семенова С.Ю. Об использовании данных Национального корпуса русского языка для иллюстрирования статей компьютерного семантического словаря // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2017». СПб., 2017. С.321-324.

Сведения об авторе:

Семенова Софья Юльевна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник ИНИОН РАН, доцент РГГУ

А. А. Сенькина (Санкт-Петербург)

Педагоги как писатели, писатели как педагоги: литературные карьеры в школьных книгах для чтения 1860-х — 1910-х гг.

Российская реформа образования 1860-х гг., которая сопровождалась пересмотром старых и составлением новых учебников, вызвала небывалое оживление в издании так называемых *книг для чтения* – учебных пособий для начального обучения детей. В отличие от хрестоматий по словесности, включенные в эти издания тексты носили утилитарный образовательный характер: книги для чтения предназначались для отработки навыков чтения, письма и устной речи, а также должны были сообщать школьникам «элементарные сведения» о мире. В первой половине XIX века содержание русских книг для чтения мало чем отличалось от европейских аналогов, иногда к основному учебному тексту составители добавляли фрагменты из художественных произведений отечественных авторов (в основном это были басни Крылова и Дмитриева). В

пореформенное время в книгах для чтения значительно увеличивается количество фрагментов из произведений признанных писателей.

В то же время, наряду с художественными фрагментами, педагоги-составители стали включать в книги для чтения и тексты, написанные ими самими специально для решения тех или иных методических или задач. Некоторые из них становились «популярными» в педагогической среде и перепечатывались из учебника в учебник, обретая статус хрестоматийных и в узком, и в широком смысле этого слова. К примеру, прозаические тексты Ушинского оказались не менее востребованы составителями, чем стихотворения Пушкина, и моментально разошлись по другим книгам для чтения. Более того, сборники таких текстов выходили и вне учебного формата — отдельными детскими изданиями.

В то же время происходил встречный процесс — известные литераторы выступали в качестве составителей книг для чтения, наполняя их текстами собственного авторства. Самый известный, но далеко не единственный пример — книги для чтения Л.Н.Толстого.

Таким образом, учебная книга для начальной школы — заметим, самый многочисленный и массовый учебник — превращалась в своеобразное поле, подвизаясь на котором, педагог мог обрести статус известного писателя, а писатель — уважаемого педагога. В этом поле, располагающемся, казалось бы, на далекой периферии литературного процесса, складывались репутации и карьеры, появлялись свои мэтры, создававшие авторитетные образцы, свои ремесленники и эпигоны, эти образцы воспроизводившие или подражавшие им. Как учебник производил из педагогов писателей, а из писателей педагогов, мы рассмотрим на примере траекторий конкретных текстов К.Ушинского, В. Водовозова, Л. Модзалевского, Л. Толстого, К. Лукашевич, В. Вахтерова и др.

Сведения об авторе:

Сенькина Анна Александровна
кандидат филологических наук, независимый исследователь

Е. Г. Серебрякова (Воронеж)

Становление идентичности «диссидент» в ходе петиционных кампаний 1960-70-х годов

В ряду социальных акций либеральной советской интеллигенции 1960-70-х годов особое место занимали петиционные кампании в защиту нонконформистов, подвергнутых судебным преследованиям. Из повседневно-будничного поведения данная акция переводила ее участника в сферу социально-гражданскую, наделяла статусом активного деятеля общественных процессов. Анализ «писем протеста» позволит не только оценить стереотипы массового сознания и поведенческие клише советского интеллигента, ориентированного на демократические ценности, но и выявить динамику самосознания, проследить формирование идентичности «диссидент». Материалом исследования послужили письма трех петиционных кампаний: суда над Бродским, «дела Синявского и Даниэля», «процесса четырех».

Первым двум процессам был изначально дан «литературный» характер: арестованные должны были держать ответ за неправильное поведение советских писателей: Бродский — за тунеядство, Синявский и Даниэль — за публикацию под псевдонимами за рубежом антисоветских произведений. Это сказалось на системе аргументов защиты, найденных друзьями арестованных. Авторы писем, преимущественно художественная и научная интеллигенция, акцентировали профессионализм и талант фигурантов дел, настаивали на недопустимости применения к ним определения «антисоветчик». В ходе «дела Бродского» авторы использовали риторику защиты, подчеркивая собственную лояльность власти. В «деле Синявского и Даниэля» к защитной риторике добавилась «правозащитная», хотя в

целом юридическая терминология звучит в письмах редко, преобладает этическая мотивация. Общая интонация посланий взволнованная, но сдержанная. Риторика выдержана в категориях этикета. Адресат и автор существуют в одном аксиологическом поле, демонстрируют мировоззренческое единство.

«Процесс четырех» продемонстрировал углубившееся отчуждение либеральной интеллигенции от власти, изменения в поведенческой тактике и риторических тропах. География оппозиционных настроений расширилась: кроме Москвы и Ленинграда в протестную деятельность включились Латвия, Украина. Петиционную кампанию составили преимущественно коллективные петиции, составленные правозащитниками, протестующими против ареста Гинзбурга, Галанскова, Лашковой и Добровольского, а также «националистами», «религиозниками», выступившими единым фронтом. Коммуникативным событием в письмах выступил не только «процесс четырех», но и хронологически совпавшие с ним аресты инакомыслящих в других регионах страны (Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Ивано-Франковске). Так «несогласные» не только отстаивали претензии на легальность, но и претендовали на союзный размах, заявляли о массовости оппозиционных настроений.

Портрет коллективного автора протестных писем в деле Синявского и Даниэля и «процессе четырех» сохранил некоторую общность: неизменной осталась апелляция к авторитету русской литературы и истории освободительного движения, этическая аргументация. Однако преобладала юридическая аргументация, что свидетельствует о сформированности правозащитного самосознания в среде нонконформистов. Коллективный автор стремится дискредитировать власть, продемонстрировать собственную непримиримость, стимулировать протестную активность соотечественников и получить поддержку из-за рубежа.

Таким образом, в ходе петиционных кампаний сообщество нонконформистов отработывало навыки рефлексии, производило самоидентификацию по модели «диссидент», формировало тактику социального поведения.

Сведения об авторе:

Серебрякова Елена Геннадьевна
доц. каф. истории философии и культуры
Воронежского государственного университета

С. Е. Сидорова (Москва)

«Невидимые» и «неслышимые»: слуги в англо-индийских дневниках и травелогах XIX в.

В гуманитарных науках последнего десятилетия особую актуальность приобрела тема (у)служения/обслуживания, а в фокусе междисциплинарных штудий оказалась малоисследованная социальная группа слуг. Часто «невидимые» в исторической и социокультурной ретроспективе/перспективе исполнители хозяйской воли обеспечивают ежедневное рутинное бытование индивидов и групп людей, а также бесперебойное функционирование различных механизмов и институтов — от семейных до общественных и государственных.

В предлагаемом докладе указанная проблематика рассматривается в пространстве дома/домашнего хозяйства, а именно английского колониального домовладения в Индии XIX в. В центре внимания — повара и *кхитматгары* (официанты в домах и повара во время передвижений), обеспечивавшие, по выражению одной английской хозяйки в Индии, Анни Флоры Стил, «половину комфорта» жизни европейцев в колонии.

Ответственные за рацион и приготовление пищи эти слуги были одними из ключевых фигур в быту.

Изучение темы осложняется маргинальным местом, отведенным данной (как впрочем и любой другой) группе домашних помощников в исторических нарративах. До середины XIX в. специальных текстов об индийских слугах почти нет. В письмах, дневниках, мемуарах, путевых заметках британцев или руководствах по правилам поведения европейцев в Индии излагаются эпизоды из жизни авторов или транслируется накопленная ими житейская мудрость. Это своего рода ситуативная информация, в которой слуги играют второстепенные роли, вскользь упоминаются, или о них можно судить косвенно, например, через описание кухонной утвари или практик приготовления пищи. Лишь изредка они становятся объектом прицельной рефлексии. И тем не менее просеивание таких источников позволяет из крупиц добытых сведений составить представление о положении поваров и *кхитмадгаров* в иерархии индийских слуг, их кастовой и этнической принадлежности, предъявляемых к ним требованиях, наборе обязанностей, размере вознаграждения, формах наказания/поощрения, способах/языках общения и уровне взаимопонимания с английскими господами (в том числе через вкусовые пристрастия/привычки, формирование меню и столовый этикет), а также об утвари и методах приготовления пищи.

Примечательно, что, находясь на периферии господского внимания, на кухне колониального бунгало, куда европейцы предпочитали заглядывать пореже, именно слуги были главными акторами. Они хозяйничали в прямом и переносном смысле, навязывая этому подсобному, скрытому, будничному, технологичному пространству привычные для них, традиционные кулинарные практики, превращая кухню за счет своего активного и почти единоличного присутствия в зону индийскости. И именно слуги волей-неволей становились теми, кто устанавливал правила, часто регулировал меню, приучал хозяев к местным вкусовым традициям и заставлял их приспосабливаться к предлагаемым обстоятельствам другого мира.

Сведения об авторе:

Сидорова Светлана Евгеньевна
к.и.н., с.н.с. Центра индийских исследований
Института востоковедения РАН

И. С.Слепцова (Кызласова) (Москва)

Научные знания в повседневной жизни ярославского крестьянина^[41]

В докладе рассматриваются дневники ярославского крестьянина Павла Васильевича Бугрова (1869 – 1934), написанные им в первой трети XX века и в настоящее время хранящиеся в Ярославском музее-заповеднике. Столь длительный период ведения дневников крестьянином – явление редкое, особенно если учесть тот факт, что Бугров имел самое минимальное образование, он ходил в школу всего одну зиму. Однако изучение его записок позволяет говорить о его разнообразных интересах, которые относятся к разным областям знания: сельскому хозяйству, медицине, истории, нумизматике и т.д. Если попытаться охарактеризовать личность П.В. Бугрова и выделить главную ее черту, во многом определявшую его отношение к жизни и выбор жизненных стратегий, то, вероятно, это будет «любопытность». Он обладал особым складом ума, который можно назвать «исследовательским».

Бугров, который относился к беднейшей группе крестьян, не имевших своего душевого надела, не мог вести полноценное крестьянское хозяйство. Только после восьми лет семейной жизни ему удалось купить телку и взять в аренду душевой надел, на

котором он стал выращивать картофель не только для собственного потребления, но и прежде всего, как техническую культуру, продавая его на картофелетерочный завод. Это обстоятельство заставило его искать пути интенсификации хозяйства. Он видел такую возможность в использовании научных рекомендаций по его ведению. С этой целью он делал выписки, содержавшие полезные советы, из получаемой периодики (Сельский вестник, Дружеские речи), а также выписывал издания практического назначения: пособия по мыловарению, плетению корзин из ивовых прутьев, книги о постройке глинобитных и цементных домов, руководство по разведению кроликов, домашний лечебник и т.п. Он проводил эксперименты и наблюдения за домашними животными и растениями, фиксировал зависимость урожая от количества вносимых на разных участках удобрений, влияние качества корма и условий содержания на здоровье скотины. В течение многих лет вел метеорологические заметки, чтобы проверить, насколько правильно распространенное мнение о зависимости летней погоды от зимней, а весенней от осенней. Для более точного предсказания погоды изготовил барометр, используя описание в журнале «Наука». Нередко записи о тех или иных заинтересовавших его явлениях сопровождаются заметками «всё проверю», а описание результатов экспериментов – «вперед наука». Таким образом, Бугров прилагал немало усилий, чтобы получить научные знания и применить их на практике.

Еще одной областью, где Бугров демонстрировал интерес к научным знаниям, является гуманитарная сфера, в частности, история. Он характеризовал себя как «страшного любителя древностей». Это выразилось в покупке исторической литературы (например, об удельных князьях или книги об Англии 1785 года), каталогов старинных денег и марок, а также самих старинных монет. Большое внимание в дневниковых записках уделено описанию археологических находок неподалеку от деревни. При разработке песчаного карьера были найдены каменный молоток и браслеты, которые Бугров зарисовал в своем дневнике и о которых сообщил в Ярославский исторический музей, что послужило поводом для дальнейшего его общения с музейными сотрудниками. Эти знания, не имевшие практического применения в крестьянском хозяйстве, отражают его своеобразные интеллектуальные интересы и характеризуют как неординарную личность. Таким образом, можно сказать, что в культурном плане П.В. Бугров поднялся значительно выше тех рамок, которые были заданы его происхождением и образованием.

Сведения об авторе:

Слепцова (Кызласова) Ирина Семеновна
Институт этнологии и антропологии РАН, старший научный сотрудник

Н. В. Соболева (Москва)

Художественное и документальное в «человеческом документе»: роман М.Юрсенар «Мемуары Адриана» (1951)

Роман «Мемуары Адриана» (*‘Mémoires d'Hadrien’*)^[42] рассказывает о жизни римского императора II века н.э. Адриана (76-138 гг. н.э.). Созданный в эпистолярной форме, роман имеет указание на жанровый прототип произведения уже в заглавии, - мемуары, это предопределяет не только характер и специфику повествовательной манеры (повествование строится от лица императора Адриана), но и создает изначально читательскую установку, связанную с жанровым ожиданием.

Показательна структура романа, синтезирующая два типа римской античной биографии: «аналитический, - в основу его кладется схема с определенными рубриками, по которым и распределяется весь биографический материал: общественная жизнь, семейная жизнь, поведение на войне, отношения к друзьям, *habitus*»^[43], и тип, восходящий

к письмам Сенеки, Цицерона, Марка Аврелия, «который можно охарактеризовать как "Одинокие беседы с самим собою" ("Soliloquia" Августина)»^[44]. Композиционно роман состоит из нескольких блоков (рубрик), но в отличие от четкого тематического разграничения по рубрикам, например, как у Светония в «Жизни двенадцати цезарей»: происхождение правителя, путь к власти, внутренняя политика, войны, семейная жизнь, фавориты, внешность и привычки, смерть и погребение, Юрсенар, используя различные и разновременные типы источников о жизни Адриана, синтезирует принципы аналитической биографии с более поздними приемами организации материала в автобиографических текстах.

Для замысла М.Юрсенар было принципиально важным выстроить роман «Мемуары Адриана» от 1-го лица, дать возможность императору Адриану «самостоятельно судить о своей жизни» (известна версия, что император Адриан действительно писал некие воспоминания, которые не сохранились и не дошли до нашего времени). В этом проявляется стремление романистки создать модель повествования, наиболее полно отражающую ритм и атмосферу бытования слова в римской Античности с его установкой на «риторичность» текста и открытость, «овнешненность» духовного самосознания человека, где письменная речь автора, скорей, не является внутренней, а будто бы произносится вслух. Но наряду с этим стремлением Юрсенар при осуществлении подобного художественного замысла реализуется еще одна задача: выстроить биографию живого человека в оппозиции официальным биографическим сведениям о жизни Адриана, зачастую фрагментарным, неточным и сужающим многообразие жизни и характера императора.

Адриан «представляет» читателю свою личную, субъективную историографию, «человеческий документ», как характеризует его сама М.Юрсенар. Установка на личное, субъективное начало в романе определяет структуру повествования, которая организуется образом рассказчика, тем самым сообщая произведению «антропоцентричность», «человеческий градус» художественного высказывания (изложения), что допускает и предполагает развитие логики текста по законам памяти и воспоминаний (в этой связи можно рассматривать роман «Мемуары Адриана» как мнемотический, роман памяти, воспоминаний). Исходя из этого, в романе становится возможным допущение неточностей, субъективизм во взглядах и оценках различных исторических ситуаций, когда события и факты оказываются подчиненными работе человеческого сознания, мышления, памяти (даты буквально путаются в памяти Адриана, император часто жалуется на свою забывчивость и т.д.). Механизм порождения текста подчеркнуто намеренно преподносится как спонтанный процесс неожиданного озарения, вспышки воспоминания.

Структура нарратива «Мемуаров Адриана» во многом связана с типом автобиографической прозы литературы XX века, с характерными для нее эссеизмом и устойчивым кругом тем (время-память//жизнь-смерть и т.д.).

Сведения об авторе:

Соболева Надежда Владимировна
кандидат филологических наук
доцент кафедры всемирной литературы
Московского педагогического государственного университета

Е. Г. Соколова (Москва)

Сравнение и Контраст: о разметке дискурсивных отношений в тексте

Рассматриваются маркеры для дискурсивных отношений Comparison (Сравнение) и Contrast (Контраст), используемых в разметке риторических отношений в корпусе Ru-

RSTreebank. Набор отношений, основанный на классической теории риторических структур (RST) модифицирован для использования в проекте. Оба отношения являются узкими вариациями отношения Joint, связывающего стоящие рядом близкие по содержанию фрагменты текста, но, в отличие от него, передающие дополнительный смысл, обозначенный в именах этих отношений.

Для отношения **Comparison** рассматриваются три типа контекстов:

1. Верификация дискурсивного отношения путём перифразирования фрагмента внутри предложения с выражением отношения сравнения средством грамматики ЕЯ (сравнение по параметру), например:

(1) *Фунт и евро немного укрепились (Я1^[45]), а иена слегка упала (Я2). → (Курс фунта и евро стал немного выше, чем иены).*

2. Верификация дискурсивного отношения, выраженного лексическим маркером (сравнение-сопоставление)

(2) *В отличие от английского предложения (Я1), во французском предложении он включён вместе с действием в единый концепт, вербализуемый глаголом (Я2).*

3. Дискурсивное отношение, реализующее Цель текста (Цель - сравнение)

Тексты, имеющие Цель Comparison играют важную практическую роль, в частности, перечисляют свойства коммерческих продуктов для потребителя. Текст типа Comparison может вставляться внутри другого текста как его часть, когда характеристики сравниваемых свойств выражаются утверждениями, например:

(3) • Application Cache дает возможность хранить элементы веб-приложения (HTML, CSS и т. д.) для их последующего использования в моменты, когда сеть будет недоступна; (Я2)
• Web Storage основан на механизмах хранения, аналогичных cookies, но при этом представляет собой более гибкую и более мощную их реализацию; (Я3) и т.д.

Для отношения **Contrast** рассматривается тип контекста Риторическая фигура, в которой создаётся мнимое высказывание (К+), служащее промежуточным компонентом на пути к сопоставлению Я1 и Я2.

(3) *В бизнесе сформировались свои, российские, принципы управления, автоматизирующие отдельные процессы управления (К). Но время идёт (Я1), а способы решения проблем остаются на уровне середины 50-ых годов (Я2).*

Я1 и Я2 – высказывания о разном, Я1 – о времени, Я2 о решении проблем. Однако начальный фрагмент К и Я1 продуцируют мнимое утверждение, приблизительно такое: *Но время идёт (Я1), (жизнь меняется, должны появляться новые принципы управления и способы решения проблем) (К+)*. Именно мнимый фрагмент К+ включает понятия, используемые в Я2, по которым Я1 непосредственно контрастирует с Я2.

Сведения об авторе:

Елена Григорьевна Соколова
к. филол. н., свободный исследователь

О. В. Соколова (Москва)

**Роман-дневник «Башня» В. Сосноры: язык свидетельства и свидетельство
языка**

В докладе рассматривается специфика субъекта и языковые особенности романа-дневника «Башня» В. Сосноры. Специфика дневника как «пограничного» текста определяется особенностями его жанрово-дискурсивной природы. Междискурсивность дневника формируется в связи с его одновременной отнесенностью к художественным и документальным жанрам, что предопределяет совмещение в дневнике черт художественного и нехудожественного типов дискурса. Согласно Л. Я. Гинзбург, в жанре дневника как «человеческого документа», совершается переход от фиксации окружающей действительности, реализуемой в форме «непрекращающейся переработки жизни» [Гинзбург 1999: 269] к интроспекции, связанной с саморефлексией автора и возникающей в связи с интерпретацией внешних событий и объектов реальности.

В докладе дневник анализируется в аспекте философии свидетельства и концепции травмы, что позволяет выявить его основную интенцию как «свидетельства», направленного на перевод объектов и фактов эмпирической реальности в художественное пространство. Междискурсивность дневника как документа, фиксирующего факты и объекты реальности, позволяет говорить о «референциальной двойственности» этого жанра, когда дневник, понимаемый как «свидетельство», становится своеобразной попыткой перевести объекты реальной действительности в художественное пространство, обнажая невозможность передачи реальности через «сумму ее фактических элементов» [Агамбен 2012: 8]. В этом плане природа дневника может быть сопоставлена с природой свидетельства в аспекте концепции, предложенной Дж. Агамбеном (т.н. «апории Освенцима»), когда «свидетельство, в сущности, равняется тому, что в нем отсутствует; содержит в своей сердцевине не-свидетельствуемое», а «тот, кто берет на себя бремя свидетельствовать за них, знает, что должен свидетельствовать о невозможности свидетельствовать» [Там же: 35].

Опираясь на специфику жанрово-дискурсивной природы дневника, можно вывести его основные типологические черты: 1) фрагментарность, разрозненность; 2) смещение референциальной границы между «художественным вымыслом» и «объективной реальностью» и 3) самоопределение субъекта в ситуации невозможности как молчания, так и говорения. Отмеченные черты дневника как нехудожественного жанра концептуализируются при исследовании формы художественного дневника, обретая статус не только художественных приемов, участвующих в процессе формирования субъекта, но и становясь предметом, на котором фокусируется сам автор.

Обращение к дневнику в прозе современного поэта-неоавангардиста В. Сосноры (род. 1936) обусловлено особой биографичностью и автобиографичностью его творчества. Во многих прозаических текстах поэта прослеживаются жанровые черты либо квазиисторических романов, основанных на переосмыслении роли личности в историческом процессе и представляющих собой своеобразные исторические «квазибиографии».

Выбранный подход позволяет выявить специфику выражения «лиминального» субъекта в романе-дневнике, который находится на границе языкового и телесного выражения и распадается на метонимические части. Основными формами реализации категории «пограничности» в тексте становится акцентирование экзистенциальной границы между жизнью и смертью; осмысление процесса создания текста и движения к его завершению; рефлексия преодолемости референциальных границ между словом и телом, художественной и эмпирической реальностью; фокусирование на проблеме зыбкости дейктического *я*-центра и его проекции – *я*-физического.

Литература

Агамбен Дж. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012. 192 с.
Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 415 с.

Сведения об авторе:

С. М. Соловьёв (Москва)

Переписка Варлама Шаламова и Надежды Мандельштам: диалог равных

Варлам Тихонович Шаламов в течение всей своей послелAGERной жизни искал равного собеседника, которого ему очень не хватало. Особенно это важно было для него в условиях практически полного отсутствия диалога с читателем.

Переписка Шаламова представляет собой отражение этого поиска, и в ней можно выделить несколько адресатов, общение с которыми для него было принципиально важным. Прежде всего, это Б.Л. Пастернак, «живой Будда» для Шаламова как до, так и после разрыва — единственного, произошедшего не по инициативе самого Варлама Тихоновича. Затем следует назвать А.З. Добровольского, Я.Д. Гродзенского, Н.И. Столярову, отчасти — Г.Г. Демидова. И — отдельно — Н.Я. Мандельштам (крайне содержательную и очень важную переписку с Ю.А. Шрейдером в этот ряд поставить нельзя, так как в этом случае говорить о равенстве собеседников не приходится, равно как и в случае проникнутой любовными чувствами переписки с И.П. Сиротинской).

Говоря о переписке, следует указать, что опубликованные в семитомном собрании сочинений В.Т. Шаламова письма в большинстве случаев представляют собой черновики, сохранившиеся в архиве Шаламова в РГАЛИ, что при публикациях не всегда оговаривалось достаточно ясно. Финальные варианты писем зачастую сильно отличались от черновиков, что, в частности, известно в связи с перепиской с А.И. Солженицыным, которая до сих пор не доступна исследователям в полном объеме. Переписка с Н.Я. Мандельштам — пример именно такой ситуации, и здесь мы имеем уникальную возможность увидеть, как менялось письмо от черновика к финальному варианту, отправленному адресату. Черновики и чистовики писем Шаламова сохранились, соответственно в фондах Шаламова и Мандельштам в РГАЛИ. При этом часть писем, очевидно, сохранилась только в черновиках, а часть — только в финальных вариантах.

Так, 1 августа 1965 г. Шаламов пишет Н.Я. Мандельштам письмо, в котором сообщает, что скорее всего не приедет к ней на дачу в Верею 8 числа, но основная часть письма посвящена смерти его кошки Мухи, убитой, по его словам, каким-то «отставным палачом». Письмо содержит и радикальный тезис о «фальши» самого факта изображения страдания в искусстве: «Это так плохо ибо человек должен браться за винтовку, а не за перо, не за кисть». Черновик письма, неоднократно опубликованный, значительно отличается от финального варианта, он более эмоционален, менее логичен и содержит рассказ о посещении Шаламовым приюта для бездомных животных, полностью выброшенный из итогового текста. Сравнение черновиков с чистовиками показывает тщательную работу над письмами к адресату, общение с которым было столь важным.

Шаламов, несмотря на свою репутацию очень жесткого и бескомпромиссного человека, в письмах и в личном общении зачастую был склонен подстраиваться под собеседника. Не меняя целиком свою точку зрения, но смягчая ее до максимально допустимых для него пределов. В случае с Н.Я. это видно, например, в обсуждении роли формалистов и Тынянова, к которым она относилась довольно пренебрежительно, а Шаламов считал вершиной в исследовании поэзии и сам стремился продолжить формалистскую традицию. В целом их отношение к 20-м годам у них было диаметрально противоположным, но в переписке это противоречие скрадывается, и не выглядит

настолько ярким, каким оно было на самом деле — и это при том, что воспоминания Шаламова и Мандельштам создавались почти в одно и то же время. Парадоксально, но в то время для Шаламова было важно общение с Н.Я. и ее кругом как с людьми именно как носителями той культуры 20-х годов, с которыми он мог говорить на одном языке.

Разрыв Шаламова и Н.Я. Мандельштам не нашел отражения в переписке. Инициатива прекращения отношений исходила от Шаламова и связано это было, вероятно, с несколькими причинами: ухудшившимися отношениями Н.Я. Мандельштам с И.П. Сиротинской, разочарованием Шаламова в зарубежных публикациях своих рассказов, переданных на Запад через посредничество Н.Я. Мандельштам (через К. Брауна), разрывом Шаламова с теми, кто сохранял положительное отношение к А.И. Солженицыну, и в целом с разочарованием Шаламова в диссидентской среде.

Сведения об авторе:

Соловьёв Сергей Михайлович
к. филос. н., доцент МГППУ, главный специалист РГАСПИ
главный редактор сайта Shalakov.ru

М. В. Станюкович (Санкт-Петербург)

Передача и комментирование филиппинских реалий в испаноязычных романах Хосе Рисаля и их русских переводах

В филиппинской литературе XIX в. выделяются два имени. Поэт и драматург Франсиско Балагас (1788-1862), автор романтической поэмы «Флоранте и Лаура», выходец из низов, выучившийся на адвоката, считается отцом литературного тагальского языка. Хосе Протасио Рисаль-Меркадо-и-Алонсо-Реалонда (1861-1896), сын богатых и просвещенных родителей, писал по-испански, однако именно он считается основателем филиппинской литературной традиции. В романах Рисаля героями впервые стали «индейцы» (т.е. местные жители), а местом действия - Филиппины. Оба литератора были тагалами; в роду у отца Рисаля была китайская кровь.

Хосе Рисаль – идеолог национального единства, «первый филиппинец», просветитель, классик филиппинской литературы, полиглот, ученый, врач-офтальмолог, живописец, скульптор, главный национальный герой страны. Учился землеустройству в Университете Атенео-де-Манила, праву и медицине в старейшем в Азии Университете Св. Фомы, затем продолжил образование в Мадриде, Париже и Гейдельберге.

Первый из двух самых знаменитых филиппинских романов, «Noli me tangere» («Не прикасайся ко мне»), Рисаль опубликовал в Берлине в 1887, второй, «El Flibusterismo» («Флибустьеры») - в Генте в 1891. Оба были запрещены цензурой на Филиппинах из-за их резко антиклерикальной направленности: главным злом Рисаль считал засилие испанских монашеских орденов на архипелаге, их самоуправство и неподотчетность светской власти.

За свою короткую жизнь Рисаль прошел длинный путь от борца за представительство Филиппин в кортесах, ассимиляцию и превращение в одну из провинций «Матери-Испании» до идеолога антиколониальной борьбы, в методах которой он быстро успел разочароваться. Оба романа написаны под несомненным литературным влиянием Александра Дюма; второй, по многим признакам, также под впечатлением «Бесов» Достоевского (Рисаль читал по-русски). Тем не менее его план приехать на Филиппины и быть там расстрелянным с целью побудить общество к восстанию был осуществлен, хотя и не сразу. Опальный писатель, действительно арестованный по приезду на родину,

провел 4 года в ссылке на южном острове Минданао в весьма комфортных условиях, занимаясь врачебной практикой и научными изысканиями (ботаникой, зоологией). Лишь когда столичные революционеры вплотную подошли к объявлению восстания, испанские колониальные власти привезли Рисаля в столицу и расстреляли его. Восстание началось немедленно после этого.

Романы Рисаля, несомненно, были призваны представить свою страну европейскому читателю – в чем и преуспели. Выросший в провинциальном городке, Рисаль знал и любил сельскую природу, тагальский крестьянский быт, народные сказания и поверья. Интерес к этнографии и фольклору он не утратил и во время жизни в Европе. Дружил с европейским специалистом по Филиппинам Фердинандом Блюментриттом, по рекомендации Рудольфа Вирхова, крупнейшего физического антрополога своего времени (и корреспондента Н.Н. Миклухо-Маклая, чей образовательный путь Рисаль частично повторил) стал членом Берлинского общества этнологии и Берлинского антропологического общества. Определенное место в его романах отведено жизни «индейцев». Реалии - ботанические, зоологические, этнографические - вкраплены в разумных количествах, частично объяснены прямо в тексте.

Романы Рисаля неоднократно переводились и переиздавались в России. В докладе анализируется филиппинская лексика, включенная в испанский текст, способы ее передачи и объяснения в русских переводах.

Сведения об авторе:

Станюкович Мария Владимировна
к.и.н. Зав. Отделом этнографии Австралии, Океании и Индонезии
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Е. В. Степанян-Румянцева (Москва)

Портрет на грани исчезновения. К вопросу о портретных изображениях у Достоевского

1. Изображение внешности средствами слова должно перейти черту невидимости, стать из незримого – зримым, из умопостигаемого – наглядным, доступным нашему внутреннему созерцанию. В этом его парадоксальность и крайняя трудность, в ряде случаев – даже невозможность. Сам по себе литературный портрет – своего рода маргинальное явление, существующее на рубеже между пластикой и словом.
2. Литературный портрет в допушкинскую и пушкинскую эпоху нацелен на воссоздание пластических подробностей, но средствами слова (недаром этот тип литературного портрета и получил название «живописного»). Он основан на сравнениях (зубы – жемчуга, уста – кораллы и проч.), и может быть как гротескным (этот подвид литературного портрета впоследствии с небывалой интенсивностью развивается Гоголем), так и идеализирующим (исчерпанность возможностей идеализирующего живописного портрета фиксируется Пушкиным в изображении Ольги Лариной).
3. Наивность, неразвитость техники «живописного» идеализирующего портрета живо ощущается Пушкиным, и он идет по пути новаторского портретирования, то отказываясь от портрета вообще (Евгений Онегин), то создавая изображение героини «от противного» («Она была нетороплива...»). Так возникает портрет, который можно назвать «суггестивным»: не используя пластических характеристик, писатель внушает нам некое подспудное, но сильное и могущественное представление о внешности героя.
4. Достижения Пушкина (литературный портрет а-пластичен, и в то же время литературно парадоксален, создается неординарными литературными средствами,

- чуждыми до сих пор современной автору литературе) на свой лад используются Достоевским.
5. Герой Достоевского воспринимается другими персонажами и читателем постольку, поскольку его фигура начинает ткаться из разнообразных, достоверно-недостоверных, второстепенных, мимоходных сведений и упоминаний, слухов и оговорок. Прежде, чем в повествовании появляются Свидригайлов, Версиков, Ставрогин, Порфирий Петрович, мы узнаем о них то, что, конечно, соответствует действительности, но лишь частично, что далеко не исчерпывает человека.
 6. Таков же и физический облик персонажа. Нередко в нем существенную роль играет противительный союз «но», или заменяющее его слово (группа слов). Таковы Ставрогин, Петр Верховенский и мн. др. Противоречия создают особое напряжение, динамизм не только портретных описаний, но всего текста. Они предсказывают многомерность последующих поступков, событий. Герои Достоевского – люди движения, динамики и противоречий, и эта пространственная (маргинальная для словесности) характеристика оказывается основным для писателя портретным (и сюжетобразующим) приемом.
 7. В деле портретирования русская литература позапрошлого века делает своеобразную «воздушную петлю» от Пушкина к Достоевскому: динамика, по-разному реализованная, доминирует над традиционными материалами, используемыми для литературного портрета в его более привычном и проработанном словесностью виде. Как часто бывает, прием, кажущийся непростительно новым и почти маргинальным, открывает новые пути, - в данном случае, в искусстве слова.

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Степанян-Румянцева
Доцент кафедры литературы Московского государственного института культуры», к. ф. н.
Редактор альманаха «Панорама искусств»

И. З. Сураг (Москва)

Стихотворение О.Мандельштама «Цыганка»: сюжет и смысл

Стихотворение Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу...» («Цыганка», 1924) до сих пор не получило внятного прочтения – ему посвящена лишь одна специальная работа (С.Г.Шиндина), между тем оно стоит особняком в корпусе мандельштамовской лирики, «остаётся загадочным» (М.Л.Гаспаров) и взывает к пониманию. Прежде всего требует комментария его сюжет, носящий обобщенно-фольклорный характер. Этот балладно-сказочный сюжет помещен в рамку сна, что побуждает соотносить его с такими фольклоризованными произведениями, как баллада Пушкина «Жених», или со сном Татьяны из «Евгения Онегина», - в обоих случаях усматриваются близкие сюжетные параллели между текстами. В творчестве самого Мандельштама «Цыганка» ближе всего соотносится с написанной в 1931 году «Неправдой» - в ней сходные элементы балладно-сказочного сюжета проявлены более отчетливо.

Герой «Цыганки» во сне входит в чужое, странное, неприятное пространство, в антимир, где нарушены законы и связи, где цыганка «балует» с монахами, где пьют нехорошее питье («чай с солью») и угощают нехорошей едой («а вместо хлеба – еж брюхатый»); он попадает под действие чар и растворяется, остается в этом мире – таков сюжет сна, рассказанного в 1-3 строфах. Две последующие строфы описывают реальность, простирающуюся сквозь сон и несущую печать происшедшего.

Сюжет стихотворения построен на «смысловом зиянии» (С.Сендерович), характерном для фольклорной загадки; разгадка выносится за пределы текста. Анализ «Цыганки» связывается с общей линией эволюции лирики Мандельштама, с некоторыми устойчивыми чертами его поэтики и с большой неразработанной проблемой мандельштамовского фольклоризма.

Сведения об авторе:

Сураг Ирина Захаровна
доктор фил. наук, ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы РАН

Светлана Тамбовцева (Санкт-Петербург)

Воображаемый алфавит ВсеЯСветной Грамоты: эзотерическое учение и телесные практики

Постсоветский культурный ландшафт характеризуется большой влиятельностью и популярностью националистических идей и нарративов, задействующих конспирологические объяснительные модели и предлагающих различные версии альтернативной истории, в рамках которой особое место занимают представления о языке, которые можно обозначить как «криптолингвистические». Термин криптолингвистика, предложенный Н. Базылевым, описывает непрофессиональные суждения о языке, в основе которых лежит представление о скрытых смыслах и возможностях, присущих ему [Базылев 2010].

Одним из ярких примеров криптолингвистических учений, вокруг которого сформировался достаточно широкий круг последователей, является «ВсеЯСветная Грамота» (далее – ВГ). Автор доктрины и лидер движения, А. Ф. Абрамов, позиционировал себя как член несуществующих научных сообществ и потомок боярского рода Шубиных, решивший из опасений за судьбу мира опубликовать семейную тайну, которая заключалась в истинном славянском алфавите (который также был и праязыком всего человечества), впоследствии искаженном и «урезанном» врагами славян. Согласно учению, ВГ насчитывает 147 букв («буков»), представляющих собой древнюю славянскую грамоту, возраст которой исчисляется многими тысячелетиями. Начертания «буков» ВГ стилизованы под кириллический устав и полуустав, сохранены дореформенные названия некоторых букв (в других случаях начертания и наименования модифицированы). Каждой из 147 букв ВГ приписан свой эзотерический смысл, что позволяет прочитать любое слово как аббревиатуру и узнать его «подлинную» этимологию. Для ВГ характерна фоносемантическая модель интерпретации, однако в процесс интенсивной семиотизации вовлекаются и материальные объекты, и человеческое тело.

ВГ получает сравнительно широкое распространение в 1990-е годы, проводится ряд съездов сторонников учения, организуются лекции и занятия по изучению «Буковника ВГ» [Шубин-Абрамов 1996], издается ряд книг (напр., [Белякова 1996]), интерпретирующих исторические события и предлагающие этимологии в русле ВГ.

Конспирологический нарратив, в который вписана ВГ, связан с криптолингвистическим пониманием орфографических реформ (как, например, и руница), а также альтернативным видением истории появления письменности на Руси [Bennett 2015: 151-152]. Националистические идеологические подтексты ВГ обнаруживают себя как в ситуации противопоставления себя научному сообществу, участвовавшему в «обеднении» русского языка, сокращении алфавита и ориентированному на западные

ценности, так и в ситуации моральной паники, вызванной нынешним состоянием России. Ряд враждебных человечеству сил пополняется за счет транслируемого программными текстами ВГ антисемитизма, неприятия капитализма, демократии, технического прогресса.

ВГ остается относительно плохо изученным явлением постсоветской культуры – в научной литературе она упоминается, в основном, в обзорах течений, сформировавшихся в русле русского неоязычества (например, [Шнирельман 2015], [Laruelle 2008]). Тем не менее, несмотря на его маргинальное положение, движение ВГ можно рассматривать как репрезентативное для породившего его культурного контекста – оно обнаруживает связь как с социальной средой советской технической интеллигенции, так и с историей российской рецепции западных эзотерических учений. Обращаясь к методам антропологии и фольклористики, исследователь может уделить внимание социальному бэкграунду и практикам сообщества адептов ВГ, что позволяет ответить на вопросы о когнитивных функциях лингвистической креативности.

Доклад основан на опыте полевой работы на съезде «ВсеЯСветная Грамота Шагает по Планете» в июле 2017 года, в качестве дополнительных использовались также материалы интернет-этнографии.

Библиография

- Bennett B. P. Religion and language in post-Soviet Russia. Routledge. 2011.
Laruelle M. Alternative identity, alternative religion? Neopaganism and the Aryan myth in contemporary Russia // Nations and Nationalism. – 2008. – Т. 14. – №. 2. – С. 283-301.
Базылев В. Н. Криптолингвистика. – 2012.
Белякова Н.Е. Всеясветная грамота. 1000 лет забвения. СПб., 1996.
Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире. Новое Литературное Обозрение, 2015.
Шубин-Абрамов А.Ф. Буковник Всеясветной Грамоты. М., 1996

Полевые материалы, собранные автором на съезде «ВсеЯСветная Грамота шагает по Планете» 10-11 июля 2017 года в деревне Орлово Сандогорского района Костромской области

Сведения об авторе:

Тамбовцева Светлана
ИРЛИ РАН, аспирантка (специальность - фольклористика)
ЕУСПб, факультет антропологии, студентка программы «Культурная антропология»

А. В. Уржа (Москва)

Судьба переводческих сносок к русским изданиям «Приключений Тома Сойера»

История создания и публикации русских переводов самого известного романа Марка Твена сложна и весьма интересна. Некоторые переводы «Приключений Тома Сойера» вышли в свет всего один раз, другие многократно переиздавались, подвергаясь разнообразным изменениям. Тексты, созданные одними переводчиками, порой редактировались другими, дореволюционные версии выходили в свет через сто лет с погрешностями компьютерного набора или распознавания текста, и даже графическое оформление публикуемых переводов менялось в соответствии с актуальной на текущий момент государственной идеологией.

Особый интерес в вышеописанном контексте представляют переводческие сноски. В оригинале романа сносок всего две, однако многие переводчики чувствовали

необходимость пояснить для маленьких читателей реалии другой культуры и эпохи. В итоге сами сноски порой становились косвенным источником сведений о времени и месте их создания, об идеологии, господствующей в стране, и об отношении переводчика к комментируемому явлению. Сноски могли изменяться от издания к изданию, даже если перевод принадлежал одному и тому же человеку. Так, К.И.Чуковский, неоднократно редактируя свой перевод, изменял и подстрочные комментарии к нему. А сноски к первому изданию перевода Н. Дарузес, созданные, по-видимому, при участии редактора и наставника переводчицы И. Кашкина, в более поздних изданиях заменялись другими, потом полностью исчезли, а в изданиях 90-х годов XX века вдруг заменились отдельными сносками к переводу К. И. Чуковского! Путаница между вариантами Н. Дарузес и К. Чуковского имела место неоднократно. Даже сейчас в книжных магазинах можно встретить издание романа, якобы являющееся переводом «К.Чуковского и Н. Дарузес», хотя на самом деле такая надпись – ошибочная перепечатка из издания, объединявшего переводы книг о Томе Сойере (в переводе К. Чуковского) и Гекльберри Финне (в переводе Н.Дарузес). Необходимо отметить, что сноски Чуковского сопровождали и текст, созданный другой переводчицей – З. Журавской, но причина была иной (версию эмигрировавшей «королевы переводчиков» К.Чуковский редактировал и готовил к изданию в советской России, при этом имя редактора при переизданиях сохранялось чаще, чем имя переводчицы).

И содержание, и грамматика, и оформление переводческих сносок к роману заслуживают внимания. Комментарии адресованы детям и не всегда точны (см., например, примечание М. Николаевой к слову *цент*: «немного меньше двух копеек на наши деньги» [Твен, Николаева: 1901]). При этом они нередко отражают идеологическую (а порой и личную оценочную) позицию переводчика (см. сноску к переводу Н. Дарузес: «*Линчевать* – значит без суда учинить жестокую расправу над человеком. Суд Линча – один из самых позорных американских обычаев. В США, особенно на юге, и теперь часто толпа убивает без суда совершенно невинных негров» [Твен, Дарузес 1948: 170]). Оба примера демонстрируют примечательную особенность сносок к роману: они наполнены не только диктумными (информативными), но и модусными, субъективными смыслами (оценочными, темпоральными, пространственными, персуазивными и т.п.). Комплексное исследование этого колоритного материала позволяет выявить связь между подходом каждого переводчика к интерпретации самого текста о Томе и составлением сносок: мало комментариев содержится в дореволюционных калькирующих переводах, где названия реалий просто переписываются кириллицей, а синтаксические конструкции оригинала дублируются; творческие переработки текста, такие как версии К.И Чуковского, стремящиеся субъективировать повествование, приобщить читателя к точке зрения героев-мальчиков, используют соответствующие языковые приемы и в сносках. Дореволюционные, советские и постсоветские переводы выбирают для комментария различные реалии и оформляют толкования по-разному.

Переводы романа, привлекаемые в докладе, выполнены С. Воскресенской (1896), Л. Гольдмерштейном (1898), М.Николаевой (1901), В.Исполатовым (1904), М.А.Энгельгардтом (1911), Е. Кудашевой (1911), двумя анонимными переводчиками (1907 и 1918), З.Н. Журавской (1919, 1923, 1937), К. Чуковским (редакции 1935, 1936, 1945, 1958 гг.), Н. Дарузес (1948, переиздания 1950, 1953, 1961, 1973, 1994, 1999, 2011, 2018) и С. Ильиным (2011).

Литература

Твен, Дарузес 1947 – Твен М. Приключения Тома Сойера. Пер. Н. Дарузес. Ред. И.А.Кашкин, М. – Л., 1948.
Твен, Николаева 1901 – Твен М. Приключения Тома Сойера. Повесть для юношества всех возрастов. Пер. М. Николаевой. 2-е изд. Спб. – М., 1901

Сведения об авторе:

Уржа Анастасия Викторовна

Е. В. Фейгина (Москва)

Автокоммуникация в работе У. Эко «Поэтики Джойса»

Цель работы Умберто Эко «Поэтики Джойса» изданной в 1966 году, через двадцать пять лет после смерти самого Джеймса Джойса, можно понять и как коммуникацию с великим ирландским писателем, если рассматривать произведение Эко как комментарий к произведениям Дж. Джойса, и как автокоммуникацию – открытое письмо У. Эко о Джойсе, объяснение его поэтик научному и культурному сообществу, а также самому себе.

Джойс был близок и понятен У. Эко не только как писатель-модернист, создавший один из самых сложных романов, в котором интерпретация мифа соединяется с методом потока сознания, но и как писатель, сочетающий острое чувство нового искусства, ощущение культурного запроса современности, со структурными возможностями классического текста. Свою теорию искусства Джойс формирует на основе «Суммы теологии» св. Фомы Аквинского, эстетику которого профессионально и глубоко изучал сам У. Эко.

Анализируя и рассматривая все поэтические интенции произведений Джойса, Эко объясняет сам себе принципы построения художественного текста. Среди литературоведческих заметок или аналитических статей, посвящённых разным художественным текстам, интерес к Джойсу несомненно превышает все другие обращения к классике итальянского писателя. Возможно, именно творческий метод Джойса вдохновил Эко в сорок восемь лет выпустить первое художественное произведение – роман «Имя розы».

Разбирая использования эстетических формул святого Фомы в тексте романа «Портрет художника в юности», Эко словно объясняет сам себе путь от усвоения эстетики средневекового философа к созданию современного высказывания. В первом романе У. Эко нам представлен мир, в котором Средневековье представлено в зеркале постмодернизма и постмодернизм в средневековых реалиях. Свою главу «Поэтик Джойса» посвящённую «Портрету художника в юности» Эко называет «Портрет томиста в юности». В «Поэтиках Джойса» Эко показывает становление художественного мышления ирландского писателя и показывает направление пути Джойса от «Суммы» к «Поминам», от «упорядоченного космоса схоластики – к формированию в языке образа расширяющейся Вселенной» («Поэтики Джойса» С. 23).

Можно предположить, что любые комментарии «Финнеганова помина» в критических произведениях Эко более позднего периода, в определённом смысле являются автокоммуникацией. Он не только подробно изучил этот сложный и странный текст, но и выстроил с его помощью свою теорию открытого произведения. Характеризуя и анализируя принципы массовой культуры, писатель показывает примеры непритязательной литературы про Супермена и Человека-Паука, располагая на противоположном полюсе «Финнеганов помин» - текст, «формирующий идеального читателя».

Автокоммуникацией является и анализ поэтики «Поминок по Финнегану» в работе «Поэтики Джойса». У. Эко утверждает, что этот роман – «непрерывная поэтика самого текста» (С. 317). Итальянский писатель показывает, каким образом Тим Финнеган, протагонист романа, заключает в себе множество лиц, становясь «символическим протагонистом». Это множество объединяет героя шуточной песенки, свалившегося с лестницы и «воскресшего» от пролившегося виски, не только с древним Финном, но и с Буддой, Христом, Адамом, с великими героями прошлого. Семья Финнегана воплощает основные типы человеческих взаимоотношений, мужского и женского, братских, дружеских соперничающих и тяготеющих друг к другу, тип творчества и стремление к коммуникации. Эко анализирует механизм, технику постоянных преобразований героев, их последовательных перевоплощений и образы подсознания, поскольку «Финнеганов помин» посвящён ночи, так же, как «Улисс» связан с днём.

Итальянский писатель разбирает «Эпифанию как эпистемологическую метафору». Он утверждает, что явления, описанные современными научными методологиями, переносятся в структуру дискурса, что Эко уподобляет метафорическому выражению эпистемологии. Показывая глубокую общность «Финнеганова помина» и Средневековья, он приходит к важнейшему тезису автокоммуникации, поскольку сам начинал с научного исследования средних веков, эстетики, теории красоты, системы Фомы Аквинского. Таким образом, умение видеть отражение Средневековья в художественном тексте двадцатого столетия есть путь к созданию художественных текстов, включающих в себя средневековый культурный код.

Литература

Эко У. «Поэтики Джойса» С-Пб., 2006

Сведения об авторе:

Фейгина Екатерина Витальевна

доцент кафедры истории зарубежной литературы

филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

О. Е. Фролова (Москва)

Минимальный текст и его функционирование

Пословицу можно рассматривать как минимальный текст. Ее сближает с идиомой клишированность, а отличает — синтаксическая завершенность и характер функционирования — пословица воспроизводится в речи как целостное описание ситуации, а не входит в предложение в качестве конструкции.

Наша цель — показать особенности прагматики и «референциальной» настройки пословицы по отношению к внеязыковой действительности. Мы намереваемся показать,

как меняется градус отрицательной оценки: а) при автореференции к говорящему, б) к адресату, в) к третьему лицу, не включенному в коммуникативную ситуацию.

Из паремиологического минимума Г.Л. Пермякова была отобрана 21 единица, высокая частотность которых подтверждается результатами по Google. Отбор производился на основании: а) наличия отрицательной оценки партиципанта ситуации (1, 2, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 20); б) наличия отрицательной оценки поступка (4); в) указания на ограниченные возможности партиципанта (19, 21); г) претензии партиципанта на чужое коммуникативное, социальное или имущественное пространство (8, 12, 14, 18, 19); д) неравноправия партиципантов (3, 5); е) неприятия аргументов (оправдания) партиципанта (9).

	Пословица	Частотность по Google
1	<i>Собаке — собачья смерть</i>	3 940 000
2	<i>В семье не без урода</i>	2 300 000
3	<i>Яйца курицу [не] учат</i>	1 180 000
4	<i>Нечистая совесть спать не дает</i>	627 000
5	<i>Гусь свинье не товарищ</i>	470 000
6	<i>Рыба гниет с головы</i>	380 000
7	<i>Горбatego могила исправит</i>	311 000
8	<i>Не в свои сани не садись</i>	209 000
9	<i>Индюк думал, думал, да и сдох</i>	194 000
10	<i>Дуракам закон не писан</i>	161 000
11	<i>Дуракам везет</i>	145 000
12	<i>Баба с возу—кобыле легче</i>	125 000
13	<i>Любовь зла — полюбишь и козла</i>	112 000
14	<i>Незванный гость хуже татарина</i>	89 600
15	<i>Взялся за гуж, не говори, что не дюж</i>	81 500
16	<i>Посади свинью за стол — она и ноги на стол</i>	77 000
17	<i>Одна паршивая овца все стадо портит</i>	75 600
18	<i>Много будешь знать — скоро состаришься</i>	67 500
19	<i>На чужой каравай рот не разевай</i>	50 600
20	<i>Любопытной Варваре на базаре нос оторвали</i>	36 400
21	<i>По одежке протягивай ножки</i>	22 200

При употреблении данных речений по отношению к не присутствующему в коммуникативной ситуации участнику пословица выражает отрицательную оценку участника или его поступка. При обращении пословицы к говорящему вектор оценки сохраняется, но речение также может быть употреблено иронично.

Все приведенные пословицы могут быть отнесены и к получателю, присутствующему в коммуникативной ситуации, но употребление отобранных нами речений по отношению к ты-адресату коммуникативно противоречиво. Здесь возможны разные случаи. Предполагается, что: а) адресат может соотнести себя с **отрицательно охарактеризованным участником** пословичной ситуации (1, 2, 7, 10, 11, 13, 16, 17, 20); б) **актером дурного поступка** (4); в) **участником ситуации с иерархически более низким статусом**, по отношению к которому говорящий выступает как учитель (3, 8, 9, 18). Речения указывают на ограничение полномочий адресата (21), описывают его действия как неоправданно амбициозные (16). Неоднозначно употребление пословицы 3: если при описании недопустимого отношения к старшим говорящий соотносит адресата с участником *курица*, то отношения отправителя и получателя могут быть равноправными, если же говорящий соотносит адресата с партиципантом *яйца*, то статус получателя заведомо ниже, чем у отправителя.

Так, при а) отрицательной оценке адресата, б) его поступков и в) при указании на неравноправные отношения отправителя и получателя адресат может воспринять употребление данных пословиц как унижающее, потенциально конфликтное и агрессивное.

Сведения об авторе:

Ольга Евгеньевна Фролова
МГУ, д.ф.н., филол. ф-т, зав. лаб.

Е. А. Худенко (Барнаул)

Биспациальность «алтайского» поэтического текста второй половины XX века^[46]

Двупространственность характерна для фольклорно-мифологического мышления народов, населяющих территорию Алтая. Сочетание двух главных ландшафтных пространств – горного и речного – позволяет говорить об онтологической сущности такой биспациальности, задающей мировоззренческие, духовно-нравственные параметры этноса и «территориального» мышления.

Главные реки Алтая – Бия и Катунь – связаны с ритуальной и этнографической символикой. По указанию Н.А. Тадиной, «река, как любой природный объект, обладает тремя признаками: одухотворена (тынду), имеет хозяина (ээлү), почитаема (байлу)... Река по-алтайски называется «суу». Фольклорная традиция предполагает существование большой Мировой реки (по аналогии с Мировым деревом), и такой большой рекой называется Обь, сравниваемая в алтайских сказаниях с «океаном», слияние же рек Бия и Катунь образует «море» (талай).

Река и Гора – основные мифологемы Алтая – на зрительном уровне создают ощущение разомкнутого пространства и по вертикали, и по горизонтали. Кроме того, эта биспациальная мифологема функционирует в качестве варианта Мирового древа. Система координат Река-Гора базируется на том, что гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. В алтайской космогонии появление земли происходит из водной стихии, но с помощью другой стихии – воздушной. Птица-нетопырь Ульгень, разгоняя огромными крыльями воздух, присела на камень и силой мысли породила Землю.

Космогоническая борьба между двумя пространствами – водой и сушей – реализуется в том или ином объеме практически в каждом локусном тексте. Так, В.Н. Топоров в исследовании «петербургского мифа» и «петербургского текста» указывает на такую онтологическую составляющую, как борьба вод Невы с каменной набережной, в которую эти воды закованы. Члены оппозиции соотносятся как в гендерном, так и культурологическом контекстах: вода – женское, природное, стихийное; камень – мужское, цивилизованное, статичное. То же самое происходит в большинстве текстов топографического характера: реки, моря, океаны знаменуют горизонталь и подвижность (неуправляемость, стихийность), тогда как горы, вершины – вертикаль и статичность (соразмерность и вечность).

Поэтическая реализация биспациальности локусного текста рассматривается на материале поэтических текстов алтайских писателей второй половины XX века и тех поэтов, что пишут об Алтае. В стихотворении Н. Рубцова «Весна на берегу Бии» (1966)

вечность исторического прошлого меняется на время расцвета и обновления человеческой жизни – не случайно образ Бии связан у поэта именно с весной. Перечислительная интонация текста задает образ прорвавшейся полноводной стихии, всё сметающей и всё обновляющей на своем пути. «Бешеная Бия» соревнуется в реве со стадом быков, пасущихся на суше. Однако второй мир является метафизическим, выдуманым, связанным с культурными моделями идиллической античности. Стихотворение Рубцова «Шумит Катунь» (1966) отражает фольклорную и западноевропейскую традицию – верование в то, что река становится началом Великого жизненного потока, она связана с категориями памяти/забвения и миром смерти. Катунь у Рубцова – символ прошедших времен, ее воды несут историческую память о былом, омывают гробницы, идолов, башни, а птицы, кружащиеся над рекой, воспринимаются как знаки древней письменности – клинописи.

Мифологическая и метафизическая составляющая биспациального ландшафта явлена и в текстах алтайского поэта И. Жданова. Миры сборника «Место земли» (1991) показывают путь героя от предвербальных состояний («До слова», «Гора») до восхождения в иные миры. Перед читателем проходит процесс воплощения именно на планете Земля, где сама телесность дается как безальтернативный способ познания материальности мира. Пространство раздвигается, задавая систему координат, герой требует себе распятия – креста. Дан парадоксальный механизм рождения героя: состояние «до слова» оказывается онтологически окультуренным (сценическим), а воплощение связывается с растворением «я» в природе. Это своего рода ре-онтогенез, подобный промотанной в обратном направлении киноплёнке.

Сведения об авторе:

Худенко Елена Анатольевна
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы
Алтайского государственного педагогического университета

Л. С. Чаковская (Москва)
[тема без тезисов:]

Открытие иконы в советской живописи 1960-70х: хронология очевидного

Сведения об авторе:

Чаковская Лидия Сергеевна
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Государственного института искусствознания

С. Ф. Членова (Москва)

Н. А. Дмитриева о методах в искусствоведении

Нина Александровна Дмитриева (1917-2003), чьи работы принимались за эталон в научно-художественное среде [\[47\]](#) и при этом были востребованы широким читателем (в первую очередь, книги о Врубеле, Пикассо, Ван Гогге, «Краткая история искусств»), одной из важных функций искусствоведения называла просветительскую.

Она осознавала, что задача человека, пишущего об искусстве и желающего, чтобы его читали не только люди его же профессии, труднее и неблагодарнее, чем, например, у литературоведа: последний имеет дело с вербальным искусством и, значит, говорит с писателем на общем языке, тогда как искусствовед вынужден искать словесные эквиваленты пластическому образу, в какой-то мере антагонистичном слову, он должен быть толмачом, переводчиком с языка пластики на словесный, понимая, что перевод неизбежно далек от оригинала.

Самый простой путь, вообще избегать «перевода» (к нему обычно сводятся тексты в художественных альбомах) – ограничиваться общими сведениями о художнике или художественном направлении, не казался ей самым лучшим. Читатель, рассматривая репродукции, пусть даже превосходные (что большая редкость), испытывает потребность если не в наставнике, то в собеседнике более опытном, чем он сам. Он хочет сверить, сопоставить свои впечатления с суждениями профессионала, то есть автора текста. Это дает ему импульс, пробуждает собственные эстетические реакции и навыки восприятия. Просто сказать читателю, что вот этот художник жил и работал там-то и тогда-то, был классицистом, романтиком или кубистом, что он «обобщал» или «деформировал», что его искусство «побуждает к размышлениям» и пр. -- значит сказать очень мало рассудку и ничего -- эстетическому чувству, а оно-то и нуждается в развитии. Это было глубокое убеждение Дмитриевой.

Она скептически относилась и к общепринятому «методу так называемого анализа», когда произведение описывается, исходя из составляющих его компонентов: сначала сюжет, затем композиция, колорит, рисунок. Продолжая аналогию с переводом, она называла это подстрочником, который дает представление об оригинале, но при этом самое главное -- душа художественного произведения -- ускользает.

И чем обстоятельнее такой анализ, тем он оказывается более длинным и громоздким, протяженным во времени, тогда как живопись -- не временное искусство. Скрупулезный анализ уводит от целостного впечатления, тяжелит его: описание по частям не воссоздает образа.

Как во многом другом и здесь ответы на свои вопросы она находила у Чехова, советовавшего не перечислять, а «хвататься за частности», естественно, не любые, а такие, по которым воображение способно дорисовать целое, представить картину. Описывая (анализируя) произведение искусства, Дмитриева, с ее писательским даром, стремилась «по возможности -- ассоциативно, метафорически или по какой-либо детали -- характеризовать целостное впечатление от него, не слишком дробя на составные элементы».

Еще одна ее установка «...так как искусство, даже строго каноническое, никогда не уподобляется стандартизованному производству, нужно стремиться сказать о художнике то, чего нельзя отнести к другому художнику, а о произведении -- то, чего нельзя отнести к другому произведению».

Испытывая потребность в более гибкой терминологии, каких-то неизбитых категориях, вбирающих «в снятом виде» то, что выражается художником посредством и рисунка, и цвета, и построения, она предлагала использовать понятия, принятые в теории других искусств, например, понятия «атмосферы» и «психологического жеста», как они употребляются в теоретических трудах, в творческой и педагогической практике знаменитого актера и режиссера Михаила Чехова[48].

В докладе будут даны примеры того, как Дмитриева использует понятия «психологического жеста» и «атмосферы», обращаясь к древнерусскому каноническому искусству, живописи Леонардо да Винчи, скульптуре Микеланджело, живописи Ван Гога, Федотова, Моне и Мане, Ватто и др.

И. А. Шаронов (Москва)

Динамика эмотивных проявлений в русском этикете

По мнению культурологов и лингвистов, особенностью русской культуры является свободное и активное выражение спонтанных эмоций. Такой вывод делает, например, Т.В. Ларина (Ларина 2009), проводившая сопоставительный анализ английских и русских коммуникативных стратегий. Определенная доля правды в таких утверждениях есть, однако если от синхронного уровня анализа обратиться к историческому, можно обнаружить значительное «высушивание» эмоциональных проявлений в последнем столетии, проходящее и в индивидуальном, и в коллективном этикете. Анализ проводится на материале художественной литературы XIX – XXI веков, собранного, главным образом, из НКРЯ.

1. Эмоциональность индивидуума. Расставание с сентиментальной эстетикой.

В литературе XIX века довольно много неакцентированных примеров того, что представителям высшего общества отнюдь не возбранялись непосредственные проявления сильных чувств: мужчины дворянского сословия могли плакать от сострадания, слезы на глазах могли и часто должны были выступать во время пафосной речи, вполне допускалось от избытка чувств бросаться другу на шею при встрече, топтать ногой от возмущения или нетерпения. В XX веке такое поведение подвергалось остракизму и ушло вместе с его носителями. «Если бы выставить в музее плачущего большевика, не было б в музее покоя от ротозеев, ещё бы – такое не увидишь и в века!» - писал В. Маяковский, и общество старалось следовать этикету победившего класса. Возможность эмоциональных проявлений такого рода сохранилась только для детей и, с некоторой натяжкой, для женщин. Однако и последние лишились многого – кружевных платочков для прикладывания к мокрым глазам, обмороков для выхода из неловкой ситуации и других привилегий эмоционального этикета высшего сословия. Крестьянские и в целом простонародные нормы ритуально-эмоционального поведения предписывали женщинам выть на проводах (иное поведение могло рассматриваться как выражение холодности, нелюбви к мужу).

Анализ литературы XX века демонстрирует постепенное исчезновение из коммуникативных практик целого ряда эмоционально окрашенных или выражающих эмоции жестов. Практически перестал использоваться между взрослыми людьми угрожающий жест «покачать пальцем» да и к детям он, как кажется, стал применяться реже. Примеры покашливания в кулак от смущения представлены в последний раз в рассказах В. Шукшина и, видимо, не случайно не встречается в НКРЯ в более поздних текстах. Все реже встречаются упоминания, когда человек от удовольствия потирает руки, снисходительно-любовно треплет ребенка или молодую девушку по щеке, истово бьет себя в грудь для убеждения в своей правоте. Давно прекратилась практика разрывания рубахи от переполняющей грудь злости.

2. Коллективная эмоциональность. Утрата групповых эмотивных ритуалов.

Для XIX и начала XX века активное, безграничное проявление восторга народными массами и войсками – неперенный атрибут встречи императора и военачальника. Люди стояли плотной толпой, подбрасывали в воздух шапки, рыдали от восторга, от избытка радости, пускались танцевать вприсядку.

Вплоть до семидесятых годов XX века чествовали победителей «качанием». В XIX веке качали своих кумиров, качали именинников, бригадиров, чтобы дал на водку. В Первую мировую и в гражданскую качали военачальников и атаманов. 9 мая 1945 г. в

Москве восторженные толпы качали незнакомых людей, попавшихся под руку. Теперь качают только победителей-спортсменов и тренеров, все реже и реже.

История социально-принятого эмотивного поведения, зарождения, развития и угасания особых манер для проявления эмоций на протяжении трех последних веков, безусловно, требует системного и детального описания.

Сведения об авторе:

Шаронов Игорь Алексеевич
доктор филологических наук, и.о. заведующего кафедрой русского языка РГГУ

Я. Г. Шемякин (Москва)

О возможности возникновения цивилизационной альтернативы на периферии социокультурной системы России: еще раз о староверах-странниках

Беспоповское старообрядческое согласие бегунов (странников) представляет собой в общем контексте российской истории последних двух с лишним веков относительно небольшое по своему масштабу (числу приверженцев, широте распространения и пр.) социокультурное образование. Странники являли собой наиболее радикальную (по сравнению со всеми иными течениями старообрядчества) форму отрицания официальной никонианской церкви и имперской государственности, подвергаясь в связи с этим постоянным преследованиям. Тем не менее, несмотря на мощное давление всего аппарата власти, как светской, так и духовной, они сумели сохранить себя как особую конфессиональную и культурно-историческую общность. На первый взгляд, вполне логично ограничиться их оценкой как периферийного в общероссийском масштабе явления. Однако, по нашему мнению, подобное ограничение было бы неправомерным.

Как убедительно показала в своей фундаментальной монографии (Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников) и в серии последующих работ Е.Е.Дутчак, староверы-странники сумели сохранить себя в силу системной природы этой конфессии-изолята, которая смогла достичь столь высокого уровня структурной и функциональной сложности, что оказалась сопоставима со сложностью факторов воздействия враждебной внешней среды, выработав культурную символику, которая оказалась в состоянии противостоять идеологии и административным возможностям имперской государственности. По нашему убеждению, речь идет в данном случае о вполне определенном типе системности.

Подобная социокультурная система повышенного уровня сложности и прочности могла быть создана и сохраниться вопреки всем разрушающим воздействиям только в одном случае - если она явила собой цивилизационную альтернативу господствовавшей социокультурной модели. Иными словами, предложила качественно иной подход к решению ключевых проблем-противоречий человеческого существования, по сравнению с тем, какой официально утверждался российской имперской государственностью и высшей иерархией православной церкви. И не просто предложила, а воплотила этот подход и, соответственно, альтернативные господствующим ценностные ориентации во всех основополагающих вопросах общественной и личной жизни, в определенные социальные и ментальные практики поведения людей. Это, в свою очередь, оказалось возможным потому, что бегуны-странники сумели выработать свой способ осуществления основных социальных функций, жизненно необходимых для функционирования любой системы цивилизационного уровня сложности. Именно в ходе реализации упомянутых поведенческих практик и происходило реальное осуществление названных функций.

В силу сложного комплекса конкретно-исторических причин бегунская цивилизационная альтернатива осталась на начальной стадии развертывания, не получив дальнейшего развития. Тем не менее, для того чтобы адекватно оценить то место, которое староверы-странники заняли в российской истории, эту конфессию-изолят следует рассматривать, по нашему убеждению, в разных системах координат. Если с точки зрения масштаба (распространения, воздействия на общую ситуацию в стране) странническое согласие предстает как периферийное социокультурное явление, то с точки зрения заложенного в нем потенциала инаковости, обусловленного полнотой системного качества, его следует рассматривать как альтернативный центр цивилизационного развития, воплотивший возможность совершенно иного пути исторической эволюции России. То, что возможность эта не была реализована, отнюдь не означает, что ее вообще не было.

Сведения об авторе:

Шемякин Яков Георгиевич
доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН

О. Д. Шемякина (Москва)

История любви московской обывательницы. Дневники Марии Николаевны Шустовой

История любви Марии Николаевны Шустовой, дочери разорившегося фабриканта, живущей в доме дядюшки на положении бедной родственницы, была столь бедна событиями, что ее можно расценивать как некий казус, как единичное в истории, интересное хотя бы потому, что дневников небогатых горожанок последней трети XIX в. сохранилось мало. Дневник начинается записью о соседе, небогатом купеческом сыне, в которого она была влюблена и за жизнью которого она наблюдала, примостившись на подоконнике между геранями и фуксиями. Кончатся записи сообщением о предстоящей свадьбе с богатым торговцем табаком.

Все пять тетрадей, исписанных мелким неровным почерком, – это хроника чувств девушки, не одаренной особым литературным талантом. В дневнике не хватает деталей, автора не интересует мир вещей и чужих характеров. Но скупой на события и написанный бедным языком текст вдруг взрывается пространными, полными эмоционального напряжения рассуждениями о счастье и любви. Возможно, это вообще особенности женской прозы и текстов. В блестящем литературоведческом эссе В. Вульф, посвященном творчеству Шарлотты Бронте, настойчиво проводится мысль о том, что мир вещей, природы, человеческих характеров являются в ее прозе символами человеческих страстей, мира чувств. Мышление и чувствование у женщин, по мысли австрийского ученого начала XX в. О. Вейнингера, нераздельны. В нем отсутствует ясность логики мужского ума и господствует ассоциативность, стирающая грани предметного мира, потому что женщине знакомо, как считает О. Вейнингер, только состояние полного слияния с окружающим миром. Эпоха эта ушла безвозвратно. Можно сказать, что устарело не учение З. Фрейда, — умерли его пациентки.

В обретении самостоятельности и самооценности, в преодолении сращенности женской души с миром мужчин и детей, огромную роль играло не только получение образования и профессии, но и изменение характера восприятия действительности, необходимы были условия для адекватного ее отражения, выводящие ее из мира грез и пассивного восприятия мира. Обретение самостоятельного убеждения, писал О. Вейнингер, должно было основываться на объективности наблюдении. Были ли для него условия в купеческой среде? Большую часть времени Маша Шустова проводила у

окна. Общение «через окно» было самым доступным способом для ежедневных контактов - двери дома были открыты только для узкого круга родственников и знакомых. Пространственная дистанция, исключая возможность вербального общения, предполагала использование языка кинесики - общения с помощью мимики и жестов. Этот своеобразный язык включал в свою лексику и использование различных предметов (трости, шляпы, цветов, игральные карты и т.п.), которые являлись способом усиления знаков языка жестов.

Эти сложности общения пытались компенсировать путем использования «чужих текстов» - романсов - для выражения собственных чувств: подчеркнуто громкого пения (чтобы можно было слышать через улицу), что было единственной возможностью обойти групповые запреты перехода к вербальному общению. Церковь была тем социальным институтом, возможности которого максимально использовались для общения. Отдавая дань изобретательности в нахождении самых разнообразных способов коммуникации, нельзя не сказать, что это были меры вынужденные и не способствовавшие взаимопониманию. Проанализировав все варианты общения, можно прийти к выводу о крайней неэффективности — с точки зрения психологии — контактов. Молодая девушка мечтала отдать свою волю, судьбу и желания мужчине, но, растворяясь в нем, не ведала о том, кто ее будущий Хозяин.

Сведения об авторе:

Шемякина Ольга Дмитриевна
кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX в.
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Г. Г. Шеянов (Москва)

Вечнодвижущаяся машина. Два казуса духовного делопроизводства в Российской Империи

Любой системе приходится работать как в штатных условиях, так и при встрече с неординарными обстоятельствами. И тот и другой режим функционирования бюрократической машины важен для понимания её устройства и свойств. Чем ярче казус, тем увлекательнее наблюдать за действиями неуклюжего и инертного механизма, старающегося поддерживать неизменной свою внутреннюю среду. Этим и интересны как историку, так и обывателю, казуистические наблюдения минувших эпох. В 1863 году, в маленьком монастыре Нижегородской епархии случайно (или не совсем случайно) пересеклись две необычных судьбы. Судьба иеромонаха Филарета, открывшего вечный двигатель, — и приходского священника Петра Золотницкого, решившего провозгласить анафему Петру Великому за упразднение патриаршества. Лишь один из двоих оказался настоящим сумасшедшим, а не обыкновенным чудаком. Кто именно — можно понять лишь методом глубокого погружения в административно-психологические реалии тогдашней России. Не только описывающие мир, но и моделирующие его. Документы Нижегородской духовной консистории (из фондов Центрального Архива Нижегородской Области) содержат увлекательную трёхстороннюю переписку иеромонаха Филарета, Министерства путей сообщения и Епархиального управления. Многочисленные распоряжения и рапорты позволяют проследить историю гибкого противостояния упрямого иеромонаха, не теряющего надежды осчастливить человечество, — с его молодым настоятелем, не слишком успешно выполняющим скупые распоряжения начальства. Историю, оборвавшуюся бесцеремонным вмешательством потерявшей

терпение епархиальной власти. А параллельно — будто бы специально для контраста с деликатным прекраснородушием этой сюжетной линии — их монастырь становится одной из сценических площадок жесткой криминальной драмы. Драмы нижегородского графа Монте-Кристо от духовного сословия, из которой вы узнаете о краже антиминса, строгом надзоре, дерзком побеге и тридцатилетнем одиночном заключении. Докладчик уверен, что слушателям будет интересно — не в меньшей мере, чем грустно.

Сведения об авторе:

Шеянов Григорий Геннадьевич
кандидат медицинский наук

А. Д. Шмелев (Москва)

Паремии, используемые в прозе Солженицына, и проблемы их перевода

В докладе обсуждаются паремии (пословицы, поговорки, прибаутки и т. д.), используемые в прозе Солженицына, причем рассматривается как фольклор в традиционном смысле слова, так и современный городской фольклор. Кратко обсуждается проблема перевода русских народных пословиц, использованных в прозе Солженицына (со ссылкой на статью Клода Дюрана [2013]). Особое внимание уделяется трем типам использования паремий, которые пока недостаточно рассмотрены с точки зрения проблем их перевода.

1. «Замаскированные» паремии. Сюда, в частности, относятся случаи, когда паремия приведена не полностью, в сокращенном виде (или просто сделана отсылка к ней) и предполагается, что читатель сможет самостоятельно мысленно восстановить ее. Важно, чтобы переводчик опознавал паремию и правильно понимал ее смысл, что происходит не всегда.

Так, в одном эпизоде из главы «Рассвет понедельника» романа «В круге первом» лейтенант стал указывать дворнику Спиридону: «Давай, Егоров, давай! От парадного к вахте прочисть, от штаба к кухне. Ну, и тут... на прогулочном... Давай!» — на что Спиридон буркнул:

Всем давать - мужу не останется.

В английском переводе Г. Виллетса (вообще очень хорошем) теряется каламбур и «неприличный» смысл поговорки Спиридона. Лейтенант говорит: “All right, Yegorov, get on with it. Clear a path from the main entrance to the guardhouse and from here to the kitchen. And another over there, across the exercise yard. Get on with it.” Спиридон бурчит в ответ: *If everybody has a bit, there 'll be nothing left for the husband.*

2. Переключки отсылок к одной и той же паремии в разных местах произведения. В паремийной переключке эпизодов могут участвовать усеченные паремии, тоже не всегда опознаваемые переводчиками. В романе «В круге первом» в главе «Досужные затеи» о Рубине говорится, что он был «тем самым героем поговорки, кто для красного словца не пожалеет родного отца». Это замечание переведено на английский язык вполне точно: *But Rubin was the proverbial hero who would sacrifice his own father for the sake of a funny remark...*

Но дальше, ближе к концу романа рассказывается о шутке Рубина, когда партию заключенных отправляли в каторжный лагерь, и дается комментарий:

Он равно бы смеялся и над собственным отъездом. Перед красным словцом у него не утаивала ни одна святыня.

Русский читатель легко видит отсылку к предыдущему эпизоду и к поговорке. Перевод Г. Виллетса, будучи вполне верным по смыслу, делает эту отсылку незаметной: *He would have found it just as funny if he had to leave himself. If he saw a chance to make a joke, nothing was sacred.*

3. Современные идиомы и прибаутки, для которых важна именно их клишированность и которые поэтому желательно передавать в переводе при помощи клишированных оборотов. Такими идиомами и прибаутками изобилует речь Максима Чалого в «Раковом корпусе»: *мышей не ловит; не умеешь — научим, не хочешь — заставим; на качелях покатались; Они летат, они и в могилу мечут; жить — хвост морковкой* и многие другие, включая целый ряд «неприличных» стихов, таких, как *Живот на живот — всё заживёт*. Не всегда удается найти им удачное соответствие в языке перевода.

Общий вывод: главное для переводчика — понимание сути текста и отдельных составляющих его частей.

Литература

Дюран К. Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности — в «Красном Колесе» Александра Солженицына // *Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»*. М.: Русский путь, 2013. С. 406–426.

Сведения об авторе:

Шмелев Алексей Дмитриевич
доктор филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет

А. П. Шустова (Москва)

Письма Г. Ф. Лавкрафта как объект междисциплинарных исследований

1. Письма литературных деятелей являются значительными культурными и историческими памятниками и представляют особый интерес для исследователей их личности и творчества, особенно точно это относится к творчеству американского писателя Г. Ф. Лавкрафта, который написал при жизни более десяти тысяч писем [Спрэг де Камп 2008: с. 17]. Эти произведения [Lovescraft 1977], несмотря на их несомненную значимость, являются почти не исследованными даже в Америке.
2. Письма Лавкрафта представляют собой выдающиеся документы, поскольку помогают исследователям во многих аспектах. Во-первых, изучение его писем является важной составляющей при исследовании его художественного творчества. Они способствуют нахождению важнейшей информации для исследователя-филолога. Например, прототипов персонажей и локусов в его рассказах [Шустова 2018: с. 36-40], а также помогает для установления скрытых литературных связей и отсылок. Также необходимо проанализировать эти тексты с точки зрения их формы, поскольку они представляют собой образцы типично лавкрафтовского стиля письма, полного индивидуально-авторских метафор и других тропов.
3. Во-вторых, письма являются неотъемлемой частью при интерпретации событий из жизни писателя, что помогает биографам для установления точных дат, перемещений писателя и характера происшествий в его жизни.
4. В-третьих, письма важны психологам, которые занимаются реконструкцией психотипа писателя. Для этого типа исследователей художественные произведения являются вторичными в отличие от биографического материала, потому что последние более точно и ясно демонстрируют личностные особенности индивида.
5. В-четвертых, эти письма представляют собой уникальный документ, потому что они иллюстрируют формирование так называемого «круга Лавкрафта», т.е. сообщества последователей и учеников писателя, которые приняли его эстетическую и мировоззренческую систему и в какой-то мере перенесли ее в свои произведения. Для этого литературного кружка обмен письмами являлся своего рода «социальной сетью»

и связывал их в один большой сложно функционирующий орган. Именно в своих письмах Лавкрафт дает прямые советы по литературному творчеству, улучшает, а иногда и почти полностью переделывает произведения своих корреспондентов, оказывая несомненное влияние на литературный процесс в Америке. Среди его адресатов были такие знаменитые писатели, как Р.Блох, Р.И.Говард, А.Дерлет, К.Э.Смит и т.д. Также интересно изучить письма, адресованные Лавкрафтом его издателям, потому что эти документы помогают прояснить, как складывались его отношения с издательским миром, и отчасти объяснить неуспех его произведений у современного ему читателя. Изучение писем Лавкрафта является плодотворной областью для текстологов и исследователей, которые занимаются вопросами изучения литературного процесса.

6. В-пятых, письма во многих случаях являются не просто вербальными, а поликодовыми текстами, содержа в себе множество иллюстраций как к повседневной жизни, так и к произведениям самого Лавкрафта и его корреспондентов, что открывает еще одно измерение исследования этих документов – искусствоведческое.
7. Таким образом, <в докладе будет> показано, что письма Лавкрафта, до сих пор недооцененные как важная составляющая его творческого наследия, интересны не только исследователям-филологам, занимающимся собственно творчеством Лавкрафта, но и ученым из других областей: биографам, историкам, текстологам, исследователям литературного процесса в Америке XX века, психологам и искусствоведам. Такой обширный диапазон специальных областей знания, которые следует привлечь для исследования биографического материала Лавкрафта, выявляет особую важность этих документов.

Литература

Lovecraft H.P. Selected Letters. 1976.

Спрэг де Камп Л. Лавкрафт: Биография. М.: 2018. 656 с.

Шустова А.П. Роль топонимики в художественном произведении. – В сборнике «Сфера знаний», Казань, 2018. С. 36-40.

Сведения об авторе:

Шустова Анна Павловна

Магистр филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания

Anna A. Hlaváčová (Bratislava-Florence)

Two pro-Muscovite redactions in the manuscript tradition of the travelogue *A Journey to Florence*⁴⁹¹

The middle of the 15th century is fascinating as the single Russian historical narrative has not yet been formed. The travelogue describing a journey to Florence is important as it is the only original Cyrillic source simultaneous to the council. It is fascinating how faithfully this source had been copied. Although the scriptoria often just copied the available manuscripts, in this study I shall focus on some intentionally looking travelogue variants. One scribe is fascinated by Florentine hospital and so he decides to copy just the corresponding fragment. Another aims at the exactitude in the fresher dating of snows laying on the Alpine peaks. We can also witness how the title *vladyka* used for bishop Avramy had been replaced by *gospodin* reserved for metropolitan Isidore. By this minor terminological shift, the role of Avramy was prudently downplayed, and the role of Isidore was accentuated in response to the swinging attitude to the union of Florence.

It seems that on the margin of the manuscript tradition of the travelogue one could notice also several shifts in meaning, corresponding to the overall tendencies of Muscovy's fight for hegemony over other principalities. The scholars already identified the openly *anti-Novgorodian* travelogue version. There is also a manuscript, omitting the name of the grand prince Boris Alexandrovich of Tver – if the omission is intentional, it could demonstrate suppressing the role of Tver within the narrative. Interestingly, the “*slightly anti-Tver*” scribe gave up on his task in the moment he should have started talking about Novgorod. Both pro-Muscovite manuscripts are, certainly, only a minor phenomenon of the manuscript tradition of the travelogue and most likely they document just a private initiative.

Interestingly, the oldest preserved copy of the travelogue (dated 1478) belongs to the official Muscovite manuscript tradition and bears none of the described interpretative inventions.

Some manuscripts modify the role of council participants and reflect the rivalry between Russian cities, but none does bear a trace of confessional hostility. The words “saint” and “blessed” in relation to the Patriarch, the Emperor, the Council are preserved and there is not a word about the alleged betrayal of Orthodoxy by the Byzantines, which is a motif later established in polemical literature in search for causality between Byzantine acceptance of the Union of Florence and the fall of Constantinople. All the manuscripts of the travelogue with no exception reflect the fact that Russia faced completely different challenges long after the Council of Florence (1439). The travelogue intelligently records phenomena in sight but does not restrain itself from admiration, and the dominance of this original feature in dozens of preserved copies proves a similar mental setting that prevailed in the 15th and 16th century Russia in the Muscovite scriptoria.

Anna A. Hlaváčová
PhD, samostajateľ'nyj naučnyj sotrudnik
Center for Social and Psychological Sciences, Slovak Academy of Sciences

* * *

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

[2] *Кокорев А.В.* Русские стихотворные фацеции XVIII века // *Старинная русская повесть*. М., 1941. С. 230.

[3] См., например: *Малэк Э.* “Неполезное чтение” в России XVII-XVIII веков. Warszawa-Lódź, 1992. С. 19.

[4] РГБ, Тихонравова, № 562. Л. 29об.-32об.

[5] Там же. Л. 30об.

[6] *Бахтин М.М.* Слово в романе. // *Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики*. М., 1997. С. 216.

[7] Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура / Успенский Б.А. *Избранные труды*. Т. 1 Семиотика истории. Семиотика культуры. М., Школа «Языки русской культуры», 1996, С. 434.

[8] См. там же С. 435

[9] Там же

[10] Проект РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

[11] Все цитаты приводятся в современной орфографии и оформляются в соответствии с современными пунктуационными нормами.

[12] Widnäs M. *La Collection des Manuscrits de la Section Slave de la Bibliothèque Universitaire de Helsinki // Helsingin Yliopiston kirjaston julkaisu*, 35.

[13] *Kansaliskirjasto* (Национальная библиотека Финляндии). Sl. Ms. 0-56/1 Учитель истории из г. Владимира

[14] Текст цитируется по Московскому списку (РГБ ф.173.1, № 145, лл. 379-382 об.). Л. 379.

[15] Св. Кирилл.

[16] Л. 379 об.

[17] Л. 380.

[18] Л. 381.

[19] Духовное завещание протоиерея Федора Игнатъевича Дроздова иерею Михаилу Федоровичу Дроздову. Б. м., б. д. [до 1798 г.].

[20] Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма к родным. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2017. С. 349.

[21] Проект РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

[22] По СРНГ, Лыва – 4. Низкое место, затопляемое водой (Север., Даль. Волог., Тунк. Бурят АССР). 5. Низкое, сырое, непросыхающее место в лесу, на лугах и т. п. (Арх., 1885. Арх.) [прим. ред.]

[23] «Своеручные записки» цит. по изд.: Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. СПб., 1913.

[24] Д.С. Мирский. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2005. С. 122.

[25] См. обзор: О.Л. Калашникова. «Сей род сочинений пленителен»: О русской прозе XVIII в. Днепропетровск, 2013. С. 256–257.

[26] О.Л. Калашникова. Цит. соч. С. 261.

[27] Hall S., Jefferson T. (ed.). Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain. – Psychology Press, 1993. – Vol. 7.

[28] Bennett T. Culture: A reformer's science. – Sage, 1998. — P. 171.

[29] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ [17-04-00420-ОГН](#).

[30] Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант [18-012-90025](#).

[31] Проект РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

[32] Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект №18-09-00461. Благодарю фонд Михаила Прохорова за возможность работать в библиотеках США (Университет Иллинойс в Чикаго [University Illinois at Chicago]) с зарубежной литературой по данной проблеме.

[33] Работа поддерживается грантом РФФИ № [18-012-00220](#).

[34] https://nestoriana.wordpress.com/2019/02/24/td_chernoviki_1_chasti/ Можно, впрочем, рассматривать и противостоящую ей столь же «убедительную» аргументацию – Виктора Астафьева (в пересказе Дм.Быкова), согласно которой «Тихий Дон» мог написать только такой молодой человек, у которого «...стоял до звона».

[35] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00615.

[36] Материалы были собраны при поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, проект № 18-1-014252.

[37] Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант №19-012-00620).

[38] В свое время были опубликованы заметки подобного жанра, примыкающие к «Философии культа» *Флоренский П.А., свящ.* Философия культа (опыт православной антропологии. М.: Мысль, 2004. С. 419–501. Это заметки с 1908 по 1923 г., тематически подобранные и хронологически расположенные при публикации составителем (игум. Андроником (Трубачевым)).

[39] В этот день Флоренский венчается с А.М. Гиацинтовой.

[40] Исследование выполняется при поддержке РФФИ: Проект № 17-04-00594-ОГН «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика».

[41] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № [18-09-00351](#) «Рукописное наследие ярославского крестьянина П.В. Бугрова (научное исследование, комментирование и подготовка к публикации)».

[42] В русском переводе романа также встречается вариант заглавия «Воспоминания Адриана», что представляется не совсем корректным для понимания авторской задачи и анализа жанровой специфики произведения. По этой причине в данной работе используется вариант «Мемуары Адриана».

[43] Бахтин, М.М. Эпос и роман. - СПб., 2000. – С.68, 70.

[44] Там же. С.73.

[45] Я1 и Я2 – ядро 1 и ядро 2 (т.е. фрагменты текста, вступающие в многоядерное дискурсивное отношение).

[46] Проект РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

[47] Батракова С.П. Нина Александровна Дмитриева // Н.А.Дмитриева «В поисках гармонии. Искусствоведческие работы разных лет». М. «Прогресс-Традиция», 2009. С.7.

[48] Михаил Чехов. «Техника актера», Нью Йорк, 1946.

[49] *VEGA 2/0047/19 Cyrillic travelogue from the Journey to Florence. Attempt at a narrative.*